

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

На правах рукописи



Никитчик Алина Александровна

**ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
МЫСЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX ВВ.**

Научная специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
Грязнова Татьяна Евгеньевна

Омск 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРИЗНАКИ, ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В УЧЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ЮРИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	24
§ 1. Понятие, признаки и содержание принципов права в интерпретации представителей естественно-правового подхода второй половины XIX – начала XX вв.	24
§ 2. Понятие, признаки и юридические требования принципов права в трактовке сторонников социологического позитивизма второй половины XIX – начала XX вв.	54
§ 3. Понятие, признаки и императивы принципов права в понимании представителей юридического позитивизма второй половины XIX – начала XX вв.	83
ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВА: ВЗГЛЯДЫ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРАВОВЕДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	116
§ 1. Назначение и соотношение принципов права в трудах отечественных правоведов второй половины XIX – начала XX вв.	116
§ 2. Принципы права как основа развития системы права: интерпретация отечественных юристов конца XIX – начала XX вв.	137
§ 3. Принципы права в законотворческой практике российских юристов начала XX в.	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	191
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	200

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Основопологающим значением принципов права обусловлен нескончаемый научный поиск теоретико-правового обоснования их сущности и функционального потенциала. Учитывая, что запросы научного сообщества давно вышли за пределы теоретического монизма советской юридической науки, в стремлении расширить источниковую базу современные ученые склонны апеллировать к трудам зарубежных авторов. Однако скорректированный в 2020 году посредством поправок в Конституцию Российской Федерации путь развития России с учётом духовных аспектов жизни общества требует, чтобы принципы права – фундамент всей правовой системы – соответствовали реалиям и ценностям отечественного государства.

Отождествление принципов права исключительно с идейной основой законотворческой и правоприменительной деятельности в настоящее время сменяется осмыслением как научной, так и практической юриспруденцией их функциональной роли в правовом регулировании. Не случайно один из главных тезисов вступительного доклада «Судебная власть перед вызовами времени», озвученного Председателем Конституционного Суда Российской Федерации на X Всероссийском съезде судей в 2022 году, посвящен «умной законности», предусматривающей реализацию принципов права в качестве способа защиты от юридической некомпетентности и злоупотребления правом¹.

Тематика современных исследований свидетельствует о вовлечении принципов права в решение вопросов, связанных с преодолением пробелов в праве и законодательстве, оптимизацией правоприменительной и интерпретационной деятельности и другими проблемами юридической науки. Однако, по справедливому замечанию В. В. Сорокина, до сих пор «наблюдается разрыв между возможностями, которые таят в себе принципы права и реальной

¹ Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени. – URL: <https://rg.ru/2022/11/29/valerij-zorkin-vazhnoe-uslovie-doveriia-obshchestva-k-sudebnoj-vlasti-ispolnenie-sudebnyh-reshenij.html> (дата обращения: 26.09.2023).

правовой действительностью»¹, что подчеркивает необходимость дальнейшего изучения как функционального потенциала принципов права, так и условий, способствующих его реализации.

Отметим, что в отечественной юридической науке имеют место и иные подходы. Так, Ю. И. Гревцов убежден в том, что «как бы не интерпретировали право, оно по определению система общих норм (правил поведения, субъективных прав, юридических обязанностей). Сами по себе они не могут иметь принципов»². Кардинально противоположна позиция А. В. Коновалова, который предлагает «оптимальную модель правовой организации общества, раскрываемую посредством формулировки 300 принципов частного и публичного права»³. В первом случае, на наш взгляд, правовое регулирование лишается ценностного фундамента, а его эффективность оказывается под угрозой в силу неразрешимости неизбежно возникающих проблем юридической практики; во втором – открывается возможность к манипулятивному использованию в роли «принципа» каждой сравнительно устойчивой, целеполагающей по своему содержанию юридической категории (будь то юридическая норма или доктринальное положение).

Оставляя открытыми вопросы о понятии, признаках и функциях принципов права, современное научное сообщество индифферентно к интеллектуальному наследию юристов второй половины XIX – начала XX вв. в этой области. Настоящее диссертационное исследование не только позволяет преодолеть выявленный теоретический «вакуум», но и высвечивает новые грани научного поиска в решении обозначенных проблем. В условиях дискредитации большинства постулатов европейского либерализма, длительное время определявших правовую политику страны, всестороннее исследование трудов российской юридической элиты имеет исключительное значение для

¹ *Сорокин В. В.* Дух права и буквы закона: вопросы понимания, толкования и действия: монография. М., 2019. С. 244.

² *Гревцов Ю. И.* Закон. Ответственность. Порядок: курс лекций, прочитанных на юридическом факультете СПбГУ. СПб., 2017. С. 203.

³ *Коновалов А. В.* Принципы права: монография. М., 2022. С. 5, 7.

объективной оценки потенциала, самодостаточности и последовательности отечественного либерализма и отстаиваемых им ценностей.

Степень научной разработанности темы исследования.

Аналитический обзор научно-исследовательской литературы в ракурсе, определенном темой исследования, выстроен на основе проблемно-хронологического принципа.

К первой группе источников относятся работы, посвященные отдельным персоналиям российской юридической науки второй половины XIX – начала XX вв. Очевидно, правоведы рассматриваемого периода не могли широко рефлексировать по поводу находящегося в процессе становления научного знания. Однако исключительную важность представляют работы Е. Н. Трубецкого и П. И. Новгородцева, посвященные памяти Б. Н. Чичерина, в которых авторы акцентируют внимание на привнесенных мыслителем идеях свободы и достоинства личности, тесно связанной с ней иерархии правовых ценностей, нравственном обосновании правового принуждения как средства защиты последних¹.

В советский период наследие дореволюционных правоведов длительное время оставалось невостребованным. Однако, несмотря на идеологический монизм, с середины 60-х гг. в научном сообществе отмечается интерес к правопониманию и политическому сознанию либерально настроенной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. Целостное представление об особенностях отечественного позитивизма и юснатурализма мы видим в работах В. Д. Зорькина, С. А. Пяткиной, В. Н. Ивановой, П. С. Шкуринова; критика правоведами политико-правового режима Российской империи, как и предложения по его совершенствованию, проанализированы в трудах П. А. Зайончковского, В. А. Китаева и

¹ *Трубецкой Е. Н.* Борис Николаевич Чичерин как поборник правды в праве // Вестник права. 1904. № 3. С. 1-16; *Он же.* Учение Б. Н. Чичерина о сущности и смысле права // Вопросы философии и психологии. 1905. № 80. С. 353-381; *Новгородцев П. И.* Борис Николаевич Чичерин. М., 1905. 10 с.

Н. Я. Куприца¹. Важными для настоящего исследования являются выводы названных авторов относительно причин научного интереса к осмыслению происхождения и сущности права, его ценности и роли в государственном управлении.

С 90-х гг. XX в. поиск идейной основы перехода от советского к демократическому правовому государству, а также стремление к ускоренному воплощению европейских либеральных ценностей в правовой политике России обусловили существенный прирост диссертационных исследований, посвященных изучению трудов либеральных правоведов. Будучи освобожденным от идеологических клише научное сообщество сосредотачивается на осмыслении воззрений сторонников естественно-правовой теории – Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, В. М. Гессена, С. А. Котляревского, Е. Н. Трубецкого (В. Н. Жуков, В. Э. Березко, А. Р. Яхина, Е. А. Фролова, И. Н. Крохин, А. С. Окатова, Н. В. Кроткова и др.)², представителей социологической юриспруденции – С. А. Муромцева, Н. М. Коркунова, Ф. Ф. Кокошкина и Б. А. Кистяковского (Н. В. Ющенко, О. В. Шаповал, М. И. Юркина, Е. Г. Малькова, В. П. Скворцов, В. А. Курбенков

¹ Зорькин В. Д. Воззрения Б. Н. Чичерина на государство и право: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967; Позитивистская теория права в России. М., 1978; Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; Пяткина С. А. Школа «возрожденного естественного права» в России // Правоведение. 1969. № 6; Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972; Иванова В. Н. Учение Н. М. Коркунова о государстве и праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976; Шкурников П. С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980; Куприц Н. Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). М., 1980.

² Жуков В. Н. Социальная философия П. И. Новгородцева: дис. ... канд. филос. наук. М., 1993; Березко В. Э. Конституционно-правовые взгляды Б. Н. Чичерина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Яхина А. Р. Учение П. И. Новгородцева о праве и государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007; Фролова Е. А. П. И. Новгородцев о праве и государстве. М., 2001; Крохин И. Н. Общественно-политические взгляды и научная деятельность П. И. Новгородцева конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Окатова А. С. Учение В. М. Гессена о государстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Кроткова Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Котляревского: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Савицкая А. Е. Политико-правовая теория С. А. Котляревского: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005; Овчинникова Н. А. Правовые и политические взгляды Е. Н. Трубецкого: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009 и др.

и др.)¹; приверженцев юридического позитивизма – Г. Ф. Шершеневича, С. В. Пахмана, М. Н. Капустина и И. А. Покровского (Т. А. Желдыбина, Р. Р. Шигабутдинов, А. В. Яковлев и др.)². Социально-политические условия формирования научного мировоззрения мыслителей, их ценностные установки, преемственность и специфика авторских воззрений проанализированы в биографических очерках В. А. Томсинова и философско-юридических исследованиях В. Н. Жукова³. Усилиями вышеназванных авторов раскрыт свойственный юридической науке второй половины XIX – начала XX вв. плюрализм правопонимания, изложены политико-правовые идеалы либеральных мыслителей, исследованы проблемы признания прав и свобод личности, парламентаризма, обеспечения формального равенства и справедливого правосудия, реализации права на достойное человеческое существование.

Вторая группа источников представлена политико-правовыми исследованиями, где принципы права затрагиваются в контексте проблем конституционализма, парламентаризма и правового государства. В трудах

¹ Ющенко Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Муромцева: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002; Шаповал О. В. Учение Н. М. Коркунова о праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005; Юркина М. И. Понимание права: интеграция подходов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Малькова Е. Г. Политико-правовая теория Б. А. Кистяковского: историко- и теоретико-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010; Скворцов В. П. Либерально-демократические идеи о государстве и праве Б. А. Кистяковского: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2002; Курбенков В. А. Концептуальные основания политического учения Б. А. Кистяковского: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2004 и др.

² Желдыбина Т. А. Государственно-правовые взгляды Г. Ф. Шершеневича: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007; Шигабутдинов Р. Р. Политико-правовые воззрения, общественная и научно-педагогическая деятельность Г. Ф. Шершеневича: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009; Яковлев А. В. Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014 и др.

³ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. М., 2003; Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 2004; Чичерин Б. Н. Общее государственное право. М., 2006; Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 2014; Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х т. Т. 3. 2-е изд., доп. М., 2015; Жуков В. Н. Философия естественного права в русской мысли первой половины XX в.: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2001; Он же. Социология права в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016 и др.

И. А. Исаева, А. В. Полякова, В. С. Нерсисянца, Т. Е. Грязновой, Е. Г. Багоян, А. Е. Новиковой, А. В. Лапаевой (Кривенцовой) и О. В. Цветковой осмыслены постулируемые мыслителями ценностные ориентиры правовой политики государства (защита личности, законность правления, равенство, народовластие, социальная справедливость и др.)¹. В работах С. Б. Глушаченко, С. И. Глушковой, А. В. Захарова, С. П. Сальникова, А. Е. Матросовой, М. И. Ключникова и О. М. Лиски изложены позиции правоведов относительно прав человека, взаимодействия личности и власти, законности и справедливости применения мер государственного принуждения². Исследования А. Н. Медушевского, Д. В. Аронова, Е. К. Золотухиной, Д. В. Токаревой содержат оценку конституционных проектов и

¹ *Исаев И. А.* Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX вв.). М., 1991; *Поляков А. В.* Либеральный консерватизм Б. Н. Чичерина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 5; *Нерсисянц В. С.* История идей правовой государственности. М., 1993; *Багоян Е. Г.* Идея правового государства в либеральной мысли (конец XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Новикова А. Е.* Учение С. А. Котляревского о правовом государстве // История государства и права. М., 2007; *Кривенцова А. В.* Концепция конституционного государства С. А. Котляревского: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008; *Грязнова Т. Е.* Идея демократии в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX – первой половины XX века: монография. Омск, 2010; *Медушевский А. Н.* Диалог со временем: Российские конституционалисты конца XIX – начала XX вв. М., 2010; *Цветкова О. В.* Эволюция взглядов В. М. Гессена и С. А. Котляревского на становление парламентаризма в России: дис. ... канд. полит. наук. Ульяновск, 2010 и др.

² *Глушаченко С. Б.* Русские юристы второй половины XIX – начала XX вв. о правах личности и правовом государстве: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000; *Глушкова С. И.* Проблема правового идеала в русском либерализме: дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2002; *Захаров А. В.* Государственная власть в трактовке русских либеральных мыслителей XIX – начала XX века: (На примере Б. Н. Чичерина) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2003. Вып. 2; *Сальников С. П.* Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. *Матросова А. Е.* Концепция нравственной личности в философском наследии П. И. Новгородцева: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2010; *Ключников М. И.* Учения о наказании в политико-правовой мысли России второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010; *Лиска О. М.* Учения о применении права в России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

законотворческого опыта отечественных либералов¹. Принципиально значимы выводы вышеназванных учёных об отсутствии в трудах российских правоведов экстраполяции результатов научного творчества зарубежных юристов: при обращении к западноевропейским концепциям мыслители в большей мере сосредоточены на исследовании причин и последствий демократических преобразований в связи с недостаточностью соответствующего опыта в имперской России.

Третью группу источников составляют общетеоретические труды, посвященные проблематике принципов права в целом. Откликом масштабной кодификационной работы 1950-х – 1960-х гг. стал системный анализ начал социалистического права и его отдельных отраслей. Примечательно, что помимо классификации принципов советские юристы сосредоточены на исследовании их преобразовательного потенциала: регулятивное воздействие принципов права доказывается В. П. Грибановым, О. С. Иоффе и Е. А. Лукашевой; взгляд на принципы права как на критерий отраслеобразования характерен для Б. В. Шейндлина, В. М. Семенова и С. А. Братуся. В трудах названных авторов, а также в работах С. С. Алексеева, А. Ф. Шебанова и Л. С. Явича обосновываются догматический и социокультурный подходы к принципам права, их связь с государственной идеологией, ставится вопрос о соотношении принципов-идей и принципов-норм².

¹ Медушевский А. Н. Конституционный проект С. А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996; Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе, 1906-1917 гг. М., 2005; Золотухина Е. К. Права и свободы человека в партийно-политической деятельности российских либералов в 1905-1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2010; Токарева Д. В. Конституционные проекты и концепции в русской либеральной мысли второй половины XIX – первой четверти XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2010.

² Шейндлин Б. В. Сущность советского права. Л., 1959; Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права (Курс советского гражданского права). М., 1963; Шебанов А. Ф. Советское социалистическое общенародное право. М., 1963; Семенов В. М. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов СЮИ. Свердловск, 1964. Вып. 2; Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6; Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. 1968. Вып. 14; Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975; Явич Л. В. Право развитого социалистического общества: сущность и принципы. М., 1978.

В постсоветской и современной юридической науке многочисленные научно-практические конференции позволяют аккумулировать взгляды правоведов и представителей отраслевых юридических наук относительно понятия, признаков, классификации принципов права, их иерархии и препятствий в практической реализации¹. Углубленный анализ вышеуказанных проблем представлен в монографических и диссертационных исследованиях В. Н. Баландина, А. А. Павлушиной, Н. И. Матузова, А. В. Малько, В. В. Мальцева, А. В. Коновалова, А. С. Сидоркина, А. В. Смирновой². Немаловажное значение в общем понимании принципов права имеет учебная литература, подготовленная В. С. Нерсисянцем, М. Н. Марченко, В. М. Сырых, В. В. Лазаревым, Т. Н. Радько, Л. А. Морозовой, А. И. Клименко, И. Л. Честновым, в которой наряду с общеправовыми принципами уделяется внимание тесно связанным с ними принципам правовой политики государства, принципам правотворчества и правоприменительной деятельности, принципам правового государства³. В работах Н. М. Михайленко, В. М. Шафирова, В. А. Илюхиной, С. В. Аникушина раскрываются современные определения

¹ *Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. М., 2017; Материалы международного форума «Юртехнетика» на тему «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации» // Юридическая техника. 2020. № 14; Алешкова И. А., Алферова Е. В., Анциферов Н. В. Обзор международной научной конференции «Принципы конституционного права как правовые регуляторы современной жизни и развития» // Государство и право. 2022. № 7. С. 178-183 и др.*

² *Баландин В. Н., Павлушина А. А. Принципы юридического процесса. Тольятти, 2001; Мальцев В. В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001; Скурко Е. В. Принципы права. М., 2008; Матузов Н. И. и др. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. Саратов, 2010; Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; Смирнова А. В. Принципы права в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020; Коновалов А. В. Принципы права: монография. М., 2022 и др.*

³ *Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2002; Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права: учебное пособие. СПб., 2004; Морозова Л. А. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007; Ильин И. А. Теория права и государства. 2-е изд., доп. М., 2008; Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник. М., 2018; Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001; Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2010; Теория государства и права: учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2013; Теория государства и права: классический учебник / А. М. Гонов, А. И. Клименко, Г. М. Лановая и др. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2023 и др.*

понятия «принцип права» в контексте основных типов правопонимания. В исследованиях К. О. Шевченко, Е. В. Уфимцевой, И. Е. Винницкого, В. Н. Карташова, И. А. Алешковой, С. В. Бирюкова, В. В. Архипова, Д. И. Луковской, М. И. Юдина, Е. С. Зайцевой как прямо, так и косвенно изучаются функции принципов права¹. Отметим, что большинство учёных обращаются к наследию дореволюционных юристов; однако их воззрения используются для исторического обзора вопросов, напрямую не связанных с проблемой принципов права (анализируются взгляды либеральных мыслителей на процессы правообразования, правотворчества, структуризации права и др.).

Анализ научной разработанности темы диссертации позволяет резюмировать, что проблема принципов права уже довольно продолжительное время находится в фокусе внимания научного сообщества, как и наследие либеральной политико-правовой мысли Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Однако между указанными направлениями научного поиска так и не найдены точки соприкосновения – в отечественной юридической науке до сих пор отсутствуют работы, посвященные интерпретации принципов права либеральными правоведами, в связи с чем обращение к избранной теме исследования представляется оправданным.

Объектом диссертационного исследования является либеральная политико-правовая мысль Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.

¹ *Винницкий И. Е.* Функции справедливости и законности как принципов права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; *Уфимцева Е. В.* Различные аспекты понимания категории «принцип права» в отечественной юриспруденции и роль принципов права как субсидиарного критерия разграничения отраслей в системе права // *Genesis: исторические исследования.* 2015. № 6; *Карташов В. Н.* Принципы права: понятие, структуры, функции // *Юридическая техника.* 2020. № 14; *Алешкова И. А.* Принципы и нормы права: функциональная значимость и диалектическая взаимосвязь // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: реферативный журнал.* 2020. № 4; *Бирюков С. В.* Значение дополнения, конкуренции, коллизии принципов права для правоприменительных и иных видов юридической деятельности // *Правоприменение.* 2021. № 4; Роль принципов права при восполнении пробелов в законодательстве / В. В. Архипов, Д. И. Луковская, М. И. Юдина, М. С. Куликова // *Мониторинг правоприменения 2020–2021: Труды экспертов СПбГУ.* СПб., 2022. С. 684-701; *Зайцева Е. С.* Установление пределов правового регулирования в правоприменении // *Журнал российского права.* 2021. Т. 25, № 4. С. 59-70 и др.

Предметом исследования выступают принципы права в теориях М. Н. Капустина, Н. К. Ренненкампа, Б. Н. Чичерина, С. В. Пахмана, Н. М. Коркунова, С. А. Муромцева, М. М. Ковалевского, Г. Ф. Шершеневича, Е. Н. Трубецкого, Б. А. Кистяковского, И. А. Покровского, П. И. Новгородцева, В. М. Гессена, Ф. Ф. Кокошкина и С. А. Котляревского; программных и делопроизводственных документах конституционно-демократической партии и партии демократических реформ.

Цель исследования – выявить и раскрыть взгляды либеральных юристов Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. на сущность и назначение принципов права; осмыслить особенности интерпретации фундаментальных начал права с точки зрения основных подходов к его пониманию (естественно-правового, социологического и позитивистского).

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

- раскрыть понятие, признаки и содержание принципов права в интерпретации российских представителей естественно-правового подхода второй половины XIX – начала XX вв. – Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, В. М. Гессена, Е. Н. Трубецкого и С. А. Котляревского;

- установить признаки и юридические требования, сформулировать понятие принципов права в трактовке отечественных сторонников социологического позитивизма второй половины XIX – начала XX вв. – С. А. Муромцева, Н. М. Коркунова, М. М. Ковалевского, Б. А. Кистяковского и Ф. Ф. Кокошкина;

- раскрыть понятие, признаки и императивы принципов права в понимании приверженцев юридического позитивизма второй половины XIX – начала XX вв. – М. Н. Капустина, Н. К. Ренненкампа, С. В. Пахмана и Г. Ф. Шершеневича;

- установить координационные и субординационные связи принципов права, обоснованные в трудах отечественных правоведов второй половины XIX – начала XX вв.;

- выявить и охарактеризовать функции принципов права, обозначенные либеральными представителями российской юридической науки второй половины XIX – начала XX вв.;

- уяснить позицию дореволюционных юристов относительно роли принципов права в развитии системы права Российской империи конца XIX – начала XX вв.;

- раскрыть практико-ориентированный характер либеральной правовой доктрины – преломление принципов права в законотворческой практике начала XX в.

Теоретическую основу исследования составили труды современных отечественных ученых, раскрывающие познавательные возможности методов исследования истории политико-правовой мысли (В. С. Нерсисянц, А. В. Корнев, А. И. Овчинников), становление и развитие идей о праве и государстве (В. Г. Графский, И. А. Исаев, В. Д. Зорькин, В. Н. Жуков, А. И. Клименко, Е. А. Фролова, В. А. Томсинов), взгляды либеральных юристов имперской России на проблемы конституционализма, парламентаризма и правового государства (Т. Е. Грязнова, А. Н. Медушевский, Д. В. Аронов, А. В. Лапаева), подходы к принципам права в отечественной юриспруденции (Н. И. Матузов, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова, А. В. Малько, В. М. Баранов, С. Б. Поляков, А. С. Сидоркин).

Источниковая база исследования включает четыре группы источников: опубликованные научные труды (монографии, курсы лекций, размещенные в периодических изданиях и сборниках трудов научные статьи), программы конституционно-демократической партии и партии демократических реформ, комплекс законопроектов, делопроизводственная документация (отчеты, доклады конференций).

Определяющее значение для диссертационного исследования имеют научные труды либеральных представителей политико-правовой мысли Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.: М. Н. Капустина, Н. К. Ренненкампфа, Б. Н. Чичерина, С. В. Пахмана, Н. М. Коркунова,

С. А. Муромцева, М. М. Ковалевского, Г. Ф. Шершеневича, Е. Н. Трубецкого, Б. А. Кистяковского, И. А. Покровского, П. И. Новгородцева, В. М. Гессена, Ф. Ф. Кокошкина и С. А. Котляревского. Работы правоведов дают возможность проследить, как в отечественной юридической науке формировалось представление о принципах права, каким образом выстраивалась их система, как прорабатывалось содержание отдельных принципов права и осмыслились их функциональные роли в контексте основных подходов к пониманию права.

Программы политических партий, отражающие результаты научного поиска либерально ориентированных юристов, позволяют определить роль принципов права в планируемых преобразованиях правового порядка России.

Ценность законотворческих актов правоведов-депутатов Государственной Думы Российской империи определяется тем, что они содержат первый опыт позитивизации принципов права. Наличествующие в пояснительных записках к законопроектам развернутые авторские комментарии относительно содержания принципов права, а также глубокий анализ исторических условий их реализации демонстрируют целенаправленность, последовательность и системность планируемой либералами масштабной правовой реформы.

Делопроизводственные материалы освещают аргументацию депутатов либерального толка в пользу принятия законодательных актов, детализирующих осмысленные и теоретически обоснованные принципы права. В дискуссии с оппозицией прослеживается стратегия перехода к подлинно конституционному правлению, выстраиваемая сообразно российским реалиям начала XX в.

Методология диссертационного исследования обусловлена междисциплинарным характером настоящей работы, который проявляется в тесной связи политико-правовой мысли с теорией государства и права, историей государства и права России, юридическими отраслевыми науками, а также философией, историей, социологией и политологией. Междисциплинарный подход предполагает актуализацию достижений

отечественной либеральной политико-правовой мысли в целях разрешения общетеоретических проблем современной юриспруденции.

Исключительную важность для исследований политико-правового профиля, раскрывающих, по справедливому замечанию А. В. Корнева, «онтологический статус базовых категорий юриспруденции»¹, имеет философский инструментарий. Диалектика дает возможность проследить развитие идеи о принципах права и сопряженных с ней понятийных конструкций в теориях представителей различных подходов к правопониманию, рефлексирующих с опорой на изменяющиеся социально-политические условия. Герменевтика (с присущими ей методами осмысления, интерпретации, истолкования и реконструкции) в применении к идеям, терминам, теориям и моделируемым идеалам позволяет понять отраженное в тексте правовое мышление правоведов второй половины XIX – начала XX вв. Аксиология способствует уяснению ценностных установок либеральных представителей российской юриспруденции, которыми они руководствовались как при научном осмыслении проблемы, так и при выступлении с законотворческой инициативой в рамках парламентской деятельности.

При проведении диссертационного исследования применялись также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сопоставление и сравнение) и частнонаучные методы. Посредством конкретно-исторического метода устанавливается исторический контекст научного и практического интереса к принципам права в юридической мысли второй половины XIX – начала XX вв. Формально-юридический метод позволяет сформулировать понятие и признаки принципов права как юридической категории. Метод системного анализа используется при выявлении координационных и субординационных связей принципов права, с осмыслением которых либеральные правоведы связывают развитие системы права и эффективность правоприменения.

¹ Корнев А. В. Конкуренция методологических подходов в истории политических и правовых учений // Lex Russica. 2022. № 9. С. 133.

Специфика политико-правового исследования определяет логику изложения материала, выстраиваемого в соответствии с проблемно-хронологическим и сравнительно-правовым методами.

Научная новизна исследования состоит в том, что принципы права в интерпретации российских либеральных правоведов второй половины XIX – начала XX вв. впервые в отечественной юриспруденции стали предметом масштабного научного изыскания. Ориентированность настоящего диссертационного исследования на создание интеллектуального подспорья для современной юридической науки обеспечивается изучением политико-правовой мысли сквозь призму актуальных общетеоретических проблем.

В результате проведенного исследования выявлен терминологический ряд, предшествующий и сопутствующий формированию юридической категории «принципы права»; раскрыто понимание принципов права с точки зрения конкурирующих в юридическом научном сообществе второй половины XIX – начала XX вв. естественно-правового, социологического и позитивистского подходов; сформирован перечень общеправовых принципов и дана содержательная характеристика каждого из них; установлены и проанализированы сходства и различия авторских позиций. Выявлены признаки принципов права как юридической категории, раскрыты взгляды дореволюционных юристов относительно функциональной роли принципов права в оптимизации правоприменительной деятельности и преодолении пробелов законодательства, в законотворческой практике, в структуризации и совершенствовании отечественной системы права.

Научные результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сформулировать следующие **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Принципы права, начиная со второй половины XIX века, становятся предметом устойчивого исследовательского интереса либеральных представителей юридической науки Российской империи. Стадия становления понятийного аппарата юриспруденции, а также присущее сторонникам юснатурализма – Б. Н. Чичерину, П. И. Новгородцеву, В. М. Гессену,

Е. Н. Трубецкому и С. А. Котляревскому – стремление подчеркнуть приоритет и незыблемую ценность естественно-правовых норм (в противовес нормам права позитивного) объясняют многообразие употребляемых авторами синонимичных терминов: «общие начала права», «система общих юридических норм», «постоянные элементы права», «нормы правоубеждения», «нравственные требования права» и др.

Сосредоточенность на формальной стороне правопорядка, а также упор на творческий потенциал юридической науки отразились в понятийном аппарате правоведов-позитивистов: С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский, Ф. Ф. Кокошкин, Г. Ф. Шершеневич, С. В. Пахман и М. Н. Капустин активно оперируют термином «принцип права».

2. Под принципами права сторонники естественно-правового подхода понимают основополагающие начала, отражающие сущность и ценностные ориентиры такого правового регулирования, при котором функционирование государственных и общественных институтов направлено на обеспечение прав, свобод и достойного существования личности. В трактовке представителей социологической юриспруденции принципы права рассматриваются как основы идеального социально-справедливого правопорядка, воплощенные в законодательстве в роли ценностно-целевых ориентиров. В интерпретации приверженцев юридического позитивизма принципы права – это руководящие юридические нормы, разработанные теоретико-правовой наукой в целях учреждения императивов правового регулирования и закрепления приоритетов прогрессивной правовой политики.

Источники принципов права определяются авторами в зависимости от избранного подхода к пониманию права: в рамках юснатурализма под таковыми признаются требования естественного права, в социологической юриспруденции – общественное правосознание, в юридическом позитивизме – правовая доктрина.

3. Либеральные представители российской юриспруденции второй половины XIX – начала XX вв. разграничивают принципы-идеи и принципы-

нормы. Безотносительно к типу правопонимания в числе признаков принципов-идей правоведы называют их учредительный характер, прямое действие, регулятивность, устойчивость содержания, для принципов-норм (наряду с указанными признаками) – формальную определенность.

Сторонники юридического позитивизма формальную определенность позиционируют в качестве обязательного признака принципов права как таковых. П. И. Новгородцев, Н. М. Коркунов, Ф. Ф. Кокошкин и М. М. Ковалевский отдают приоритет принципам-нормам; знак тождества между принципом-идеей и принципом-нормой ставят В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский и С. А. Муромцев.

4. В рамках естественно-правового, социологического и позитивистского подходов складывается перечень принципов права, отражающий ключевые ценности нового либерализма – гуманизм, справедливость, законность, формальное равенство и демократизм.

Безотносительно к типу правопонимания правоведов объединяет взгляд на принцип гуманизма как на признание государством ценности личности, выражающееся в законодательном закреплении её прав и гарантий их реализации. Под принципом законности мыслители понимают неукоснительное соблюдение действующих юридических норм всеми участниками правоотношений. Принцип справедливости отождествляется юристами с равенством правовых возможностей, единством прав и обязанностей, всеобщностью правовой защиты, соразмерностью наказания совершенному правонарушению.

Принцип формального равенства сторонники естественно-правового и социологического подходов (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, В. М. Гессен, С. А. Котляревский, Б. А. Кистяковский, М. М. Ковалевский и Н. М. Коркунов) трактуют как признание равного достоинства, прав и свобод граждан, обеспечивающих беспрепятственный доступ к культурным благам и гарантирующих судебную защиту законных интересов личности независимо от её материального положения. Представители юридического позитивизма

(Г. Ф. Шершеневич, С. В. Пахман и Н. К. Ренненкампф) рассматривают формальное равенство как императив принципа законности, гарантирующий общеобязательность правовых норм и беспристрастность правосудия. Под принципом демократизма правоведы понимают признание политических прав и свобод граждан, открывающих доступ к участию в формировании правового порядка как непосредственно, так и с помощью народного представительства – института солидарного участия населения и власти в разработке и принятии нормативных правовых актов (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, В. М. Гессен, С. А. Котляревский), носителя законодательной власти (Б. А. Кистяковский и Ф. Ф. Кокошкин), источника законотворческих инициатив (Г. Ф. Шершеневич и М. Н. Капустин).

5. Рассматривая принципы права в качестве системы, либеральные правоведы акцентируют внимание на их координационных и субординационных связях. Взаимообусловленность естественного права и нравственности определяет основополагающее значение принципов гуманизма и справедливости в юснатурализме; отражение идеалов, интересов и потребностей социума в общественном правосознании обуславливает доминанту принципа справедливости в социологической юриспруденции; позиционирование результатов научных исследований в качестве неотъемлемой составляющей эффективной регламентации общественных отношений объясняет господство принципа законности в юридическом позитивизме.

Взаимодействие принципов права имеет место тогда, когда эффективность одного или нескольких принципов сопряжена со степенью реализации другого, конкуренция – когда возникает необходимость в выборе принципа, наиболее соответствующего целям правового регулирования.

6. Преимущественное внимание в работах российских правоведов второй половины XIX – начала XX вв. уделяется правовосполнительной, регулятивной и преобразовательной функциям принципов права. Правовосполнительная функция актуализируется в случаях выявления пробелов в законодательстве:

сторонники естественно-правового и социологического подходов (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, С. А. Муромцев и Б. А. Кистяковский) считают необходимым преодоление пробела посредством применения принципов-идей; представители юридического позитивизма (Г. Ф. Шершеневич и И. А. Покровский) рассматривают законность и справедливость как коллизионные принципы, выступая против применения принципов-идей в отсутствие необходимой юридической нормы; М. Н. Капустин убежден в допустимости преодоления пробела на основании принципов-идей, если впоследствии будет принята соответствующая норма.

Регулятивная функция принципов права проявляется в проектах законодательства конституционно-демократической партии и партии демократических реформ: к закреплению в качестве норм-принципов предлагаются принципы законности, гуманизма, формального равенства, справедливости и демократизма.

7. Преобразовательную функцию принципов права либеральные мыслители связывают: с выделением новых структурных элементов системы права (становление отрасли права социального обеспечения под воздействием принципа гуманизма – П. И. Новгородцев, В. М. Гессен и И. А. Покровский; отрасли административного судопроизводства в результате совокупного действия принципов гуманизма, законности и демократизма – В. М. Гессен и Н. М. Коркунов), с качественными изменениями в существующих отраслях права (дополнение предмета гражданского права юридической защитой личных неимущественных прав – И. А. Покровский, С. А. Муромцев и С. В. Пахман), с повышением эффективности правового регулирования в пределах конкретной отрасли права (разработка отраслевых принципов права посредством проецирования общеправовых начал на отдельные группы общественных отношений – В. М. Гессен, Н. М. Коркунов, С. В. Пахман).

8. Поиск дополнительного (по отношению к предмету правового регулирования) критерия структуризации правового материала приводит Б. Н. Чичерина и И. А. Покровского к осмыслению межотраслевых принципов,

позволяющих соотнести отрасли права с его разделами. Принципы индивидуализма, равенства, беспрепятственной реализации субъективных прав путём свободного волеизъявления и децентрализации рассматриваются правоведами как основа диспозитивности воздействия в частном праве, а принципы общественной пользы, субординации и централизации определяют императивность права публичного.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в углублении и развитии научного знания об основных понятиях и категориях теории государства и права, истории учений о праве и государстве, истории государства и права России; в выявлении научной и практической ценности исторического опыта отечественной юридической науки в рамках обозначенной проблематики.

Результаты работы могут быть использованы в процессе преподавания истории правовых и политических учений, истории государства и права России, теории государства и права, других юридических дисциплин, а также при подготовке научно-педагогических кадров по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. Положения диссертации будут способствовать дальнейшему развитию исследований, посвященных принципам права и тесно связанным с ними теоретическим проблемам правопонимания, правообразования, правотворчества, реализации права, толкования права, правосознания, правового государства и др.

Основные выводы диссертационного исследования могут быть востребованы в законотворческой практике в части нормативного закрепления отдельных принципов права, структуризации правового материала, использования юридико-технических средств, создающих условия для реализации дискреционных полномочий правоприменителя, а также в правоприменительной деятельности – аспекты, связанные с пределами правового регулирования, конкуренцией принципов права и преодолением пробелов законодательства.

Принципы права в интерпретации российских юристов второй половины XIX – начала XX вв. отражают ценности отечественной либеральной доктрины, которая может стать основой для развития правопорядка в современном государстве.

Степень достоверности результатов исследования высока; она достигается за счет того, что полученные выводы:

- основаны на изучении широкого круга репрезентативных источников и научно-исследовательской литературы;
- отражают взгляды сторонников господствующих в юридической науке подходов к пониманию права;
- базируются на современной, соответствующей профилю политико-правового исследования методологии;
- согласуются с подходами, общепризнанными современным научным сообществом в области истории учений о праве и государстве, теории и истории права и государства, а также иных гуманитарных наук – философии, истории и социологии.

Апробация результатов исследования. Основные выводы нашли отражение в 20 научных публикациях (5 из которых – в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень, определенный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертационных исследований), а также представлены на научных конференциях международного и всероссийского уровней (Омск, 2021-2024 гг.; Томск, 2021 г.; Москва, 2021, 2024 гг.; Екатеринбург, 2021 г.; Нижний Новгород, 2021 г.; Иркутск, 2022 г.; Краснодар, 2021-2023 гг.; Санкт-Петербург, 2023 г.). Результаты проведенного исследования внедрены в образовательный процесс Омской академии МВД России, Санкт-Петербургского университета МВД России, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Структура диссертации predetermined объектом, предметом, целью и задачами исследования. Диссертация включает введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение и список использованных источников. Работа выполнена в объеме, установленном Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

ГЛАВА 1. ПРИЗНАКИ, ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В УЧЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ЮРИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

§ 1. Понятие, признаки и содержание принципов права в интерпретации представителей естественно-правового подхода второй половины XIX – начала XX вв.

Теория естественного права на протяжении своего многовекового существования сохраняла важное значение при разрешении ключевых вопросов юриспруденции. Постановка проблемы принципов права во второй половине XIX – начале XX вв. связана с эволюцией естественно-правовой парадигмы, в результате которой представление об автономном вечном праве природы уступило место идее естественного права с изменяющимся содержанием, исторически и культурно обусловленным реалиями жизни человека.

Наряду с этим интерес российских юристов к естественно-правовой доктрине был обусловлен разочарованием в преобразовательном потенциале абсолютизма, побудившим мыслителей к поиску легитимных способов совершенствования политического строя и правовой системы страны. Переход от незыблемых абстрактных идеалов к осмыслению более конкретных, трансформирующихся вслед за развитием общества принципов, долженствующих служить эталоном человеческих взаимоотношений, позволил авторам рассматривать требования естественного права в качестве ценностно-целевых ориентиров модернизации правовой политики государства¹.

Фактором, ускорившим осмысление принципов права, следует признать развернувшуюся в юридической науке второй половины XIX – начала XX вв. научную полемику по поводу понимания права². Поскольку большинство

¹ Никитчик А. А. Принципы права в естественно-правовой теории России второй половины XIX – начала XX века // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 4. С. 344.

² Грязнова Т. Е. Принципы права в интерпретации российских либеральных юристов конца XIX - начала XX века // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 132.

мыслителей при аргументации предлагаемых концепций так или иначе касались критики естественного права, сторонники последнего подхода восприняли сложившуюся ситуацию как кризис отечественного правоведения, повлекший крушение важнейшего идеала эпохи Просвещения – идеи гуманизма. Б. Н. Чичерин и П. И. Новгородцев, предвидя негативные последствия забвения естественно-правовой теории, стали одними из первых, кто предпринял попытку по актуализации её основных положений.

По мнению вышеуказанных авторов, историческая школа права, вытесняющая человека из правообразовательного процесса, и социологический позитивизм, представляющий личность преимущественно в качестве продукта определенной социальной среды, низводят её нравственную ценность и искажают истинную роль в политико-правовых процессах. Кроме того, усиление позитивистских настроений мыслители расценивают как препятствие для развития юридической науки и её категориального аппарата, связывая господствующий правовой этатизм с чрезмерно узким представлением о сложных правовых явлениях¹.

Выход из складывающейся ситуации юристам виделся в «возрождении» естественно-правовых идей посредством рационального объяснения воздействия основополагающих начал права на правотворческую, правоприменительную и правореализационную деятельность в государстве. «Право не исчерпывается положительным законодательством»², – указывает Б. Н. Чичерин, поскольку последнее отражает результаты человеческой деятельности, направленной на упорядочение общественных отношений в соответствии с потребностями и интересами социума на конкретном этапе его развития. Риск законотворческих ошибок, а также необходимость соответствия правовой регламентации динамике социальных процессов становятся причинами переоценки позитивного права. «Чем же должен руководствоваться

¹ Чичерин Б. Н. Положительная философия и единство науки. М., 1892. С. 5; Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 8-12.

² Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 1.

законодатель при определении прав и обязанностей подчиняющихся его велениям лиц? Он не может черпать руководящие начала из самого положительного права, ибо это именно то, что требуется оценить и изменить; для этого нужны иные, высшие соображения»¹, – поясняет автор.

Поскольку принципы права не являлись предметом исследований сторонников естественно-правового подхода, а раскрывались правоведами в контексте решения более значимых юридических проблем, соответствующий понятийный аппарат ещё находится на стадии становления². Однако в своих трудах учёные достаточно чётко проводят признаки принципов права, позволяющие осмыслить понимание ими данной категории.

Интерпретация естественного права не только в качестве мыслимого идеала, но и в роли основы правовой регламентации фактически сложившихся общественных отношений позволяет авторам говорить об учредительном характере принципов права. Данный признак особенно подчеркнут в предложенной Б. Н. Чичериным трактовке естественного права, где последнее – «система общих юридических норм, вытекающих из человеческого разума и долженствующих служить мерилom и руководством для положительного законодательства»³. Согласно Б. Н. Чичерину, требования естественного права воздействуют не только на процесс формирования законодательства, но и выступают критерием его оценки, что сохраняет за ними учредительный характер даже после введения в действие норм позитивного права⁴.

Подобных взглядов придерживается и П. И. Новгородцев. В частности, нормативное закрепление гражданских прав и свобод правоведами интерпретирует как «самоограничение» государства от неправомерного вмешательства в жизнь человека, продиктованное одним из «нравственных требований» естественного права – постулатом неприкосновенности личности. Будучи убеждённым в

¹ Чичерин Б. Н. *Философия права*. М., 1900. С. 1.

² Грязнова Т. Е. Принципы права в интерпретации российских либеральных юристов конца XIX – начала XX века // *Юридическая техника*. 2020. № 14. С. 132.

³ Чичерин Б. Н. *Философия права*. М., 1900. С. 94.

⁴ Зорькин В. Д. Чичерин (Из истории политической и правовой мысли). М., 1984. С. 31-32.

воздействии естественного права на развитие законодательства, П. И. Новгородцев заключает: «Нравственные требования считаются могущественной силой, определяющей характер формальных конструкций»¹.

Учредительный характер принципов права не только обуславливает апелляцию к отправным идеям в преддверии создания нового законодательного акта, но и оказывает воздействие на совершенствование действующих правовых норм. Так, например, В. М. Гессен фундаментальное значение общеправовых принципов усматривает в устранении законотворческих ошибок. «Сопоставляя свою норму с действующей, естественное право раскрывает “неестественность” последней, тем самым оно констатирует необходимость и указывает цель законодательной реформы»², – пишет он.

Аналогичный подход характерен для Е. Н. Трубецкого, который коллизию естественного права и норм действующего законодательства расценивает как «призыв к усовершенствованию»³ последнего.

Постулирование естественно-правовых принципов в качестве фундамента правового регулирования указывает на убежденность авторов в их доминанте по отношению к нормам законодательства. Так, П. И. Новгородцев рассматривает основополагающие начала как «постоянные элементы права», которые, сосредотачивая в себе ключевые ценности общества и государства, ориентируют на приближение к нравственному идеалу содержание «изменчивых составных частей» – остальных юридических норм⁴.

Об устойчивости содержания общеправовых принципов не раз высказывался Б. Н. Чичерин. При этом незыблемость руководящих идей автор не склонен отождествлять с косностью законодательства, поскольку, «прилагаясь к жизни, общие начала права видоизменяются сообразно с условиями, потребностями, взглядами и степенью развития общества, в

¹ *Новгородцев П. И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (V). С. 537.

² *Гессен В. М.* Возрождение естественного права. М., 1902. С. 12.

³ *Трубецкой Е. Н.* Энциклопедия права. М., 1908. С. 59.

⁴ *Новгородцев П. И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (V). С. 514.

котором они призваны действовать»¹. Данный процесс Б. Н. Чичерин связывает не с буквальной трансформацией значения принципов права, а с процессом более полного осознания их содержания. Требования естественного права метафизичны, а потому не могут быть опровергнуты опытом человеческого взаимодействия, оставаясь незыблемым идеалом, «руководящим началом для законодателей и юристов»², – указывает он.

Е. Н. Трубецкой приходит к похожим суждениям, анализируя философско-правовое учение Б. Н. Чичерина с точки зрения правовой аксиологии. В своей аргументации в пользу относительной устойчивости содержания принципов права мыслитель ссылается на существование воплощаемых в отправных идеях «больших» и «меньших» ценностей права. Под «большими» ценностями Е. Н. Трубецкой подразумевает свойственное всему человечеству сакральное устремление к достижению высшей справедливости и свободы. Названные «большие ценности» как «нечто непреходящее, нечто такое, что торжествует над временем»³, определяют «ценности меньшие», которые хотя и модифицируются вслед за особенностями общества на отдельно взятом этапе его развития, но никогда не приводят к полному опровержению представлений об идеальном праве⁴.

Рассуждения Е. Н. Трубецкого о заложенных в фундаментальных началах права ценностях позволяют сделать заключение об отображении в общеправовых принципах специфики социально-экономических и культурных основ жизни общества. Данный признак обуславливается тем, что характер правовой регламентации общественных отношений должен соответствовать уровню их развития, выделяя в качестве приоритетных направлений государственно-правовой защиты общепризнанные ценности конкретной эпохи.

¹ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 93.

² Там же.

³ Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 527-528.

⁴ Лебедев С. Н. Теория ценности и ценности права: история и методология // История государства и права. 2011. № 21. С. 6-10.

Взгляд на принципы права как на носителей ценностных ориентиров действующего законодательства знаменует качественно новый уровень понимания естественного права, немаловажную роль в котором сыграло широкое распространение идей нормативной, социологической и исторической школ, подчеркивающих отдаленность идеальных представлений естественно-правовой теории от реальных социально-политических целей. Позиционируя основополагающие начала права в качестве фундамента правовой политики государства, мыслители шли по пути признания исторической изменчивости тех нравственных норм, из которых они выводились. «Конкретные требования естественного права меняются сообразно условиям времени и места; и тот возможный максимум свободы, которого оно требует для каждой данной страны и эпохи, не есть величина постоянная, для всех одинаковая»¹, – пишет Е. Н. Трубецкой, признавая тем самым состоятельность отдельных положений историзма и весьма успешно вписывая их в естественно-правовой канон.

Пересмотр постулата статичности естественного права мы встречаем и в трудах С. А. Котляревского. «У справедливости, как у естественного права, есть “меняющееся содержание”, тот исторический материал, к которому она прилагается – не только в смысле объективных возможностей – экономических, технических и т.п., но и в смысле отличающих данную эпоху идей, чувств и стремлений»², – утверждает автор.

Полагая, что общеправовые принципы отображают в своем содержании социально-экономические и культурные основы жизни общества, правоведы рассматривают их в качестве императивов, способных повлиять на поведение субъектов права. Регулятивный характер принципов права подчеркивает П. И. Новгородцев, согласно которому «постоянные элементы права прямо и безмолвно признаются таковыми в соответствии со всем культурным состоянием народа и служат, вместе с тем, правовым критерием для оценки ...

¹ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М., 1908. С. 67.

² Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М., 1915. С. 396.

волевых актов государства»¹. Позиция мыслителя вполне согласуется с сегодняшним представлением о регулятивной функции принципов права: по справедливому замечанию В. Н. Карташова, принципы как самостоятельно, так и во взаимосвязи с другими нормативно-правовыми предписаниями, нравственными или иными социальными нормами оказывают воздействие на участников общественных отношений, предопределяя характер конкретных правовых действий и выносимых юридически значимых решений посредством их соотнесения с системой ценностей в конкретном обществе².

В аксиоматичном направлении движутся мысли Б. Н. Чичерина о праве и нравственности как о двух самостоятельных, но взаимодействующих регуляторах свободы личности. По мнению автора, нравственные ценности, воздействующие на внутреннюю свободу человека (мысли, цели и решения), должны найти отражение в праве как регуляторе внешнего проявления свободы (поведения и поступков), что обусловит уважительное отношение граждан к юридическому закону и его соблюдение в целях гармоничного существования людей с конкурирующими интересами и потребностями³.

Значительно шире мыслит В. М. Гессен, полагая, что векторный характер идей об идеальном праве обуславливает необходимость их буквального воплощения в тексте нормативных актов. Данная мера, согласно автору, не только усилит основополагающее значение общеправовых принципов, но и подчеркнет их преобразовательный потенциал, побуждая к качественным изменениям действующего законодательства. «Конечно, между нормой положительной и нормой правоубеждения может возникать противоречие. Но противоречие это разрешается отнюдь не отрицанием положительного права... Оно разрешается требованием изменения, реформы положительного

¹ Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (V). С. 514.

² Карташов В. Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 166.

³ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1990. С. 89-90.

права, требованием позитивизации естественно-правовой нормы»¹, – пишет В. М. Гессен.

Предложенный вышеназванным автором подход получает логическую завершенность в рассуждениях П. И. Новгородцева, который наряду с Б. Н. Чичериным и В. М. Гессеном рассматривает формальное определение положений естественного права как результат мыслительной деятельности законодателя. Правовед считает вполне допустимым отсутствие тождества между совокупностью нравственных начал права и перечнем норм, образованных в результате их позитивизации, поскольку нормативное закрепление правового идеала требует более конкретных и в то же время ёмких юридических конструкций. Иными словами, законодатель в ходе правотворческой деятельности трансформирует фундаментальные идеи права, выражая их в виде юридических норм, назначение которых «подмечать и закреплять в юридических конструкциях все то, важное с нравственной точки зрения, хотя бы и едва уловимое с юридической»². Тем самым П. И. Новгородцев выделяет не только принципы-идеи, но и принципы-нормы, привносящие в процесс регламентации общественных отношений элементы совершенного правопорядка.

Понимание естественного права в виде общеобязательных норм, содержание которых либо сформулировано в законе, либо выводится из его смысла, указывает на признак формальной определенности, которым должны обладать принципы по мере осмысления их востребованности для достижения целей правового регулирования.

Итак, в рамках естественно-правового подхода во второй половине XIX – начале XX вв. прослеживается твердость убеждений авторов относительно трансляции нравственных начал права на законодательство и юридическую практику. Признаки естественного права, выделяемые учёными, свидетельствуют о его трансформации в качественно новую юридическую

¹ Гессен В. М. Возрождение естественного права. СПб., 1902. С. 12.

² Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (V). С. 517.

категорию принципов права, именуемых «общими юридическими нормами, вытекающими из человеческого разума» (Б. Н. Чичерин), «нормами правоубеждения» (В. М. Гессен), «постоянными элементами права» (П. И. Новгородцев) и другими синонимичными терминами. Схожесть во взглядах относительно основополагающего значения, регулятивности и устойчивости ценностей, отраженных в содержании естественно-правовых начал, демонстрирует единство подхода к интерпретации принципов права. Наделение фундаментальных идей признаком формальной определенности указывает на осмысление практической значимости принципов права для процесса правового регулирования.

Принципы права, согласно представителям естественно-правового подхода, являют собой совокупность тесно связанных, взаимодополняющих элементов, направленных на воплощение нравственных начал в процессе регулирования общественных отношений. При этом особую роль правоведы отводят принципам справедливости и гуманизма.

Реализацию принципа гуманизма в правотворческой и правоохранительной деятельности государства юристы, в первую очередь, видят в закреплении перечня прав и свобод личности в нормах действующего законодательства. Например, Б. Н. Чичерин, рассматривая личность как «корень и определяющее начало всех общественных отношений»¹, настаивает на создании защищенной правом сферы, внутри которой человек сможет беспрепятственно реализовывать свою свободу. По мнению мыслителя, именно отражение прав и свобод граждан в нормативных правовых актах выступает гарантом государственного признания достоинства и свободы личности.

Разделяя позицию Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцев в качестве основной нравственной нормы, нуждающейся в неременной позитивизации, выделяет так называемый «принцип личности» – «понятие личности в её безусловном значении и бесконечном призвании»². Рассуждая о

¹ Чичерин Б. Н. *Философия права*. М., 1900. С. 53.

² Новгородцев П. И. *Об общественном идеале*. Вып. 1. 2-е изд. Киев, 1919. С. 67.

неотчуждаемых правах человека, мыслитель подчеркивает, что их закрепление в нормах законодательства служит «как бы материальным пределом законодательной власти государства»¹, сдерживающим её от закрепощения личности при регламентации общественных отношений.

Требование закрепления общеобязательных норм, предусматривающих равные гражданские права и одинаковые способы их приобретения, является также одним из основных положений в понимании принципа справедливости.

Справедливость или, как её именует Б. Н. Чичерин, «правда» «состоит в признании за всеми равного человеческого достоинства и свободы, в каких бы условиях человек не находился и какое бы положение он не занимал»². Поскольку в основе уважительного отношения к личности лежит представление о присущих ей разуме и свободе, правоотношения рассматриваются автором как процесс взаимодействия множества «свободных волей», в результате которого могут возникать противоречия. Необходимость «столкновения волей» используется Б. Н. Чичериным в качестве ещё одного аргумента в пользу закрепления в законе «общих норм, определяющих... что каждый может делать, не посягая на чужую свободу»³. В этом смысле принцип справедливости становится основой реализации и защиты провозглашенных гражданских прав и понимается мыслителем как руководящее начало права, призванное «беспристрастно, невзирая на личные интересы, разрешать столкновения, возникающие из взаимодействия человеческой свободы»⁴.

Законодательная регламентация границ дозволенного поведения рассматривается Б. Н. Чичериным как механизм эффективной, но не абсолютной защиты свободы, прекращающий своё действие в случае нарушений гражданами соответствующих предписаний права. Вслед за ними нарушается воплощенная в законе идея справедливости, восстановление

¹ Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (V). С. 514.

² Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 99.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 99.

которой правовед усматривает в ограничении свободы той личности, которая допустила противоправное посягательство. В рамках данного аспекта интерпретируемый принцип права выражается в «воздаянии, то есть нравственном восстановлении нарушенного закона отрицанием виновной воли»¹.

Разрешение гражданских споров и восстановление нарушенных прав является функцией правосудия. Достижение равного отношения к спорящим сторонам видится Б. Н. Чичерину в установлении судебных гарантий, модифицирующих принцип справедливости в требования независимости, несменяемости и неприкосновенности судей².

Пристальное внимание к отправлению правосудия вызвано также внесением в пореформенную судебную систему коррективов охранительной политики Александра III. Несмотря на то, что целесообразность мер по стабилизации внутривластной обстановки признавалась в либеральных кругах, мыслители (в том числе сам Б. Н. Чичерин) критически относились к организации чрезвычайного военного судопроизводства, которое наряду с упрощенным порядком исследования доказательств вины предполагало ужесточение применяемых наказаний³. Закономерно, что в сложившихся условиях в трудах Б. Н. Чичерина актуализируется идея о неприкосновенности личности, согласно которой ограничение прав и свобод возможно только в результате справедливого и всестороннего рассмотрения юридического дела и допускается исключительно в том объеме, который соизмерим с совершенным правонарушением⁴. Поэтому, наряду с признанием за каждой личностью равного доступа к судебной защите, правовед настаивает на её распространении в отношении каждой из сторон⁵.

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. I. Кн. I. С. 333.

² Там же. С. 326-328.

³ Биюшкина Н. И. Организационно-правовые предпосылки формирования чрезвычайного законодательства 80-90-х годов XIX века // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 95-97.

⁴ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. I. Кн. I. С. 333-334.

⁵ Там же. С. 336.

В. М. Гессен взаимодействие принципов гуманизма и справедливости демонстрирует в разрабатываемом правовом инструментарии, направленном на обеспечение и защиту прав и свобод личности в процессе правоприменительной деятельности государственных органов и должностных лиц. В частности, автор анализирует деятельность «административной юстиции» – особой формы суда, «призванной к защите субъективных публичных прав путём отмены незаконных распоряжений административной власти»¹, где в качестве необходимых гарантий В. М. Гессен называет институты уголовной и гражданской ответственности должностных лиц, в рамках которых субъекты, состоящие на администрирующих должностях, несут ответственность за нарушение прав личности и обязуются принимать меры к их восстановлению².

Переходя к вопросу о значении основополагающих начал для правореализационной деятельности граждан, следует обратить внимание на воззрения П. И. Новгородцева. Правовед существенно расширяет понимание принципа гуманизма, дополняя тезис о государственной защите личности идеей признания и закрепления права на достойное человеческое существование³. Принцип гуманизма в интерпретации П. И. Новгородцева – это не только освобождение от избыточных ограничений в законодательстве и защита личности от произвола со стороны других субъектов права. Признанию достоинства личности, согласно автору, корреспондирует обязанность государства обеспечить материальные условия для реализации прав и свобод, оказывая при этом поддержку слабозащищенным категориям граждан. «Задача и сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы; без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком,

¹ Гессен В. М. О правовом государстве. СПб., 1906. С. 45.

² Там же. С. 49.

³ Москаленко Г. Е. Идея солидарности в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. С. 99.

недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически»¹, – заключает он.

Идею об обеспечении государством права на достойное существование развивает С. А. Котляревский, убежденный в том, что это право «может быть выведено лишь из ценности, которой обладает всякая человеческая личность, помимо её заслуг»². Мыслитель актуализирует вопрос об организации благотворительности, выступая за государственное финансирование муниципальных благотворительных фондов и учреждений, что в конечном итоге должно привести к распределению функций социальной политики между всеми властвующими субъектами. Подобная децентрализация, по мнению С. А. Котляревского, позволит органам местного самоуправления в силу наибольшей осведомленности о действительном состоянии дел обеспечить достойное существование наиболее уязвимым категориям населения. В свою очередь взаимодействие органов власти с благотворительными организациями будет способствовать гуманизации государственной политики, поскольку в основе принимаемых решений будет лежать идея незыблемой ценности каждой личности³.

Стоит заметить, что актуализация проблемы достойного человеческого существования связана с развитием в России теории конституционализма, основные положения которой касаются не столько декларации прав человека, сколько их гарантированности и фактической реализации⁴. Как подчеркивает А.В. Лапаева, право человека на достойное существование отечественные либералы рассматривают как обязанность государства обеспечить юридически

¹ *Новгородцев П. И.* О праве на существование: Социально-филос. этюды П. И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И. А. Покровского, проф. С.-Петербург. ун-та. СПб.; М., 1911. С. 6.

² *Котляревский С. А.* Власть и право: проблема правового государства. М., 1915. С. 400.

³ Там же. С. 401-403.

⁴ *Ларионова М. А.* Конституционно-правовые гарантии прав человека как элемент конституционализма в России // Право и практика. 2018. № 3. С. 44.

закрепленную свободу личности, в том числе – в случае дефицита материальных средств последней¹.

Как видим, в представлениях либеральных юристов второй половины XIX – начала XX вв. правотворческая, правоприменительная и правореализационная деятельность в российском государстве должна покоиться на фундаменте гуманистических ценностей. Принцип гуманизма сторонники естественно-правового подхода трактуют как основополагающее начало права, предусматривающее утверждение прав личности и её достойного существования в качестве высшей ценности общества и государства.

Идея ключевого значения личности сопряжена с убежденностью мыслителей в равной ценности субъектов правоотношений в силу общеправового принципа справедливости, который в понимании сторонников естественного права заключается в признании за каждым равного достоинства, прав и свобод, гарантирующих социальную защищенность и обеспечивающих беспрепятственный доступ к независимому, беспристрастному, основанному на законе правосудию.

Очевидно, что важнейшей ценностью в рамках естественно-правового подхода во второй половине XIX – начале XX вв. выступает свобода личности. Размышляя над её содержанием и обосновывая необходимость её законодательного закрепления и государственной охраны, авторы приходят к осмыслению общеправового принципа, который в современной юриспруденции известен как принцип социальной свободы² – основополагающего начала права, гарантирующего человеку возможность поступать в соответствии со своими внутренними убеждениями и беспрепятственно реализовывать свои личностные качества.

Детальную разработку данный принцип получает в трудах Б. Н. Чичерина. Источник права и нравственности мыслитель видит в

¹ Лапаева А. В. Идея социальных прав человека в трактовке представителей возрожденного естественного права России конца XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы государства и права. 2020. № 16. С. 418-419.

² Серегин В. Социальная свобода и социальная справедливость // Самоуправление. 2011. № 2. С. 22.

определении человека «как разумно-свободного существа, которое само по себе цель и само определяется к действию, и которому, поэтому, должна быть предоставлена свободная сфера деятельности»¹. Автор выделяет перечень «естественно принадлежащих человеку прав», содержание которых сопоставимо с современным представлением об основных гражданских свободах. В число указанных он включает: свободу перемещения – «право перемещаться, куда угодно, и селиться, где угодно, не спрашивая ничего разрешения»; свободу труда – «право заниматься чем угодно и избирать себе род жизни по своему изволению»; свободу договора – «право обязываться известными действиями в отношении к другому»². Б. Н. Чичерин указывает, что «свобода лица выражается не только в праве располагать своими физическими действиями, но и в свободном выражении своих мыслей и чувств»³, дополняя перечень свободой совести, свободой вероисповедания и свободой мысли⁴.

Приведенный перечень во многом разделяет В. М. Гессен при анализе докладов, озвучиваемых на комиссиях уездных и губернских земельных комитетов⁵. Тот факт, что выводы учёного о предоставлении личности широкой свободы в различных сферах жизнедеятельности основаны на исследовании эмпирического материала, свидетельствует о своевременности и практической значимости постановки проблемы принципов права.

Идея свободы в учениях отечественных юристов становится основой принципа формального равенства. Так, Б. Н. Чичерин, принимая во внимание регресс социального строя Российской империи, обеспечение индивидуальной свободы личности связывает с переходом к гражданскому обществу, в котором граждане будут одинаково пользоваться «покровительством закона, несмотря

¹ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 87.

² Там же. С. 109-111.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 111-114.

⁵ Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 97-100.

на различие положения, имущества и вероисповедания»¹. При этом мыслитель воздерживается от насильственного разрушения социальной стратификации, избрав курс на постепенное расширение прав и свобод граждан с соблюдением принципа формального равенства. Главную цель Б. Н. Чичерин видит в выравнивании правового положения представителей различных социальных групп, направленном на приближение более совершенного гражданского порядка. Очевидно, государственная поддержка слабозащищенных категорий населения в данном процессе должна иметь четкие пределы, устанавливаемые в связи с конкретными проявлениями удовлетворения субъектами своих интересов в условиях наличествующих преимуществ². Если же при равных условиях доступа граждане используют предоставленные блага «не так, как было бы желательно, то из этого отнюдь не следует, что их надобно взять под опеку»³, – подчёркивает автор.

Изучив озвученные на комиссиях уездных и губернских земельных комитетов требования о социальном переустройстве российского общества, В. М. Гессен высказывается о необходимости «уравнения в правах». Проблемы социально-экономического государства мыслитель связывает с уязвимым положением крестьян, которым для инициативной и продуктивной деятельности необходимо гарантировать права и свободы, активно используемые другим сословиям – «право на семейную независимость, право на временные отлучки и переселения, на свободу промыслов и занятий, право на честь, право на личную неприкосновенность, право на судебную защиту своих прав, право на образование...»⁴.

Кроме того, В. М. Гессен указывает на сохранение предвзятости законодателя и суда в отношении крестьян, совершивших правонарушения, подчёркивая, что существование «специально-крестьянских преступлений» и

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. I. Кн. I. С. 48.

² Репьев А. Г. «Предельность» как принцип законодательного установления правовых преимуществ // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 501.

³ Чичерин Б. Н. Вопросы политики. 2-е изд. М., 1905. С. 97.

⁴ Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 85.

системы «специально-крестьянских наказаний» – «явно позорных для других сословий», значительно умаляет свободу и человеческое достоинство представителей соответствующей категории подданных¹. Крестьянство как самое многочисленное и трудящееся сословие России имеет важное значение для общественного и государственного развития, и потому не должно ущемляться в правах², – убеждён учёный.

О формальном равенстве граждан как о базирующемся на идеях справедливости и гуманизма общеправовом принципе рассуждает П. И. Новгородцев. «Безусловное значение человека предполагает свободу как естественное и необходимое выражение его нравственного существа, – пишет он, – ...так как в каждом человеке мы должны признать эту высшую нравственную сущность, мы требуем в отношении ко всем людям равенства»³.

Действие принципа формального равенства в правовой политике государства П. И. Новгородцев, как и вышеназванные мыслители, отождествляет с признанием равной правоспособности людей, очевидно отличающихся друг от друга в силу имущественного и социального положения. Поскольку на рубеже XIX–XX вв. в России острой проблемой оставался рабочий вопрос, первое, с чем правовед связывает реализацию принципа формального равенства, – это регламентация правового положения пролетариата. Так, по мнению П. И. Новгородцева, законотворческая политика, проводимая в отношении нового социального класса, может выражаться «как в общей охране интересов трудящихся ... например, путем регулирования санитарных условий труда, так и в признании за каждым трудящимся особых субъективных прав, вытекающих из общего понятия о правах человеческой личности»⁴.

¹ Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 88-89.

² Там же. С. 89.

³ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Вып. 1. 2-е изд. Киев, 1919. С. 70.

⁴ Новгородцев П. И. О праве на существование: Социально-филос. этюды П. И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И. А. Покровского, проф. С.-Петербур. ун-та. СПб.; М., 1911. С. 9.

Аналогично Б. Н. Чичерину, утверждающему, что «исполнения повинности можно требовать только от того, кто способен ее исполнить»¹, П. И. Новгородцев провозглашает необходимость законодательного закрепления мер так называемой позитивной дискриминации, под которой понимает «обязательное общественное и государственное призрение лиц беспомощных и неспособных к труду»². Иными словами, принцип формального равенства отождествляется не только с равной правоспособностью граждан, но и с государственной поддержкой отдельных групп населения, неспособных по тем или иным причинам самостоятельно использовать предоставленные блага и удовлетворять свои потребности.

С. А. Котляревский, рассуждая о равенстве граждан, подчеркивает, что в основе закрепления личных прав «лежит представление о достоинстве человеческой личности, которое должно быть отражено в действующем праве...»³. Данный тезис является частью аргументации, которую автор использует против так называемого «равнения к низу», когда стремление нивелировать разницу в правовом положении граждан реализуется посредством ограничения правоспособности отдельных слоев населения. «Должны быть подняты бесправные, а не лишены справедливых прав тех, кто их имеют, — пишет С. А. Котляревский, — бесправие и нищета другого нисколько не облегчает мое бесправие и нищету»⁴.

Отметим, что идея равенства распространяется мыслителями не только на законодательные установления. Представляя суд олицетворением закона, Б. Н. Чичерин приходит к выводу о неукоснительном соблюдении принципа формального равенства при отправлении правосудия: «Суд должен быть один для всех, ибо все равны перед законом. Это ... требование правосудия, которое

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. I. Кн. I. С. 52.

² Новгородцев П. И. О праве на существование: Социально-филос. этюды П. И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И. А. Покровского, проф. С.-Петерб. ун-та. СПб.; М., 1911. С. 12.

³ Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М., 1915. С. 394.

⁴ Там же.

не взирает на лица и держит весы одинаковые для всех»¹. В своих воззрениях мыслитель решительно отделяет органы суда от администрации, аргументируя это тем, что последней присуща предвзятость при разрешении столкновений прав и свобод граждан, вызванная организационно-распорядительным характером её функций.

Проблему равной судебной защиты граждан освещает В. М. Гессен. Анализируя недостатки российской системы правосудия, автор разрабатывает идеальную модель, где каждой личности будет гарантировано компетентное и справедливое судебное разбирательство: «Суд должен быть независимым и равным для всех, бессловным и выборным, решающим дела на основании строго определенных законов; именно потому сословные суды должны быть упразднены, и вместе с ними должны исчезнуть определения подсудности по сословным отличиям»², – пишет автор.

Итак, принцип формального равенства представителями естественно-правового подхода трактуется как основанное на идеях свободы, справедливости и гуманизма фундаментальное начало права, заключающееся в признании равного достоинства, прав и свобод граждан, обеспечивающих беспрепятственный доступ к культурным благам и гарантирующих судебную защиту законных интересов личности независимо от её материального положения. Поскольку в начале XX вв. внимание научного сообщества сосредоточено на теории конституционализма, действенность вышеуказанных идей авторы связывают с их закреплением в «основном законе» государства и реализацией норм-принципов в нижестоящих актах законодательства³.

«Основной закон», по мнению Б. Н. Чичерина, должен быть представлен в виде писанной конституции, положения которой гарантируют фактическое следование требованиям естественного права, устанавливающих направление

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. I. Кн. I. С. 326.

² Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 82-83.

³ Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (V). С. 514, 517; Гессен В. М. О правовом государстве // К реформе государственного строя России. Вып. II. Правовое государство и всенародное голосование. СПб., 1906. С. 27.

государственной и правовой политики¹. Поскольку «основной закон» определяет устройство верховной власти и её отношение к гражданам, он обладает приоритетом как над «обыкновенными законами», регламентирующими отдельные виды общественных отношений, так и над правительственными актами. И те, и другие должны соответствовать конституции, не допуская несогласованности правовой регламентации в отдельных частях государства. В данном случае мы имеем дело с пространственным аспектом принципа законности, предполагающим единую направленность правотворчества и правореализации на всей территории Российской империи. «Одни и те же суды, на одинаковых основаниях решают дела, возникающие в различных частях государства; одни начала правосудия устанавливаются для всех, чем самым утверждается общее уважение к властвующему над всеми закону»², – пишет Б. Н. Чичерин.

Принудительный характер закона предполагает такую составляющую принципа законности, как неотвратимость наказания за совершенное правонарушение. Функция данного императива носит исключительно гуманистический характер. «Принуждение в праве существует для того, чтобы защищать личность, чтобы дать отпор внешнему насилию»³, – конкретизирует Б. Н. Чичерин.

Конституция и другие акты, изданные в соответствии с закрепленными в ней принципами, подлежат неукоснительному соблюдению как гражданами, так и властвующими субъектами. Принцип законности, по мнению Б. Н. Чичерина, обладает императивом всеобщности, в силу которого он «подчиняет всех общему правилу, одинаковому для всех», и становится началом справедливости – высшего идеала государства. Отсюда возникает нравственная связь между властью и гражданами, где последним надлежит

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1. Кн. I. С. 367.

² Там же. С. 341.

³ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1990. С. 90.

исполнять установленные обязанности, а «власть, как бы высоко она ни стояла, всегда должна оказывать уважение к закону»¹.

Об обязательном соблюдении закона не только гражданами, но и субъектами власти развернуто высказывается В. М. Гессен. Правовед подвергает критическому анализу как социально-правовую, так и экономико-хозяйственную сферу общества, отмечая, что беззаконие в действиях представителей управленческого аппарата, влекущее угнетение трудящейся части населения, приводит к падению производительности труда и ослаблению ресурсной базы государства. «Печальное состояние сельско-хозяйственной промышленности не может измениться к лучшему, пока не изменятся общие условия русской государственной и общественной жизни, пока не проникнется неуклонным проведением начала законности под строгим общественным контролем. Необходимо, чтобы законность была руководящим началом для административной власти; только твердое и неуклонное исполнение закона может воспитать в населении уважение к нему и уважение к лицам, призванным его применять»², – заключает В. М. Гессен. При неправомерном осуществлении властных полномочий нередко ущемляются права личности, в сознании граждан происходит обесценивание честного труда, формируется привычка к обеспечению своей жизни более легким, зачастую противозаконным способом. «Там, где правовой порядок почти отсутствует, а господствует произвол, невозможна правильная экономическая деятельность, а вместе с тем невозможно и прочное благосостояние населения»³, – подытоживает он.

В. М. Гессен, подобно Б. Н. Чичерину, выстраивает иерархию нормативных актов, согласно которой законы обладают высшей юридической силой по отношению к иным юридическим документам, детализирующим установления законодательной власти. «Закон отнюдь не всегда предписывает содержание, не всегда определяет ближайшую цель правительственной

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. I. Кн. I. С. 401-402.

² Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 46.

³ Там же. С. 47.

деятельности; но правительственная власть, подобно индивиду, осуществляя свои хотя бы и свободно поставленные цели, должна оставаться в пределах закона, не вправе нарушить его повелительных норм»¹, – подчеркивает мыслитель. Данную иерархию возглавляет конституция – основной закон, который «определяет организацию государства, распределение функций властвования между отдельными органами власти, отношения между государством и властью с одной стороны, и с гражданами – с другой»². Пристальное внимание к соблюдению законности в действиях правящих субъектов связано со стремлением ограничить внутренний суверенитет верховной власти для беспрепятственной реализации политических прав граждан.

Безусловно, деятельность граждан также подлежит правовой регламентации, эффективность которой, по убеждению В. М. Гессена, во многом зависит от качества принимаемых нормативных актов. «Начало законности, – пишет он, – предполагает, прежде всего, существование правовых норм, ясных и определенных по своей форме, юридически-содержательных и практически-возможных по своей сущности»³.

Дополняют рассуждения мыслителей взгляды С. А. Котляревского относительно порядка законотворческого процесса, который, согласно учёному, при наиболее совершенной политико-правовой организации должен быть строго определен и неуклонно соблюдаем. Саму процедуру правовед не раскрывает, но выражает убежденность в том, что регламентация данной деятельности исключит злоупотребление законодательной властью, нередко приводящее к нарушению прав личности. «Верховенство закона есть одно из условий воплощения правового государства: смысл это верховенство получает лишь в том предположении, что закон справедлив, и способ его создания есть в

¹ Гессен В. М. Теория правового государства // Вестник права. 1905. Т. 35. Кн. 4. С. 272.

² Гессен В. М. Теория конституционного государства: лекции, читанные студентам Эконом. отд. СПб. политехн. института императора Петра Великого. 3-е изд. СПб., 1914. С. 20.

³ Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 69.

то же время возможное при недостатках человеческой природы обеспечение этой справедливости»¹.

Как видим, верховенство закона и единство устанавливаемой им правотворческой политики на всей территории государства рассматривается мыслителями в качестве эффективного инструмента обеспечения и защиты прав и свобод личности, а сам принцип законности интерпретируется как всеобщее неукоснительное соблюдение действующего законодательства гражданами и субъектами верховной власти.

Итак, законным, с точки зрения сторонников естественно-правового подхода, является правовой порядок, при котором государство гарантирует каждому человеку юридическую защиту и обеспечивает беспрепятственный доступ к материальным и культурным благам в целях реализации права на достойное существование. Абсолютизм в данном случае рассматривается как угроза законности, справедливости и гуманизму, в силу чего несопоставим с представлением о приоритете личности в государственной политике.

Внедрение демократических начал в правопорядок России в качестве гарантий законности рассматривает Б. Н. Чичерин. При этом правовед предостерегает от форсированного темпа в расширении политических прав и, в отличие от большинства своих коллег, не позиционирует их как прирожденные и неотъемлемые. Согласно Б. Н. Чичерину, свобода реализации личных прав, присущих каждому человеку от рождения, не подлежит ограничениям и сообразуется лишь со свободой других членов общества. Напротив, предоставление свободы в политической сфере требует от личности определенных способностей, позволяющих разбираться в делах управления, а также налагает обязанность согласовывать свои действия с интересами человеческого общежития. Кроме того, устройство институтов власти и порядок их функционирования должны располагать к вовлечению граждан в качестве солидарных участников, что исключает утверждение политических

¹ *Котляревский С. А.* Власть и право: проблема правового государства. М., 1915. С. 392.

прав в кризисной и тем более революционной обстановке. В связи с этим демократизацию государственно-правовой деятельности, включая законодательный процесс, Б. Н. Чичерин рассматривает не как условие перехода к наивысшей форме политической организации общества, а как обстоятельство, позволяющее констатировать завершение указанной эволюции¹.

Безусловно, признание принципа демократизма представляется мыслителю прогрессивным шагом, позволяющим сблизить государственную политику с фактическими потребностями населения. Б. Н. Чичерин одним из первых пришел к выводу о высоком значении институтов народовластия в решении проблемы правительственного произвола и беззакония². Вовлечение граждан в законотворческий процесс посредством учреждения народного представительства обеспечивает целесообразность принимаемых нормативных актов и гарантирует их соблюдение в силу оказанного избранным делегатам доверия. «Закон, вошедший в общее убеждение посредством всесторонних и гласных прений, приобретает несравненно большую силу и пользуется большим доверием, нежели закон, обсужденный тайно и проникающий в общество, к нему неприготовленное»³, – пишет он.

Не менее значимым аргументом в пользу демократизации законотворчества, согласно В. А. Томсинову, является отсылка правоведа к низкому уровню политической культуры российских подданных, привыкших довольствоваться попечительством государственной власти и, как следствие, неспособных к прогрессивному мышлению в процессе общественной деятельности. Полагая, что возникшая в результате реформ 60-х годов XIX в. возможность назревших преобразований российского государства может быть упущена в силу немотивированности большей части населения, Б. Н. Чичерин настаивает на создании народного представительства как учреждения,

¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 11.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 40.

пробуждающего в каждом человеке уверенность в своей полезности при решении вопросов государственного значения¹.

Тем не менее Б. Н. Чичерин убежден, что установлению представительной власти должен предшествовать этап признания и закрепления личных, социальных и экономических прав граждан. Только тогда, когда личность начнёт чувствовать юридическую защиту во всех сферах жизнедеятельности, получив возможность беспрепятственного удовлетворения частных потребностей, она будет готова к участию в сфере политики, требующей усилий в достижении общего блага. «Твердость прав гражданских должна предшествовать правам политическим. Если же общество будет искать высших гарантий, не имея низших, то результатом может быть только всеобщий хаос»², – заключает учёный.

При этом мыслитель не склонен возлагать на народное представительство решение всех социально-политических проблем, указывая на необходимость гармоничного сочетания всех видов власти в государстве. В частности, законодательному закреплению прав и свобод граждан коррелирует обязанность правительства создавать условия, благоприятствующие их реализации. Органы правосудия должны обеспечивать охрану установленных прав и гарантировать их непереносимое восстановление в случае противоправного посягательства. Задача народного представительства заключается в поддержании и совершенствовании установленного политико-правового режима, и её выполнение, согласно Б. Н. Чичерину, требует соблюдения вышеуказанных условий. «Оно (народное представительство) составляет высшую гарантию законного порядка, но эта гарантия предполагает, что порядок уже существует в государстве, что он имеет свои органы и свои пути»³, – подчеркивает учёный.

¹ Томсинов В. А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2013. С. 100.

² Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 510.

³ Там же. С. 509.

В поисках гарантий правомерной деятельности власти П. И. Новгородцев призывает к переосмыслению сущности суверенитета, который, как замечает мыслитель, во внутригосударственных вопросах стал тождественен вседозволенности действий верховных правителей. Проводя сравнение с политико-правовым идеалом Т. Гоббса¹, который явно антипатичен правоведу, П. И. Новгородцев указывает, что «движимая в эту сторону суверенная власть вместо того, чтобы быть органом равного для всех права, являлась только символом всемогущества, увлекалась идеалами полицейского государства и поддерживала неравенства, которые облегчали ей господство в жизни»². Автор полагает, что в основе суверенитета должно лежать убеждение о незыблемости свободы каждого человека, а государство, определяя направленность развития правоотношений, должно быть гарантом ее обеспечения и защиты. «По существу суверенитет не отрицает свободы, а напротив, утверждает её, признавая для неё почву общего равенства и подчинения её общему закону, – рассуждает П. И. Новгородцев. – Из произвольной и необузданной свобода становится законной и правомерной. Завершением этого процесса признания свободы является допущение граждан к участию в правах верховной власти»³. Иными словами, учёный выступает за утверждение принципа демократизма, предполагающего участие граждан в управлении государством.

При этом мыслитель не рассматривает народ в качестве исключительного носителя суверенитета, ссылаясь на недостатки концепта, предложенного

¹ Речь идёт об основном произведении английского философа-материалиста Томаса Гоббса (1588-1679 гг.) – «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651 г.), в котором государство представляется в виде искусственного человека, созданного людьми в результате «общественного договора». При заключении данного «договора» люди отказались от значительной части своих прав в пользу суверена, оказавшись в условиях беспрекословного согласия со всеми действиями и решениями, исходящими от верховного властителя.

² *Новгородцев П. И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (V). С. 521-522.

³ Там же. С. 522.

Ж.-Ж. Руссо¹: «Понятие равенства у него в конце концов поглощает принцип свободы, и безусловный неотчуждаемый суверенитет является обратной стороной всеобщего и безусловного уравниения»². Настаивая на введении демократических начал, П. И. Новгородцев предлагает модель так называемого «дуализма государя и народа, власти и права»³, которая позволяет объединить усилия двух ранее противоборствующих сторон в создании наилучшего общественного порядка.

Проецируя реализацию принципа демократизма прежде всего на законотворческий процесс, автор настаивает на учреждении органа народного представительства, который гарантировал бы учёт мнения граждан при регламентации общественных отношений⁴. Вместе с тем П. И. Новгородцев отмечает, что принимаемые нормативные акты будут признаваться справедливыми при соблюдении границ легитимности прав меньшинства, поскольку «в безграничном господстве большинства заключается такая же несправедливость по отношению к личности, вынужденной ему подчиняться, как и в безграничном господстве меньшинства над большинством»⁵.

Позицию предыдущего мыслителя развивает В. М. Гессен, который рассматривает принцип демократизма с точки зрения его практической значимости. «Для того, чтобы установленное право стало действующим правом... необходимо отказаться от господства исключительно бюрократического начала в процессе законодательного творчества; необходимо участие, в той или иной форме, в выработке законопроектов, касающихся местной жизни, местных же людей, – людей, свободных от бюрократической

¹ Имеется в виду главный трактат французского философа Жан-Жака Руссо (1712-1778 гг.) – «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762 г.), в котором народный суверенитет при заключении «общественного пакта» заменяет суверенитет государства. Несмотря на то, что Ж.-Ж. Руссо позиционирует каждого гражданина равноправным членом народа-суверена, который сосредотачивает в своих руках всю полноту власти, ценность отдельной личности и её свобода полностью нивелированы.

² *Новгородцев П. И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (V). С. 521.

³ Там же. С. 526.

⁴ Там же. С. 519.

⁵ *Новгородцев П. И.* Кризис современного правосознания. Вып. 2. М., 1909. С. 209.

предвзятости, знающих местную жизнь не в искусственном отражении, а во всей её непосредственной действительности»¹, – заключает он.

В основе разработки В. М. Гессеном общеправового принципа демократизма лежит представление о прирожденном праве на власть каждого гражданина². Поэтому в вопросе о создании и принятии конституции – высшем законодательном акте страны, определяющем весь порядок общественной жизни, автор неуклонно стоит за участие всего народа через специально созванное учредительное собрание³. Наряду с этим он проводит идею о создании постоянного органа народовластия – народного представительства, которое «должно иметь право и возможность решающим образом влиять на политику правительственной власти, определять её направление, ставить ей цели»⁴.

Одним из важных аспектов демократизации для правоведа является контроль населения за действиями и решениями носителей верховной власти, и поскольку состав народного представительства количественно ограничен, В. М. Гессен настаивает на предоставлении всем гражданам права открыто критиковать управленческий аппарат, функционирующий на гласной основе. Учёный утверждает, что свобода личности выражать своё мнение по поводу решений государственных и местных органов в различных печатных изданиях и на заседании соответствующих обществ и кружков способствует пробуждению общественного сознания и выступает как «могущественное орудие общественного контроля над деятельностью власти»⁵.

Близок к изложенному взгляд С. А. Котляревского, который считает принцип демократизма основой будущего развития России. Традиционно связывая реализацию данного принципа с учреждением народного представительства, мыслитель полагает, что подобные изменения в структуре

¹ Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 77.

² Гессен В. М. Теория правового государства // Вестник права. 1905. Т. 35. Кн. 4. С. 42-43.

³ Там же. С. 20.

⁴ Гессен В. М. О правовом государстве. СПб., 1906. С. 30.

⁵ Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 96.

органов государственной власти станут надежным средством предотвращения произвола. «Не поспевая за усложняющимися формами жизни, неспособная к законодательной работе, которая отражала бы, как в зеркале, существующие общественные потребности, она не столько начинает заботиться об использовании своей власти для положительных целей, сколько об ее охране от посягательств со стороны других общественных элементов; развивается жесткий и гибельный культ бюрократического сохранения»¹, – рассуждает С. А. Котляревский. При этом автор подчеркивает, что народное представительство не исключает наличия бюрократического аппарата, а лишь направляет его деятельность в соответствии с фактическими нуждами населения и задает необходимый темп преобразовательных процессов.

Переход к представительному правлению также несет в себе глубокое воспитательное воздействие или, по С. А. Котляревскому, «великий нравственный смысл»², перестраивая сознание личности под влиянием чувств солидарности и патриотизма. Прилагая усилия к созданию наилучшего государства, граждане будут стремиться к его сохранению и процветанию, стараясь избегать дестабилизирующих действий, в том числе – нарушения принятых законов. Поэтому учёный выступает за позитивизацию политических прав, объявляя их «неизбежным следствием права всякого человека, как нравственной личности, на существование»³.

Обобщив изложенное, можно заключить, что принцип демократизма отечественные юристы рассматривали как основу не только правовой, но и политической деятельности в государстве, настаивая на предоставлении возможности каждому гражданину принимать участие в создании условий для достойного существования как непосредственно – через реализацию политических прав, так и с помощью специальных учреждений. Констатируя нежизнеспособность российских институтов власти, мыслители единодушно выступают за создание народного представительства, призванного стать

¹ Котляревский С. А. Совещательное представительство. Ростов н/Д., 1905. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

посредником между населением и аппаратом управления для солидарных действий на благо народа и государства.

Таким образом, ставя проблему руководящих начал права и детально раскрывая их признаки, сторонники естественно-правового подхода наполняют содержанием категорию, получившую чуть позднее общепризнанную формулировку, предложенную отечественными апологетами социологического позитивизма. Стадия становления науки общей теории права и, соответственно, юридического понятийного аппарата объясняет наличие в научном обороте целого ряда синонимов («общие начала права», «система общих юридических норм», «постоянные элементы права», «нравственные требования», «нормы правоубеждения» и др.), каждому из которых свойственна уже вполне определенная совокупность признаков (учредительный характер, регулятивность, устойчивость закрепленных ценностей), позволяющих чётко отграничить принципы права от иных юридических категорий.

Под принципами права представители естественно-правовой теории понимают руководящие начала, отражающие сущность и ценностные ориентиры такого правового регулирования, при котором функционирование государственных и общественных институтов направлено на обеспечение прав, свобод и достойной жизни граждан.

Ключевые для либерализма начала свободы, гуманизма и справедливости в трудах адептов естественно-правового подхода приобретают значение системообразующих принципов права, служащих основой принципов формального равенства, законности и демократизма. Осознавая значение принципов права для процесса правового регулирования, юристы выступают за их формальную определенность, предлагая конкретные способы их воплощения в законодательстве: прямой, когда содержание принципов сформулировано в законе, и косвенный, при котором оно выводимо из смысла юридических норм. Позитивизация основополагающих начал права становится основанием их классификации на принципы-идеи и принципы-нормы, влияние которых на правовую регламентацию общественных отношений, с позиции

В. М. Гессена, равнозначно. Б. Н. Чичерин и П. И. Новгородцев, подчеркивая более конкретный и ёмкий характер формально-юридических конструкций, безусловный приоритет отдают принципам-нормам. С. А. Котляревский и Е. Н. Трубецкой, поддерживая формальное определение требований естественного права, на вопросе о соотношении принципов-идей и принципов-норм не останавливаются.

**§ 2. Понятие, признаки и юридические требования принципов права
в трактовке сторонников социологического позитивизма
второй половины XIX – начала XX вв.**

Рост социально-политических противоречий в России во второй половине XIX – начале XX вв. привел к актуализации идей социологического позитивизма, предлагающего многоаспектный подход к пониманию государственно-правовых процессов. Политическая система и законодательная база империи значительно отставали от динамики развития российского общества, что концентрировало внимание правоведов на разработке основ правового регулирования, согласующегося с реальными интересами и потребностями населения.

Социологическое понятие права в рассматриваемый период обосновывалось преимущественно посредством позитивистского методологического инструментария, поэтому использование терминов «социологический подход», «социологическая юриспруденция» и «социологический позитивизм» в качестве тождественных современными исследователями признается допустимым¹.

Опираясь на методологию позитивизма, сторонники социологического подхода обращаются к достижениям других социально-гуманитарных и естественных областей знания, что становится благоприятной почвой для продуцирования прогрессивных идей. Сложность и многоаспектность права в

¹ Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 103.

его социологической трактовке выражается посредством многообразия авторских концепций, представляющих объект исследования как форму разграничения социальных интересов (Н. М. Коркунов)¹, как юридически защищенный порядок общественных отношений (С. А. Муромцев)², как институт духовной культуры, оказывающий организационное воздействие на человека и общество (Б. А. Кистяковский³)⁴. Вместе с тем представителей отечественного юссоциологизма объединяет мысль о необходимости изменения правового порядка России, в связи с чем ставится вопрос о принципах права как идейном фундаменте планируемых преобразований.

Подчеркнем, что уже на этапе постановки проблемы представители социологического подхода активно оперируют соответствующей терминологией. С. А. Муромцев употребляет категорию «юридический принцип» в значении ценностно-целевого ориентира совершенствования теоретической и практической юриспруденции⁵. Б. А. Кистяковский обращается к термину «правовой принцип» при характеристике руководящих начал, определяющих действия и решения субъектов права как в конкретном государстве, так и на международной арене⁶. Ф. Ф. Кокошкин упоминает «принцип» в контексте рассуждения о справедливости как о фундаментальной

¹ Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 104.

² Лапаева В. В. Российская юриспруденция в поисках нового типа правопонимания // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М., 2006. С. 45.

³ Принимая во внимание и вполне разделяя убежденность современных учёных о приверженности Б. А. Кистяковского к интегративному типу правопонимания, считаем допустимой и целесообразной апелляцию к его социологическим взглядам в части аргументации рассматриваемых нами проблем.

⁴ Лицук А. А. Философия права Б. А. Кистяковского // Вестник Нижневартского государственного университета. 2010. № 2. С. 6.

⁵ Муромцев С. А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. Т. 1. № 9. С. 114-115; Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 16.

⁶ Кистяковский Б. А. Лекции по государственному праву. М., 1909. С. 441-442, 444-445; Он же. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1906. Кн. V. С. 474, 480; Он же. Государственное право (общее и русское) // Философия и социология права. 1998. Т. 576. С. 449.

ценности права, прочно устоявшейся в правосознании общества и каждого отдельного индивида¹.

Однако в отличие от представителей естественно-правового подхода сторонники социологического позитивизма достаточно фрагментарно рассуждают о признаках, характеризующих вышеперечисленные правовые явления. Ситуация объясняется стремлением мыслителей рассмотреть право в действии, анализируя функциональное назначение принципов права в правоприменительной и правореализационной деятельности². Поскольку теоретическое обоснование категории «принцип права» в большей степени прослеживается в трудах С. А. Муромцева, Б. А. Кистяковского и Н. М. Коркунова, характеризуя её признаки, ограничимся рассмотрением теорий указанных авторов.

Постановка проблемы принципов права в работах С. А. Муромцева, Б. А. Кистяковского и Н. М. Коркунова связана, как свойственно приверженцам неолиберализма, с поиском механизма, позволяющего ограничить произвол властвующих субъектов и скорректировать их деятельность в соответствии с реальными интересами социума. В частности, Б. А. Кистяковский настаивал на смене приоритетов правовой политики с учётом императивов, учреждение и отмена которых неподвластна государству. «Скажем ли мы ... что это нормы естественного права, или что это нормы, вытекающие из социальной солидарности, или что это нормы, постулируемые известным уровнем культуры, или же что это нормы, непосредственно отражающие правосознание народа, всегда мы будем признавать, что государство связано, в этом случае, высшей нормой – нормой, стоящей над государством и не установленной им самим»³, – пишет он. Как можно заметить, природу данных норм мыслитель в большей степени связывает с общественной жизнью, где солидарность,

¹ Кокошкин Ф. Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906. С. 51.

² Зорькин В. Д. Муромцев (Из истории политической и правовой мысли). М., 1979. С. 22.

³ Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское) // Философия и социология права. СПб., 1998. Т. 576. С. 450.

культура и правосознание отражают входящие в неё социально-экономическую, духовную и правовую сферы.

В большинстве рассуждений Б. А. Кистяковский сосредотачивает свое внимание на правосознании, полагая, что именно в нём формируются прогрессивные идеи, подлежащие интерпретации и последующему оформлению в виде принципов права. «Теперь стало общим местом положение, что истинное существование права не в статьях и параграфах законов, напечатанных в кодексах, не в судебных решениях и не в других постановлениях органов власти, касающихся правовых вопросов, а в сознании как всего общества, так и отдельных членов его»¹, – заключает мыслитель.

Интенция к изучению общественного правосознания обусловлена видением правоведа процесса получения правового знания: как справедливо отмечает А.И. Овчинников, Б. А. Кистяковский в своих работах чётко проводит мысль о том, что изучению какой-либо сферы общественной жизни должен предшествовать этап определения социального идеала или ценности в качестве цели, в соответствии с которой необходимо выстраивать научный поиск решения злободневных проблем². Поскольку общественное правосознание сосредотачивает в себе ключевые ценности конкретного социума, те принципы, которые были выведены из его содержания, автор позиционирует в качестве идейного фундамента позитивного права³. Взгляд на общеправовые принципы как на ценностно-целевые ориентиры правотворческой деятельности свидетельствует об осмыслении их учредительного характера.

Данный признак выделяет и С. А. Муромцев, утверждая, что в основе создания нормативных актов должны лежать нравственные идеалы, сформированные в процессе взаимодействия людей. Наряду с этим автор отмечает, что обращение к принципам права не должно ограничиваться стадией

¹ Кистяковский Б. А. Реальность объективного права // Правоведение. 1996. № 4. С. 115.

² Овчинников А. И. Антиномия понимания и объяснения в юридической науке // Философия права. 2003. № 1. С. 42.

³ Кистяковский Б. А. Право как социальное явление // Вопросы права: журнал научной юриспруденции. 1911. Кн. 8 (4). С. 117.

законотворчества, так как в ходе реализации и применения позитивного права они служат критерием оценки действующих юридических норм¹.

Анализируя сущность «юридических принципов», С. А. Муромцев приходит к выводу о том, что они не должны отождествляться с другим видом «принципов» – научными законами, согласно которым развивается общество и право. Как указывает правовед, научные законы, будучи выявленными в ходе ретроспективного исследования, представляют собой лишь некую устойчивую формулу, которая определяет шаблон объективно складывающихся социально-правовых процессов. «Юридические принципы», напротив, имеют субъективный характер, поскольку устанавливаются людьми на конкретном этапе общественного развития с учётом исторического опыта и условий современной реальности. «Юридический принцип указывает на то, что должно быть; закон – на то, что есть в силу свойств человека, общества и мира. Юридический принцип составляет продукт человеческой деятельности; закон стоит над нею. Юридический принцип может быть нарушен человеком; нарушение закона свыше человеческих сил. Юридический принцип подлежит критике; критика закона не имеет смысла»², –поясняет С. А. Муромцев.

Принципам права, как идейной основе правопорядка, свойственен признак прямого действия, выражающийся в непрерывном регулировании общественных отношений, включая выявление несовершенств в законодательстве. Это объясняет стремление С. А. Муромцева признать правотворчество функцией преимущественно судебных органов, которые, будучи наиболее приближенными к реалиям жизни, смогли бы оптимизировать использование принципов права посредством их преломления в соответствии с обстоятельствами разрешаемого дела. В данном случае правовед идёт вразрез с концепцией своего вдохновителя и идейного учителя Р. Иеринга, который,

¹ Муромцев С. А. Право и справедливость (Отрывок из публичной лекции) // Сборник правоведения и общественных знаний: труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. СПб., 1893. Т. 2. С. 9-10.

² Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 17.

выступая за «беспробельность права», полагает, что законодателем предусмотрены все возможные варианты разрешения юридических ситуаций, и практикующему юристу остается лишь выявить их и раскрыть регулятивное содержание¹. С. А. Муромцев, напротив, считает, что конструкции законодателя не всегда позволяют достичь регулятивного эффекта в силу своей абстрактности, неизбежно оставляя пробелы. «Приходится напоминать, что законы дают только юридические принципы и что дальнейшее развитие юридических форм является уже не толкованием, а новообразованием и творчеством»², – пишет он. Однако даже при отсутствии необходимой нормы всеобъемлющее действие общеправовых принципов сохраняется, и практикующему юристу необходимо вывести из них новое правило, которое одновременно будет воплощать общие идеи права и защищать интересы субъектов конкретного правоотношения: «Принципы, заключающиеся в законах, – суть органическо-динамические силы, которые, внесенные в человеческие отношения, могут действовать созидающим образом»³.

Несмотря на предоставленную широту правоприменительного усмотрения, С. А. Муромцев убежден в правомерности действий должностных лиц. Поскольку в основе принципов права лежат выработанные обществом нравственные нормы – мощнейшие социальные регуляторы, они способны предопределить характер правовых действий и выносимых юридически значимых решений. Иными словами, влияние общеправовых принципов распространяется не только на разрешение конкретной юридической ситуации, но и на поведение всех участников правоотношений в силу присущего им признака регулятивности.

В этом же ракурсе размышляет Н. М. Коркунов, рассматривающий принципы права в качестве пределов реализации властных полномочий, которыми государство должно ограничивать себя и должностных лиц в целях

¹ *Иеринг Р.* Юридическая техника. СПб., 1905. С. 65.

² *Муромцев С. А.* Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. Т. 1, № 9. С. 114.

³ Там же.

установления стабильного правопорядка. «Прежде всего могущество государственной власти может окрепнуть и утвердиться только под условием подчинения власти началам права, так как только тогда в гражданах может развиваться чувство законности, делающее повиновение власти долгом»¹, – подчёркивает он.

Стоит заметить, что в воззрениях Н. М. Коркунова идеализируется хотя и «правомерная», но все же абсолютная монархия, подразумевающая сосредоточение всех властных полномочий в руках главы государства. Поэтому степень воплощения основополагающих идей права в положениях законодательных актов обусловлена субъективным фактором: в рамках данной формы правления монарх наделен свободой устанавливать правовые пределы своей власти.

Б. А. Кистяковский, комментируя труды Н. М. Коркунова, отмечает, что законотворческая деятельность не может признаваться полностью свободной, поскольку она должна быть ориентирована на те ценности, которые формируются в общественном правосознании. Поэтому тезис Н. М. Коркунова о признании издаваемого закона «свободным по своему содержанию актом» мыслитель использует в качестве аргумента против абсолютизма, настаивая на ограничении монархической власти. Он объясняет: «Главным органом законодательства потому и является народное представительство, что признается необходимым, чтобы законодательство соответствовало народному правосознанию»². Только в этом случае, по мнению Б. А. Кистяковского, принципы права могут выступать в качестве правового регулятора.

В свою очередь Н. М. Коркунов, предвосхищая упрёки относительно своего отказа от идеи народного представительства, которая активно защищалась всеми его коллегами, доказывает регулятивность принципов права в условиях абсолютной монархии, апеллируя, прежде всего, к принципу гуманизма. Мыслитель подчеркивает, что при установлении правовых пределов

¹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Изд. 8. СПб., 1914. С. 216.

² Кистяковский Б. А. Лекции по государственному праву. М., 1909. С. 446.

власти государство руководствуется стремлением обеспечить благоприятные условия для самореализации личности, которая может заявить о себе с помощью предоставленной «свободы выражения своих мнений». Поскольку именно монарх стоит на защите интересов подданных, только на него может возлагаться обязанность по закреплению императивов правовой деятельности в государстве. Неукоснительно соблюдая их, правитель располагает общество к сохранению правопорядка, сложившегося на основе принципов права. Таким образом, государственное властвование определяется «известными этическими началами, находящими себе выражение в праве и могущими вызвать в нравственном сознании личности свободное себе подчинение»¹.

Несмотря на разницу во взглядах относительно наилучшей для России формы правления, авторов объединяет мысль о необходимости официального закрепления принципов права в нормативных документах, исходящих от высших органов государственной власти. Так же, как и Н. М. Коркунов, Б. А. Кистяковский в формальной определенности общеправовых принципов видит гарантию стабильности правопорядка. Позитивизация принципов, согласно Б. А. Кистяковскому, возможна в силу устойчивости их содержания, которое в результате законодательного закрепления трансформируется из нравственного пожелания в общеобязательную норму.

Б. А. Кистяковский, рассуждая о последствиях Февральской революции 1917 года, воспринятой автором как «государственный переворот», констатирует относительную устойчивость нового правового порядка. Безусловно, большая часть законодательства монархической России потеряла свою актуальность, однако, как указывает мыслитель, многие законы «и, прежде всего, весь гражданский правопорядок сохранил и после переворота свою полную силу»². Несмотря на ситуативное отсутствие ряда важных юридических норм, государственно-правовые процессы подвержены воздействию внутренних убеждений граждан, лежащих в основе

¹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Изд. 8. СПб., 1914. С. 314.

² Кистяковский Б. А. Непрерывность правового порядка // Юридический вестник. 1917. № 17. С. 9.

общественного правосознания, чем объясняется их преемственность независимо от законодательно закрепленных норм. Тем не менее для обеспечения упорядоченности общественных отношений существующим «основам гражданского правопорядка» необходимо придать признак формальной определенности. В установлении подобной «правовой преемственности» автор усматривает гарантию «непрерывного правопорядка», который, несмотря на возможные государственные потрясения, приведет к созданию свободного и справедливого общественного строя¹.

Позитивизация «основ гражданского правопорядка» зависит от стадии общественного развития. Б. А. Кистяковский считает необходимым солидарное участие граждан и государства в поиске и установлении наиболее совершенной формы организации общества. Сознание граждан может рассматриваться в качестве источника прогрессивных идей только в случае достижения социумом определенного уровня правовой и политической культуры. Со своей стороны, институты государственной власти должны быть готовы к восприятию предлагаемых преобразовательных программ, создавая каждой личности возможность реализации своего потенциала. Солидарность общества и государства формируется постепенно, в ходе тщательного анализа возможных последствий предполагаемых социальных изменений, постепенно приводя к переосмыслению нравственных ориентиров государственно-правового развития. Таким образом, перечень общеправовых принципов, как и их содержание, выражающее наиболее значимые и устоявшиеся ценности общества, являются исторически обусловленными².

О взаимосвязи уровня развития общества и принципов права пишет Н. М. Коркунов. Исходя из рассуждений мыслителя, на ранних стадиях развития общества, в условиях отсутствия границ между нравственностью и правом, руководством создания правил поведения выступали исключительно

¹ Кистяковский Б. А. Непрерывность правового порядка // Юридический вестник. 1917. № 17. С. 10.

² Кистяковский Б. А. Реальность объективного права // Логос: международный ежегодник по философии культуры. М., 1910. Кн. 2. С. 193-194.

традиции и обычаи. С течением времени их влияние сохраняется только в области права; нравственность же в ходе развития социальных отношений преодолевает традиционные устои и привносит в общественное сознание новые ценности и идеалы, постепенно проникающие и в сферу правового регулирования. Лишь в современном государстве, согласно Н. М. Коркунову, где власть действительно выступает в качестве силы, проистекающей из сознания гражданина, первостепенной задачей органов правотворчества является выявление системы общепризнанных нравственных ценностей, подлежащих законодательному закреплению в качестве императивов деятельности всех субъектов права.

При этом ни прямого, ни опосредованного участия граждан в формировании принципов права Н. М. Коркунов не предусматривает, полагая, что при делегировании народу функции правотворчества закреплению общеобязательных ценностей может воспрепятствовать присущий обществу плюрализм мнений. «Там, где право создается ... сильной правительственной властью, не связанной безусловным подчинением народным воззрениям, законодательство может, наоборот, исходить из нравственных понятий, далеко опережающих собой уровень развития данного общества»¹, – пишет он, подчеркивая исключительную роль государства в выявлении и закреплении принципов, долженствующих служить основой правового порядка. Однако индифферентность права в отношении отдельных ценностей носит временный характер. Расширение спектра общеправовых принципов, согласно Н. М. Коркунову, будет происходить в ходе общественного развития по мере осознания социумом их востребованности².

Перечень общеправовых принципов, рекомендуемых к позитивизации, наиболее полно представлен в конституционных проектах С. А. Муромцева и

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 47.

² Там же. С. 48.

Ф. Ф. Кокошкина¹, к анализу которых, в силу логики диссертационного исследования, мы обратимся в соответствующем параграфе второй главы.

Как видим, представляя право в качестве социально обусловленного феномена, представители социологической юриспруденции приходят к выводу о существовании фундаментальных идей, формирующихся на уровне общественного правосознания в виде нравственных императивов правовой деятельности. Постепенное изменение и усложнение социальных процессов, по мнению учёных, приводит к осмыслению указанных идей, что впоследствии требует вмешательства государства для закрепления их ценностного содержания в тексте законодательных актов. В рассуждениях юристов о принципах права чётко прослеживается признак их формальной определенности, при этом порядок их позитивизации конкретизируется. Правоведы настаивают на закреплении перечня идей об идеальном правопорядке в основном законе государства, представляя их в качестве учредительных юридических норм, обладающих прямым регулятивным воздействием.

Следует заметить, что сторонники социологического позитивизма в процесс формирования общеправовых принципов включают мыслительную деятельность человека, где субъектом рефлексии выступают либо практикующие юристы (согласно С. А. Муромцеву), либо носители верховной власти (исходя из воззрений Б. А. Кистяковского и Н. М. Коркунова). Как мы увидим далее, и сами авторы при разработке перечня принципов права лишь некоторые из них позиционируют в качестве прямого следствия из тех идей, которые сосредоточены в общественном правосознании, дополняя их императивами, направленными на сближение правовой действительности с убеждениями и интересами граждан.

Возникновение в общественном правосознании представлений об основах совершенного правового порядка ученые связывают со стремлением к

¹ *Основной Закон* // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. Приложение первое. М., 1911. С. 385-400; *Основной государственный закон Российской империи: Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза Освобождения»*. Париж, 1905.

социальной справедливости, выражающейся в гармонизации интересов всех членов социума. Адаптация данной идеи к сфере правового регулирования находит отражение в двух подходах. В широком смысле социальная справедливость выступает критерием нравственной оценки права, концентрирующим ключевые ценности общества. Согласно дореволюционным юристам, таковыми признаются незыблемость прав и свобод личности, беспрепятственный доступ каждого гражданина к основанному на законе правосудию и социально-экономическим благам.

С. А. Муромцев в контексте данного подхода определяет социальную справедливость как «присущую в данное время данной общественной среде совокупность субъективных представлений о наиболее совершенном правовом порядке»¹. При этом правовед считает, что упоминаемый субъективизм не влечет существенных различий в индивидуальных воззрениях, а напротив, позволяет судить о справедливости как о «выражении чувств всего народа». Общественное сознание, проводя границу между действующим правом и желаемой справедливостью, вырабатывает систему отправных идей, следование которым приводит законодательство в соответствие с нравственными ценностями, устоявшимися в конкретном социуме. Изложенное дает основание полагать, что С. А. Муромцев рассматривает социальную справедливость как системообразующую категорию, содержание которой аккумулирует императивы идеального политико-правового режима, подлежащие последующему оформлению в виде общеправовых принципов. «По всей вероятности, – рассуждает мыслитель, – достоверно мнение, по которому справедливость обозначала первоначально правовой порядок, к коему должно стремиться взамен существующего порядка»².

В узком смысле справедливость представляется авторами в качестве общеправового принципа, в интерпретации которого наблюдаются определенные отличия. Для С. А. Муромцева характерно обращение к

¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 154.

² Там же.

справедливости в контексте правоприменительной деятельности, где данный принцип мыслитель отождествляет с всесторонним рассмотрением юридического дела и индивидуализацией выносимых решений. «Судья осуществит справедливость, – пишет он, – если согласует свое решение вполне со всеми особенностями случая, который он разрешает. Он должен применить норму именно в той степени, в которой случай характеризуется типичными свойствами, служащими основанием нормы»¹. Примечательно, что юридическое равенство граждан перед законом и судом автор противопоставляет требованиям справедливости, считая, что на смену «формальному беспристрастию» должно прийти широкое судебское усмотрение, обеспечивающее «заботливое внимание к социальному неравенству отдельных личностей»². Очевидно, позиция С. А. Муромцева проистекает из оценки состояния российского общества, в котором права непривилегированной части населения фактически оставались незащищенными.

Н. М. Коркунов пишет о принципе справедливости в контексте столкновения интересов, где его основной задачей является восстановление нарушенных прав потерпевшего и ограничение личной свободы правонарушителя. При этом автор отмечает, что «правонарушитель не признается бесправным, и за ним все-таки охраняются правом известные интересы»³, обеспечение которых требует установления пределов государственного принуждения. Иными словами, о справедливом воздаянии можно говорить, если «наказания применяются только в случаях наперед и точно определенных в законах, и при том не иначе, как по приговору компетентного суда, с соблюдением всей сложной процедуры разбирательства, достаточно обеспечивающего подсудимого от личного произвола судей»⁴.

¹ Там же. С. 156.

² Там же. С. 10.

³ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 1897. С. 134.

⁴ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Изд. 6. СПб., 1909. С. 318.

Б. А. Кистяковский рассматривает справедливость в социально-экономическом аспекте, связывая реализацию данного принципа с установлением равенства правовых возможностей граждан. Идея мыслителя находит свое воплощение в неординарном преобразовательном проекте «социалистического правового государства», в рамках которого автор настаивает на расширении системы субъективных публичных прав, гарантирующих каждой личности достойное человеческое существование¹. Действие принципа справедливости, по мнению Б. А. Кистяковского, в первую очередь провоцирует изменения в действующем законодательстве, выражающиеся в регламентации охраны трудовых отношений и закреплении мер позитивной дискриминации социально уязвимых категорий граждан – безработных, инвалидов и малоимущих. Принимая во внимание, что справедливость правового порядка в «социалистическом правовом государстве» правовед связывает с созданием условий (экономических и юридических) для реализации права каждого человека на достойное существование, представляется уместным говорить о приверженности Б. А. Кистяковского теории правового социального государства, являющейся предметом самостоятельного научного интереса либеральных юристов второй половины XIX – начала XX вв.².

Как видим, мыслители раскрывают разные стороны принципа справедливости, который и в современной юридической науке представлен в виде сложной многоаспектной категории. Преломляя принцип справедливости через специфику регулируемых отношений, правоведы в содержании данной категории выделяют: равенство правовых возможностей; соответствие предоставляемых прав налагаемым обязанностям; всестороннее, основанное на законе правосудие и соразмерность наказания совершенному правонарушению. Указанные императивы объединяет общая цель – установление равной

¹ Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1906. Кн. V. С. 499.

² Грязнова Т. Е., Москаленко Г. Е. Учение о солидарности власти и народа Кистяковского Б. А. // Алтайский юридический вестник. 2019. № 1. С. 10.

правовой защиты граждан, которая обеспечивает каждому беспрепятственный доступ к правосудию и гарантирует свободу в социально-экономической сфере.

Именно индивидуальная свобода личности является для представителей социологической юриспруденции ключевым импульсом государственного развития, поэтому главным назначением разрабатываемых основ правопорядка становится создание условий для её реализации. Правовая деятельность в государстве всецело должна быть подчинена принципу гуманизма, защищающему каждую личность от различного рода посягательств со стороны других представителей социума и властвующих субъектов. «Общественный юридический строй заключается в том, чтобы создать каждому сферу прав, в которую бы другой не мог вторгаться»¹, – пишет Н. М. Коркунов.

Полагая, что источником общеправовых принципов является общественное правосознание, отправной точкой гуманистических воззрений С. А. Муромцев считает сложившиеся в социуме представления о наиболее благоприятном сосуществовании. В ходе взаимного общения индивидов происходит осознание ими неких условий «правильности поведения», соблюдение которых исключает возникновение негативных последствий для каждого из субъектов и позволяет достичь наилучшего результата в совместной деятельности. В числе таковых – признание за всеми членами общества совокупности личных прав и их уважение. «Оказывается, что общественность включает в себе взаимное признание друг за другом хотя бы в минимальной степени некоторого взаимного равенства или, что то же, взаимное признание друг за другом некоторого человеческого достоинства, некоторого значения личности»², – констатирует С. А. Муромцев. Осознание ценности каждой личности, а также признание равного положения всех субъектов общественных отношений устанавливаются в качестве пределов индивидуальной и коллективной деятельности лиц, определяющих их решение и поступки.

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Изд. 8. СПб., 1909. С. 73.

² Муромцев С. А. Основы гражданского права. М., 1908. С. 89.

Однако принцип гуманизма, помимо общественного признания достоинства личности, требует утверждения её правового статуса на государственном уровне, о чём развернуто пишет Б. А. Кистяковский: «В облагораживающей и возвышающей человека роли и заключается истинная сущность и идеальная природа государства»¹. Мыслитель отмечает, что законодательное закрепление личных прав предупреждает возникновение социальных противоречий, поскольку разграничивает свободу отдельных лиц и социальных объединений. С другой стороны, регламентация прав человека гарантирует защиту от произвола со стороны государственных органов и должностных лиц, устанавливая для власти «известные пределы, которых она не должна и не может переступить»².

Аналогичную позицию выражает Н. М. Коркунов, подчеркивая, что «государственной власти полагаются известные пределы, препятствующие ей подавить собой самостоятельность личности и общественных союзов»³. В позитивизации личных прав правовед усматривает как фактическое определение границ государственной власти, так и гарантию судебной защиты в случае противоправного посягательства, поскольку за каждым обращением гражданина в органы правосудия будет стоять норма права, охраняющая его законные интересы.

Автор также обращает внимание, что реализация принципа гуманизма не ограничивается законодательной регламентацией гражданских прав и свобод. Реальное признание достоинства личности должно получить воплощение в правоприменительной деятельности, которая нередко связана с государственным принуждением, направленным на ограничение индивидуальной свободы. Согласно Н. М. Коркунову, обращение к данной мере допустимо только в целях обеспечения защиты личности, когда без него невозможно пресечь противоправные действия: «Монополизируя в своих руках

¹ Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1906. Кн. V. С. 471.

² Там же. С. 474.

³ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Изд. 6. СПб., 1909. С. 450.

принудительную власть государство ... должно приходить на помощь каждому, подвергающемуся насильственным или обманным действиям»¹. Кроме того, меры принуждения могут быть оправданы, если их применение направлено на предупреждение опасностей, которые хотя и не связаны с насилием, «но вытекают из факта неустранимой зависимости людей друг от друга»². Речь идет о ситуациях, когда кто-либо пренебрегает установленными правилами поведения и тем самым угрожает законным интересам и благосостоянию других членов общества. Для того, чтобы избежать хаотичного и непредсказуемого самоуправства при регулировании общественных отношений, государство «должно само позаботиться об ограждении моих интересов, принудив моего соседа исполнить необходимые требования безопасности»³, – заключает Н. М. Коркунов.

Как видим, принцип гуманизма, состоящий в признании личности высшей ценностью государства, юристы связывают с отражением в законодательстве механизма правовой защиты, который гарантирует каждому человеку беспрепятственную реализацию своих прав и свобод. Поскольку общеправовые принципы, как и другие юридические нормы, закрепляют требования к поведению субъектов правовых отношений, значительное внимание авторы уделяют разработке принципа законности.

Гуманизация системы права определяет всеобщую охрану личности в качестве ключевого императива данного принципа. В частности, Б. А. Кистяковский в гарантированности прав и свобод видит основу законного правопорядка, поскольку в условиях бесправия граждан «могут процветать только административный произвол и полицейские насилия»⁴. Закрепляя правовой статус личности, государство устанавливает пределы осуществления властных полномочий, в соблюдении которых и выражается правовой характер

¹ Там же. С. 61.

² Там же.

³ Там же. С. 450.

⁴ *Кистяковский Б. А.* Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1906. Кн. V. С. 478.

деятельности государственных органов и должностных лиц. «Последовательное осуществление законности требует, как своего дополнения, свобод и прав личности и, в свою очередь, естественно вытекает из них как их необходимое следствие»¹, – пишет автор.

Обращая требования законности прежде всего к властвующим субъектам, ряд мыслителей сосредотачивает внимание на особом статусе нормативного акта, в котором должны быть закреплены как права личности, так и сами принципы государственно-правовой деятельности. Наиболее предпочтительной формой для их позитивизации юристы дореволюционной России считают конституцию, нормы которой обладают высшей юридической силой.

Отметим, что разработку основного закона правоведы не мыслят без участия населения, поскольку именно народ является носителем культуры, традиций и ценностей отдельно взятого государства. Привлечение общественного элемента к созданию конституции рассматривается мыслителями в качестве предпосылки реализации принципа законности, позволяющей при относительно стабильном воздействии основного закона на общественные стандарты учитывать закономерности развития социума и его структур. Тем самым сторонники социологической юриспруденции вносят существенный вклад в становление отечественного конституционализма как реально действующей системы, учитывающей интересы населения, гарантирующей верховенство права и неприкосновенность личности в государстве.

Так, Ф. Ф. Кокошкин видит конституцию в роли важнейшего инструмента защиты основ правового и государственного порядка, разработка и установление которых является прерогативой граждан. «Жесткий» характер конституции, выражающийся в усложнённом порядке её изменения, препятствует произволу со стороны органов власти, к которому, по мнению правоведа, наиболее склонна власть законодательная. Поскольку первоначальным этапом правового регулирования является создание

¹ Там же.

юридической нормы, нарушение законности может исходить от законодательного органа в результате допущения случайных ошибок или умышленного злоупотребления. В связи с этим конституция как верховный нормативный акт, принимаемый при непосредственном участии народа, призвана учредить права граждан и принципы организации государственного управления, выступающие руководством для последующей нормотворческой деятельности. Подобное «выделение из компетенции законодательной власти» гарантирует стабильность государственной системы и устойчивость общеправовых принципов, обеспечивая их воплощение в каждом нижестоящем акте¹.

Аналогичных взглядов придерживается Б. А. Кистяковский. Автор утверждает, что конституция, принимаемая при непосредственном участии всего народа, устанавливает иерархическую стройность законодательной системы, обеспечивая единство правовых начал на всех уровнях правотворческой и правоприменительной деятельности. Верховенство основного закона гарантирует всеобщность принципа законности, подчиняющего своим требованиям всех субъектов правовых отношений. «Государство не может нарушать норм действующего права и должно этим нормам подчиняться. Оно может только изменить эти нормы, но изменить их оно должно в тех формах, которые предписаны законом и, прежде всего, конституцией»², – подчеркивает он.

Кроме того, принятие конституции обеспечивает непрерывное действие права в тех случаях, когда детальная законодательная регламентация неприменима в силу специфики отдельных государственных функций. В числе таковых Б. А. Кистяковский рассматривает административную деятельность правительства и отправление правосудия, признавая высокий уровень субъективизма при принятии решений.

¹ Кокошкин Ф. Ф. Русское государственное право. Вып. 2. М., 1908. С. 122.

² Кистяковский Б. А. Лекции по государственному праву (Общее и особенное). М., 1909. С. 488.

Анализируя труды немецкого юриста Г. Еллинека¹, автор встречается в них «возражение против признания права господствующим принципом современного государства», выраженное в изъятии некоторых сфер судебной и административной деятельности из-под непосредственного воздействия юридических норм в силу превалирующей роли правоприменительного усмотрения². Опровергая данный тезис, Б. А. Кистяковский настаивает на подзаконном характере всей деятельности властвующих и управленческих органов, включая реализацию дискреционных полномочий, поскольку здесь законность обеспечивается с помощью иерархически выстроенных систем законодательства и управления. С одной стороны, прямое действие конституционных положений обязывает должностных лиц при принятии юридически значимых решений приводить выносимые акты в строгое соответствие с принципами, закрепленными в основном законе государства. С другой – и многоуровневая структура правительства, и инстанционность судебных органов предполагает ведомственный контроль, осуществление которого направлено на выявление противоречащих закону актов и пресечение злоупотреблений властными полномочиями. «Все это заставляет нас признать, что вся деятельность органов государственной власти без всякого исключения и остатка безусловно подчинена праву»³, – заключает автор.

В контексте данного вопроса интересен комментарий С. А. Муромцева, в соответствии с которым подзаконные правовые акты «не только не должны противоречить закону, но не должны также содержать в себе его буквальное воспроизведение»⁴. Во-первых, как указывает мыслитель, дублирование положений в документах, обладающих разной юридической силой, стирает границы между компетенцией субъектов нормотворчества, что ставит под

¹ Речь идёт о фундаментальном произведении основоположника немецкой социологии права Г. Еллинека (1851-1991 гг.) «Общее учение о государстве» (1900 г.).

² *Кистяковский Б. А.* Лекции по государственному праву (Общее и особенное). М., 1909. С. 444.

³ Там же. С. 447.

⁴ *Муромцев С. А.* Статьи и речи: вып. 1-5 / Сергей Муромцев. Вып. 4: В Московской городской думе. М., 1910. С. 51.

угрозу права и интересы граждан. Во-вторых, происходит смешение функций самих регулирующих актов, вследствие чего локальные вопросы, требующие детализации норм законодательства, остаются неразрешенными. «Закон должен оставаться неприкосновенным в своем выражении, так же, как и есть по существу, – пишет С. А. Муромцев, – его правовая природа не должна искажаться или затемняться тем, что норма закона пересказывается заново в форме обязательного постановления»¹. Следует отметить прогрессивность и глубину суждений автора, поскольку проблема эффективности подзаконного нормотворчества остаётся в центре внимания и современных исследователей². Так как под воспроизведением общих законодательных положений нередко кроется уклонение органов власти и должностных лиц от обязанности регламентировать отношения, связанные с предметом их ведения, замечание С. А. Муромцева может быть воспринято не только в качестве гарантии верховенства закона, но и как требование, направленное на совершенствование существующей нормативной правовой базы.

Поскольку, по мнению сторонников социологического подхода, именно в процессе правоприменительной деятельности выявляются недочеты в действующем законодательстве, наряду с ведомственным нормотворчеством властвующие субъекты наделяются правом инициативы об изменении и дополнении юридических норм в пределах своей компетенции. При этом Ф. Ф. Кокошкин отмечает, что «юридическая природа общеобязательных правительственных распоряжений или юридических норм, установленных в порядке управления, заключается именно в том, что они не равноправны с законами: они имеют силу лишь постольку, поскольку не противоречат законам и могут дополнять или изменять законы только в том случае, когда

¹ Там же.

² *Толмачева Н. Н.* К вопросу о соблюдении принципа верховенства закона и других принципов законности в законодательстве субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 35-47; *Третьякова Е. С.* Воспроизведение (дублирование) в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации норм Конституции РФ и федеральных законов // Современное право. 2009. № 11. С. 30-33; *Упоров И. В.* Дублирование нормативного текста в правовых актах: теоретические основы и юридическое значение // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8. С. 66-71 и др.

правительство специально уполномочено к этому законодательной властью»¹. Таким образом, полномочия по принятию законов всецело принадлежат высшему законодательному органу (монарху в концепции «правомерной, но самодержавной монархии» Н. В. Коркунова²), основная задача которого – соотнести выносимые предложения с общеправовыми принципами, выведенными из общественного правосознания и получившими своё закрепление в конституции.

Интерпретируя принцип законности как неукоснительное соблюдение всеми субъектами права установленных юридических норм (что в современной юридической науке признается стороной формальной), мыслители особенно сосредоточены на содержательной стороне законности, выражающейся в наличии законов справедливых и отвечающих интересам граждан. «Формальное совершенство правового порядка, заключающееся в том, что правовые нормы неуклонно осуществляются, необходимо приводить к материальному усовершенствованию этого правопорядка, – указывает Б. А. Кистяковский, – то есть к большему приспособлению содержания правовых норм к реальным потребностям народа и его правосознания»³. Обеспечение содержательной стороны законности автор усматривает в демократизации законотворческого процесса.

Рассматривая право как часть социальной жизни, Б. А. Кистяковский считает, что добиться его господствующего положения возможно посредством передачи законодательной функции народному представительству – выборному органу, действующему наряду с другими государственными учреждениями и претворяющему в жизнь правовые идеи граждан⁴. Реализация принципа демократизма не только решает проблемы правообразовательного процесса, но и воспитывает у населения чувства ответственности и уважения к

¹ *Кокошкин Ф. Ф.* Русское государственное право. Вып. 2. М., 1908. С. 115.

² *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. I. Изд. 8. СПб., 1914. С. 215, 217.

³ *Кистяковский Б. А.* Наши задачи // Юридический вестник. 1913. Кн. I. С. 13.

⁴ *Кистяковский Б. А.* Лекции по государственному праву (Общее и особенное). М., 1909. С. 530, 533.

существующему правопорядку, что исключает «пренебрежительное отношение к законам и праву»¹.

Б. А. Кистяковский убежден, что принцип демократизма не должен ограничиваться сферой права, поскольку его основная задача заключается в вовлечении граждан во все вопросы государственного управления. Поэтому данный принцип должен найти отражение в конституции посредством закрепления «всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов», а также перечня иных политических прав, предоставляя народу возможность широкого участия в формировании условий для своего достойного существования².

Однако народный суверенитет Б. А. Кистяковский не отождествляет с «самодержавием народа»: последнее чревато произволом, нередко более губительным, чем деспотизм одного лица. «Принцип народного суверенитета вовсе не требует неограниченности народной власти. Он предполагает лишь верховенство народа»³, – пишет автор, подчеркивая, что активная гражданская позиция в правовой и политической сферах сосредоточена на обеспечении приоритета прав и интересов каждого человека и не может быть направлена на узурпирование полномочий властвующих субъектов.

Похожие идеи развивает Ф. Ф. Кокошкин, рассматривая народ в качестве носителя «умеряющей власти», наделенного политическими правами в целях установления компромисса между личными и государственными интересами⁴. По мысли учёного, правовой характер деятельности государства определяет степень соответствия издаваемых законов «первоисточнику всякого права – народному правосознанию». Исключить превалирование интересов властвующих субъектов в содержании юридических норм позволяет участие

¹ Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1906. Кн. V. С. 480.

² Там же. С. 486.

³ Там же. С. 480.

⁴ Кокошкин Ф. Ф. Русское государственное право. Вып. 2. М., 1908. С. 120.

народа (совокупности активных граждан) или народного представительства в законодательстве.

Важное значение принципа демократизма учёные усматривают в том, что он служит гарантом соблюдения юридических норм в ходе правоприменительной деятельности. По справедливому замечанию Ф. Ф. Кокошкина, одно лишь вовлечение граждан в законодательный процесс не решает проблему обеспечения законности, поэтому реализация демократических начал необходима в сферах исполнительной и судебной власти. В первом случае речь идет о контроле за деятельностью правительства, выраженном в выявлении народным представительством фактов правонарушения и передачи соответствующих материалов на рассмотрение в органы правосудия.

Применительно к судебной власти Ф. Ф. Кокошкин предусматривает иную форму общественного участия, указывая, что «согласие с общественным правосознанием в истолковании и применении права гарантируется ... судом присяжных в уголовных делах»¹. Особенно важна работа присяжных заседателей при рассмотрении дел о политических преступлениях, так как «здесь государство более чем в какой-либо области уголовного правосудия является заинтересованной стороной»², что очевидно ставит под угрозу гражданские права субъектов правоотношений.

Как видим, под принципом демократизма сторонники социологического подхода понимают основанное на политической свободе вовлечение граждан в законотворческую и управленческую деятельность государства в целях обеспечения и защиты личных, политических и социальных прав. Реализацию данного принципа мыслители связывают с реорганизацией государственного аппарата Российской империи и повышением критически низкого уровня правовой и политической культуры подавляющей части населения.

¹ Там же. С. 124.

² Там же. С. 125.

Н. М. Коркунов, в отличие от своих коллег, анализируя риски включения граждан в сферу государственного законодательства и управления, весьма осторожен в отношении принципа демократизма. Учёный убежден, что, поскольку право существует не только для защиты интересов, но и для их разграничения, обеспечить последнее способна только абсолютная власть единоличного правителя. Однако Н. М. Коркунов не исключает апелляцию к народному правосознанию, представляя государство в качестве юридического отношения, субъектами права в котором являются все участники общения – от монарха до подданных¹. Таким образом, правовая деятельность в государстве априорно базируется на представлениях общества о справедливом правовом порядке. «Государственная власть стала бы сама с собой в противоречие, если бы требовала от подданных подчинения незаконным распоряжениям своих органов»², – пишет автор. Признавая, что объем полномочий не позволяет государю самостоятельно принимать решения абсолютно во всех областях, демократические начала Н. М. Коркунов допускает исключительно в рамках участия граждан в формировании отдельных государственных учреждений и избрании должностных лиц³.

Будучи убежденным в справедливости законов «правомерной» монархии, правовед предлагает способ воздействия на общественное правосознание, не требующий прикосновенности граждан к законотворческому процессу. Поскольку на рубеже XIX–XX вв. значительное влияние на развитие социологического позитивизма оказали достижения психологической науки, Н. М. Коркунов анализирует действие общеправовых принципов в контексте чувственно-волевого аспекта понимания права, отмечая особую роль принципа формального равенства. «Я обязан уважать права другого, если он сам уважает мои. Если же я подвергаюсь неправомерному нападению, я не обязан уже стесняться уважением к правам нападающего. Потому добросовестное

¹ Медушевский А. Н. Н. М. Коркунов как теоретик права и политический мыслитель // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 2. С. 185.

² Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Изд. 6. СПб., 1909. С. 384.

³ Там же. С. 367-368.

исполнение юридических обязанностей предполагает уверенность в том, что они будут соблюдаемы всеми. Точно так же разумность и полезность правовых норм только и мыслима под условием их общего соблюдения всеми»¹, – пишет он.

С позиции учёного, значение права заключается в том, что оно сознается отдельными личностями как должный порядок общественных отношений, устанавливающий общие принципы разграничения интересов. Являясь частью согласованного общественного союза, люди склонны к тому, чтобы следовать правовым ориентирам, которые характеризуют правовое положение личности среди других представителей социума. Только тогда, когда человек будет убежден, что степень защищенности его интересов, как и объем возложенных обязанностей, ничем не отличается от остальных субъектов права, он признает существующий правопорядок законным и станет соблюдать требования, необходимые для его сохранения.

Согласно Н. М. Коркунову, реализация принципа формального равенства в конечном итоге приведет к осознанию каждым человеком собственной ценности и исторической значимости среди остальных членов общества, что обеспечит приток прогрессивных идей, направленных на совершенствование российской монархии. По мысли ученого, «и при широком развитии государственной деятельности индивидуальная инициатива не будет подавлена, ... если каждому будет открыта возможность добиваться того, чтобы его идеи получали определяющее значение для государственной деятельности, если состав государственных учреждений не будет иметь кастовой замкнутости, если они будут доступны притоку всех живых сил общества, всех выдающихся личностей»².

Психологическое обоснование принцип формального равенства имеет и в трудах Б. А. Кистяковского. Используя многофакторный подход в изучении права, формирование идей равенства в общественном правосознании мыслитель связывает с увеличением плотности населения, которое на

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 1897. С. 72.

² Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Изд. 6. СПб., 1909. С. 22.

психологическом уровне заставляет человека идентифицировать себя как одного из многих представителей человечества. «Количественный рост общества, – указывает он, – ведёт за собой уважение к каждой личности и признание всех равноправными между собой»¹. При этом неоднородность и разнообразие субъектов социума рассматривается автором не как препятствие, а как благоприятное условие, способствующее скорейшему закреплению нравственных начал в сознании каждой личности, потому как «безусловная однородность социальных кругов, принуждая их к узости, стоит в противоречии с проникновением в них идей гуманизма и равенства»².

Постановка Б. А. Кистяковским проблемы формального равенства возвращает нас к его проекту «правового социалистического государства», в рамках которого меры государственной поддержки слабозащищенных категорий граждан актуализированы не только в целях установления социальной справедливости, но и в силу необходимости формирования устойчивого среднего класса. Поскольку именно народ является сосредоточением политических сил, каждому из членов общества должна быть предоставлена возможность принять участие в разрешении государственно значимых вопросов. Фактическое неравенство, препятствующее всеобщему вовлечению граждан в сферу управления, должно быть нивелировано посредством инструментов дополнительной правовой защиты отдельных групп населения, неспособных по тем или иным причинам самостоятельно использовать предоставляемые блага и удовлетворять свои потребности. При этом различие в приобретаемых правах не отменяет принцип формального равенства, напротив, подчеркивает признание за неравными индивидами равной правоспособности³.

¹ Кистяковский Б. А. Идея равенства с социологической точки зрения // Мир Божий. 1900. № 4. С. 163.

² Там же. С. 164.

³ Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1906. Кн. V. С. 505-506.

Безусловный интерес в данном вопросе представляют взгляды М. М. Ковалевского, усматривающего в формальном равенстве выход из затянувшегося в России социально-политического кризиса. Обладая глубокими знаниями в области западноевропейской истории, ученый выступает за устранение границ между правоспособностью граждан, предлагая начать с прав социальных. В частности, автор убеждён, что при обеспечении равного доступа к получению образования «в выгоде ... будут не одни народные массы, но и вся страна, которой только под этим условием может быть обеспечено сознательное отношение избирателей к их обязанностям, а потому – высший уровень народного представительства»¹. Таким образом, принцип формального равенства у М. М. Ковалевского направлен не только на обеспечение всеобщего благосостояния, но и на создание условий для развития и самореализации каждой личности, в высоком потенциале которой заинтересовано государство. Провозглашенные в праве принципы свободы и равенства непременно должны найти отражение в правовой и политической деятельности граждан, «а это мыслимо только при широком просвещении народных масс вместе с образованием и тесно связанным с ним осознанием своих прав и обязанностей»².

Как видим, принцип формального равенства для сторонников социологической юриспруденции имеет важное практическое значение: признание за каждым равной правоспособности гарантирует достойное человеческое существование и обеспечивает беспрепятственную реализацию прав и свобод граждан. В условиях критической неоднородности российского общества предлагаемый механизм правового регулирования был направлен на создание устойчивой юридической защиты, особенно важной при наличии острых социально-экономических противоречий.

¹ Ковалевский М. М. Политическая программа нового Союза народного благоденствия (речь на собрании членов Клуба независимых). Москва, 14 февраля 1906 г. // Политическая программа нового Союза народного благоденствия. Очерк проф. М. Ковалевского. СПб., 1906. С. 40.

² Там же.

Таким образом, принципы права в трактовке сторонников социологического подхода второй половины XIX – начала XX вв. – это сформированные в общественном правосознании основы идеального социально справедливого правопорядка, воплощенные в законодательстве в роли ценностно-целевых ориентиров правового регулирования. Примечательно, что уже на этапе постановки проблемы С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский и Ф. Ф. Кокошкин вводят в научный оборот понятие «принцип права», сохранившее и в настоящее время статус базовой юридической категории. Немаловажен вклад представителей социологической юриспруденции в осмыслении сущностных признаков принципов права: учредительного характера (С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский), прямого действия (С. А. Муромцев), регулятивности (С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский и М. Н. Коркунов), устойчивости содержания и связи с общепризнанными ценностями (Б. А. Кистяковский).

Гармонизацию интересов всех участников социального взаимодействия правоведы связывают с совокупной реализацией принципов справедливости, гуманизма, законности, демократизма и формального равенства. В целях утверждения основ идеального правопорядка в России юристы считают необходимой формальную определенность принципов права, предлагая прямой и косвенный способы их позитивизации. Прямой способ закрепления ставит вопрос о соотношении принципа-идеи и принципа-нормы, в котором сторонниками приоритета последней выступают Н. М. Коркунов, Ф. Ф. Кокошкин и М. М. Ковалевский. Косвенный способ раскрывается в конституционных проектах С. А. Муромцева и Ф. Ф. Кокошкина, где каждому принципу права коррелирует соответствующая группа норм, гарантирующих их реализацию в правовом порядке.

**§ 3. Понятие, признаки и императивы принципов права
в понимании представителей юридического позитивизма
второй половины XIX – начала XX вв.**

Динамика развития российского общества во второй половине XIX – начале XX вв., высвечивая несостоятельность действующих государственно-правовых институтов, требовала вовлечения научного потенциала в преобразовательные процессы. Обострение социально-политических конфликтов сигнализировало о необходимости пересмотра основ правового регулирования общественных отношений. Теряющий лидирующие позиции классический позитивизм всё же остается привлекательным для многих учёных, рассматривающих его как инструмент правового воздействия, сохраняющий эффективность при любых дестабилизирующих факторах.

При этом сторонники юридического позитивизма осознавали, что усовершенствованию правового порядка должны предшествовать фундаментальные исследования, направленные на создание особых норм-принципов, выступающих руководством для правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности. Однако их взгляд на роль правовой доктрины в этом процессе существенно диссонировал с вышеизложенными подходами.

Напоминаем, что приверженцы естественно-правовой теории роль юриспруденции сводили к познанию принципов права и их научной интерпретации; при этом степень осмысления принципов права в правовой доктрине и их воплощение в юридических нормах юснатуралисты ставили в зависимость от уровня нравственного развития граждан и представителей власти. Сторонники социологической юриспруденции, стремясь к рассмотрению правовых явлений сквозь призму стадийности общественного развития и выявленных причинно-следственных связей социальных процессов, в разработке юридических категорий (в том числе принципов права) склонны

опираться на достижения иных областей социально-гуманитарного знания и естественных наук.

Представители юридического позитивизма считают, что юридическая наука имеет богатый инструментарий, достаточный для самостоятельного, всестороннего и объективного исследования общественных отношений, подлежащих правовой регламентации. В целях преодоления препятствий, связанных с динамикой развития социума и трансформацией ценностных ориентиров, правоведы настаивают на изучении внешних факторов, влияющих на эффективность реализации принципов права в правовом регулировании.

Иными словами, российские авторы не склонны при разработке юридических категорий ограничиваться исследованием норм законодательства, выступая за расширение предмета теоретической юриспруденции. «Юридический позитивизм не сводится к формально-догматическому методу, к формально-догматическим приёмам обработки права, – отмечает применительно к отечественному юспозитивизму второй половины XIX – начала XX вв. профессор В. Д. Зорькин, – он выливается в определенную теорию права, в которой важнейшие правовые понятия обоснованы с позиций философии позитивизма в преломлении через формально-догматическое мышление и юридическое мировоззрение»¹.

Демонстрируя общность понимания категории «принципы права», правоведы по-разному подходят к объяснению их признаков. О необходимости вовлечения общетеоретической науки в разрешение проблем юридической практики одним из первых писал Н. К. Ренненкампф, подчеркивая, что без активного взаимодействия данных областей невозможно выделить принципы, на основе которых формируется и развивается правовая действительность. Те элементы, которые ранее рассматривались в качестве системообразующего фундамента – «закон, права, власть, подчинение, положение личности, роды союзов, цели жизни» – на самом деле не могут выполнять данную функцию, поскольку сами получают «направление от причин более коренных, так сказать

¹ Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 18.

первоначальных»¹. «Эти причины, – разъясняет автор, – заключаются в отношениях человеческой жизни, составляющих основание, на которое действует человеческое сознание и образует право»².

В своих рассуждениях Н. К. Ренненкампф призывает к анализу историко-культурных и экономико-географических особенностей конкретного государства, полагая, что под их воздействием в каждом отдельном социуме вырабатываются свои представления о том, какие принципы должны быть положены в основу регламентации общественных отношений. Несмотря на акцент в сторону социальной природы права, основную роль в формировании общеправовых принципов Н. К. Ренненкампф оставляет за юридической наукой, которая при многоаспектном исследовании общественных процессов и функционирования государственно-правовых институтов должна сформулировать прогрессивные начала их гармоничного развития.

Чтобы разработанные правоведением принципы были приведены в действие, требуется их закрепление в нормах действующего законодательства. Н. К. Ренненкампф настаивает на их позитивизации в положениях основного закона – конституции, поскольку данный акт обладает высшей юридической силой.

Будучи сторонником либерализма, Н. К. Ренненкампф центральной идеей законотворческого процесса считает представление о ценности и достоинстве человека. Получив закрепление в конституции, принципы права приобретают учредительный характер, обеспечивая единство законодательных приоритетов на всей территории государства. «Нормы права служат основанием прав, а потому различие в природе норм оказывает существенное влияние на различие свойств самих прав», – пишет Н. К. Ренненкампф, заключая, что при создании норм, регламентирующих общественные отношения, законодателю необходимо

¹ Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд. Киев, 1880. С. 180.

² Там же.

учитывать, «чтобы в своем развитии и логических последствиях они не выходили за границы, указанные законами, и особенно основными»¹.

При этом, оценивая динамику развития общественных отношений, учёный допускает, что ни одно даже самое совершенное законодательство не способно обеспечить их всеобъемлющий контроль. «Ввиду этого новейшие законодательства требуют, чтобы суды, в случае неполноты, неясности или противоречий в законах, основывали свои решения на общем разуме и духе законов»², — отмечает Н. К. Ренненкампф. Выступая идеологическим фундаментом позитивного права, принципы сосредотачивают в себе обобщенное представление о его содержании, позволяя посредством их реализации преодолеть пробелы в действующем законодательстве.

Интересные идеи высказывает С. В. Пахман: «Современная практика далеко уже отстала от слепой веры в авторитеты: она требует твердых руководящих начал, она ищет ответа в принципах, имеющих положительную научную основу»³. Проведя анализ юридических норм в рамках отдельных отраслей законодательства, С. В. Пахман приходит к выводу о существовании общей направленности устанавливаемых дозволений и запретов, отражающих так называемые «юридические принципы», которые «применимы к объяснению всякого положительного права и сохраняют свою силу при всех возможных изменениях в последнем»⁴. Учёный отмечает, что постижение «юридических принципов» на основе одного лишь изучения юридических норм невозможно, так как их принятие, изменение и отмена демонстрирует результат воздействия общеправовых начал, отличающихся стабильностью содержания. «Отсюда, сама собою, выясняется несостоятельность мнения, будто юридические принципы, в отличие от законов в научном смысле, суть такие же изменчивые

¹ Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд. Киев, 1880. С. 150.

² Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1913. С. 133.

³ Пахман С. В. О современном движении в науке права. 1882. С. 1.

⁴ Там же. С. 40.

начала, как и положительные нормы, которых они служат выражением»¹, – пишет автор, подчеркивая их устойчивость и учредительный характер.

По мнению С. В. Пахмана, предмет правоведения недопустимо сводить к изучению существующего законодательства, так как за эффективной реализацией его положений стоит исследование логических связей между субъектами, возникающих в процессе общественных отношений. «Если наука говорит, что “никто не может передать другому более прав, чем сам имеет”, то это, очевидно, не повеление и не запрещение; в нем выражается не та мысль, что никто “не смеет” или “не должен” передавать, а та, что это “невозможно”»², – пишет он. Рассуждая в таком ключе, мыслитель представляет общеправовые принципы в качестве аксиоматических категорий – «правил логического свойства», которые нельзя искусственно ввести или изъять из правовой сферы в силу их априорного существования. Задача правоведения при осмыслении данной категории заключается в преодолении границ позитивного законодательства, поскольку принципы права представляют собой «не правила деятельности, а правила юридического мышления», которые должны быть положены в основу развития системы права³.

В том же направлении мыслит Г. Ф. Шершеневич, согласно которому формированию юридических норм, детализирующих алгоритм достижения целей правового регулирования, должен предшествовать этап теоретической разработки отражающих их принципов. Тесная взаимосвязь общеправовых принципов с законами развития юридической науки, по мысли автора, определяет их приоритет над другими нормами, наделяя не только учредительным характером, но и признаком прямого действия. «В ряде законов наука может подметить общую мысль, хотя и не высказанную законодателем, но проглядывающую сквозь его повеления, – объясняет Г. Ф. Шершеневич, – если эту мысль уловить и выразить в виде общего правила, так называемого юридического принципа, то можно найти исходную точку для разрешения

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

многих вопросов, на которые прямого ответа в законодательстве нет»¹. Таким образом, если предписание отдельной нормы может быть нарушено, то регулирующее воздействие принципов права остается незыблемым, поскольку они, подобно законам юридической науки, отражают нечто априорно существующее, что было изучено и представлено в качестве вектора развития².

Разработка принципов права, согласно Г. Ф. Шершеневичу, включает несколько этапов: юридический анализ нормативного материала, выделение общего смысла исследованных положений, формулировку правила правового регулирования и его позитивизацию в виде руководящей нормы. «Одна и та же цель может быть достигнута при помощи различных правил. С другой стороны, одна цель для её достижения может потребовать соблюдения одновременно или последовательно большего или меньшего количества правил. Обобщение, сделанное из ряда правил, направленное к одной и той же цели, составляет принцип»³, – указывает автор.

Критически оценивая состояние действующего законодательства, Г. Ф. Шершеневич не склонен ограничиваться методом научного обобщения при разработке основополагающих принципов права. Поскольку данная категория обладает учредительным характером, особое внимание учёный уделяет её содержательной части, которая должна сосредотачивать в себе нравственные ценности общества и государства.

В своих работах Г. Ф. Шершеневич не раз упоминает о неразрывной связи между нравственными и правовыми нормами. Автор убежден, что указанные виды социальных регуляторов имеют общие цели, распространяются на одних и тех же субъектов и различаются исключительно характером последствий в результате их нарушения⁴. «Зачатки важнейших институтов права, известных современным обществам, лежат в области нравственности.

¹ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1911. С. 152.

² Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве // Ученые записки Казанского университета. 1896. Т. 4. С. 281-283.

³ Там же. С. 280.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 326.

Многие нормы, прежде чем стать юридическими, долгое время существовали в качестве нравственных. Превращение норм нравственности в нормы права состоит в изменении не содержания их, а только санкции»¹, – заключает он. При этом специфика правовых отношений не позволяет базировать каждую юридическую норму исключительно на нравственных идеалах – эту роль выполняют принципы права, сохраняя ценностно-ориентированный характер правового регулирования.

Нравственная природа принципов права, согласно Г. Ф. Шершеневичу, обусловлена их регулятивным характером. Поскольку общеправовые принципы, несмотря на закрепление важнейших направлений социально-правовой политики, рассматриваются автором в качестве разновидности юридических норм, их соблюдение со стороны граждан может быть обеспечено с помощью аппарата принуждения. Напротив, в отношении государства применение каких-либо юридических санкций невозможно, поэтому соблюдение принципов права вытекает из самосознания властвующих субъектов, понимающих значимость утвержденных императивов². «Подчинение установленным верховной властью нормам составляет вопрос права, но какие нормы должны быть изданы верховной властью, и насколько она сама будет соблюдать принятые ей и даже объявленные принципы законодательной политики – это вопрос морали. Поэтому основные, так называемые конституционные законы представляют собой в большинстве случаев нормы нравственности, а не права»³, – разъясняет мыслитель.

Отсылка Г. Ф. Шершеневича к конституционным законам неслучайна. Так как правотворческая функция, с точки зрения позитивизма, всецело предоставлена государству в лице правящих органов, необходим нормативный акт, особый статус которого приведет волю властвующих субъектов в

¹ Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве // Ученые записки Казанского университета. 1896. Т. 4. С. 138.

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 310-311.

³ Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве // Ученые записки Казанского университета. 1896. Т. 4. С. 130.

соответствие с провозглашенным правовым ценностям. Кроме того, конституция, определяя основы правовой системы государства, устанавливает пределы законодательной власти, исключая произвол со стороны её представителей. «Конституционная система, – заключает Г. Ф. Шершеневич, – это совокупность принципов, которых придерживается верховная власть как руководящих начал при осуществлении своей деятельности»¹.

Наряду с этим правовед отмечает, что нравственные нормы всегда оказывали большее влияние на мотивы поведения человека, нежели нормы юридические. «Человек будет соотносить свое поведение с теми нормами, которых санкция оказывает на его волю наибольшее давление»², – утверждает Г. Ф. Шершеневич, и поскольку человек – существо социальное, наиболее губительным для него представляется общественное порицание. Поэтому правовая политика государства должна исходить из нравственных ценностей общества, иначе санкции юридических норм не смогут предотвратить сознательного игнорирования гражданами установленных правил поведения.

Усилить регулятивное воздействие принципов права позволяет не только нравственный фундамент их содержания, но и их ориентированность на потребности конкретного социума. «Лица, в руках которых находится законодательная власть, создавая нормы, всегда имеют в виду укрепить общественные связи, обеспечить условия общежития, руководствуясь при этом высокими мотивами общего блага или своими собственными интересами, неразрывно соединенными с существованием общества»³, – пишет Г. Ф. Шершеневич. Возлагая на юридическую науку обязанность по разработке принципов, отражающих представления об идеальном праве, мыслитель призывает к исследованию специфики общественных отношений в России, которое позволит выявить и понять истинные стремления граждан и установить допустимые пределы правового вмешательства в социальную жизнь. Тем

¹ Там же.

² Там же. С. 127.

³ Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Казань, 1897. С. 16.

самым Г. Ф. Шершеневич воздерживает от прямой экстраполяции образцов государственно-правового устройства, предлагаемых зарубежными авторами, так как при всей своей привлекательности они не соответствуют реалиям российского общества. «Поэтому, оставляя всякую мысль о нахождении абсолютного идеала, правоведение должно заниматься установлением относительного идеала, то есть того желательного государственно-правового порядка, который выдвигается всею совокупностью исторических условий»¹, — заключает он.

М. Н. Капустин, по справедливому замечанию А. В. Яковлева, как и Г. Ф. Шершеневич, определенно избегает «чистого позитивизма», подчеркивая губительный характер его крайних проявлений². В частности, при изучении права и в ходе разработки категориального аппарата М. Н. Капустин считает необходимым обращаться к «разумной и нравственной природе человека», полагая, что «все юридические явления более или менее приближаются к этому идеалу». «Поэтому необходимо ко всем явлениям прилагать требования человеческой природы и недостающее в них восполнять из этого источника»³, — подчеркивает правовед.

М. Н. Капустин убежден, что «исключить из правоведения философский элемент или так называемое естественное право значило бы лишить его великой научной силы»⁴. Автор противопоставляет действующее законодательство неким фундаментальным началам совершенного правопорядка, лежащим в основе развития системы права. «Нельзя себе представить общества без установленных для него норм... Но это не значит, что вне их не существовало права, как думают некоторые. Происходит постоянное взаимодействие между правом как оно есть и как оно должно быть;

¹ Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1: Часть теоретическая: Общая теория права: Вып. 4. М., 1912. С. 802-803.

² Яковлев А. В. Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

³ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 6.

⁴ Там же.

к постепенному осуществлению этого последнего стремится всякое положительное право»¹, – констатирует правовед.

М. Н. Капустин разрабатывает концепцию, согласно которой имеют место два вида принципов: одни несут в себе основной смысл права и являются неотъемлемой частью его сущности, другие вводятся мыслительной деятельностью человека в целях оптимизации процессов создания, применения и развития законодательства.

Принимая во внимание не только многообразие общественных отношений, но и индивидуальные различия участвующих в них субъектов, М. Н. Капустин позиционирует справедливость как принцип, заложенный в основу права, «который с одной стороны поддерживает порядок, а с другой удовлетворяет самосознанию каждого отдельного лица»². Согласно мыслителю, принцип справедливости олицетворяет «чувство правды», которое задолго до возникновения позитивного права привело людей к осознанию необходимости закрепления правил совместного проживания.

Распространение регулятивного воздействия справедливости на достаточно широкий круг субъектов требует нивелирования их различий – от социально-экономического положения до физических способностей и уровня духовного развития. В целях обеспечения данного условия, как указывает М. Н. Капустин, наряду с принципом справедливости имеет место начало формального равенства, которое позволяет наделить каждую личность правосубъектностью с учётом имеющихся преимуществ или недостатков. «Справедливость есть соразмерность, то есть определение отношения между лицами на основании какого-либо, но непременно одинакового для всех мерила... Все люди равны как люди; но они неравны как лица. Они выступают в жизни с разными физическими и нравственными силами, и было бы несправедливо признавать неравное равным. Пределы борьбы и свободы для

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 33.

всех одинаковы, но средства не могут быть одни и те же»¹, – поясняет учёный, демонстрируя взаимодополняемость основообразующих принципов. Прилагая справедливость к упорядочению общественной жизни, право вносит коррективы в фактическое положение личности, предоставляя каждому равную возможность выступать в качестве самостоятельного субъекта правоотношений.

Позиционирование М. Н. Капустиным принципов справедливости и формального равенства в качестве неотъемлемой составляющей сущности права обусловлено убежденностью автора в том, что «сознание о неравенстве и о равном мериле для его определения присуще каждому человеку»². Таким образом, данные принципы рассматриваются мыслителем одновременно и как принципы, закладывающие основу для упорядоченного взаимодействия людей.

Данный подход диссонирует с взглядами тех современных ученых-правоведов, которые рассматривают признаки права и его принципы в качестве самостоятельных категорий, обладающих разной смысловой нагрузкой и назначением. Как указывает А. В. Поляков, «отличие принципа права от его необходимого признака заключается в том, что принцип может быть воплощен в праве лишь в той или иной мере, но никогда не воплощается полностью – в отличие от признака права, который в случае его отсутствия делает невозможным признание какого-либо явления правом»³. Поэтому отметим, что М. Н. Капустин отождествляет названные категории лишь применительно к идеальному правопорядку, констатируя, что признание справедливости и формального равенства в качестве признаков права ещё не гарантирует их реализации. Вместе с тем автор убежден, что критическое мышление человека позволяет разработать особую категорию принципов позитивного права, призванных усовершенствовать регламентацию общественных отношений. «Человеку свойственно подвергать всё существующее критике разума, считать

¹ Там же.

² Там же. С. 34.

³ Поляков А. В. Признание права и принцип формального равенства // Правоведение. 2015. № 6. С. 68.

нормальным только то, что согласно с разумом, и искать идеалов, — пишет он, — чрез посредство юридических фактов он выходит за их пределы; понимание существующего приводит к представлению того, что должно быть... Отрицание рабства, равенство перед законом, гуманность в применении наказаний — все эти требования разума весьма долго стояли на степени идеалов прежде, чем перешли в действительность»¹.

Становление принципов позитивного права М. Н. Капустин не мыслит без участия практикующих юристов. Приводя в пример правообразовательный процесс государств англо-саксонской правовой семьи, автор убежден, что высокий уровень актов судебного правотворчества обусловлен профессионализмом правоприменителей, уделяющих преимущественное внимание исследованию «общих юридических начал» — принципов справедливости и формального равенства. «Эти начала служат выражением лучшего, более идеального определения отношений между лицами и получают признание ради осуществляемой ими правды»², — указывает М. Н. Капустин.

Соотнося зарубежный опыт с реалиями Российской империи, учёный подчеркивает необходимость того, чтобы «так называемая теория законодательства, обращая внимание на бытовые условия жизни и соображаясь с ними, в основание полагала научные принципы правоведения»³. Указанные принципы не только позволят уяснить вектор развития законодательства, но и станут своеобразным руководством правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности в государстве. «Наконец каждый общественный деятель в мире и на войне не может отрешиться от возможного при данных условиях проведения начал справедливости и следующих выработанных правоведением принципов»⁴, — пишет М. Н. Капустин, подчеркивая учредительный характер осмысляемой научной категории.

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 16.

² Там же. С. 9.

³ Там же.

⁴ Там же.

Правовед также полагает, что выработанные юридической наукой принципы, неся в себе преобразовательный потенциал для законодательства и юридической практики, сохраняют устойчивость, детализируя в своем содержании отправные идеи права. «Во всяком случае область права не тождественна с другими областями и имеет свое особое содержание. Оно может расширяться или суживаться, смотря по количеству и свойству действий, на которые распространяется принудительная сила права; но это не изменяет существа самого права. Так, например, некоторые действия, прежде запрещавшиеся, становятся дозволенными и наоборот; в области права возможно движение, но это движение не выходит из определенных границ»¹, — пишет М. Н. Капустин. Иными словами, принципы позитивного права устанавливают пределы правового регулирования, которые, по мысли учёного, не позволяют обратить правовой инструментарий против его главной задачи, заключающейся в установлении справедливого правопорядка.

Указанное, согласно М. Н. Капустину, определяет прямое действие принципов права. «Во имя блага право отступает от своей строгой формы, от механического порядка и логических обобщений» и обращается к принципам в ситуациях, когда необходима индивидуализация правового регулирования или преодоление пробела в законе². Таким путём, по мнению юриста, происходит «примирение» позитивного и «рационального» права, где последнее составляют «бесспорно общие юридические истины, хотя и не обличенные в форму строгого права, но служащие для него источником и дополняющие его»³. «Действительно, многие блага не могут быть охранены по недостаточности средств для того; многие отношения не могут быть доказаны фактически; во всех этих случаях необходимо обращаться к непосредственному источнику права — к справедливости»⁴, — заключает он.

¹ Там же. С. 38.

² *Капустин М. Н.* Теория права: (Юрид. Догматика) / Соч. Михаила Капустина, проф. междунар. права в Моск. ун-те. Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 96.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 100.

Для того, чтобы разработанные юридической наукой принципы не остались чистым теоретизированием, М. Н. Капустин настаивает на их законодательном закреплении. «Хотя юридический порядок коренится в сознании его необходимости и в чувстве справедливости, ... это сознание и чувство не у всех людей развито в одинаковой степени. Поэтому, для устойчивости порядка, устанавливающие его запрещения и приказания должны быть выражены точно и определенно»¹, – заключает М. Н. Капустин.

Как видим, сторонников юридического позитивизма объединяет мысль о наличии движущей силы, которая оказывает воздействие на правовую действительность. Общественное правосознание, логика социальных связей, нравственные ценности или рациональное начало человека подлежат научной интерпретации – разработке принципов правового взаимодействия всех субъектов права. Сформулированные теоретической юриспруденцией императивы подлежат законодательному закреплению в виде юридических норм, обладающих учредительным характером и прямым действием. Позиционируя принципы права в роли теоретических конструктов, разработанных юридической наукой в целях определения императивов правового регулирования и определения приоритетов правовой политики государства, сторонники юридического позитивизма считают данное понятие неотъемлемой составляющей юридического категориального аппарата.

Как известно, правовое сознание российского общества второй половины XIX – начала XX вв. характеризовалось усилением нигилистических настроений, вызванных незавершенностью реформ, противоречивостью законодательства, сохранением самодержавия и отсутствием механизма юридической защиты личных прав. Поэтому дореволюционные юристы значительное внимание уделяют принципу законности.

Убеждение о незыблемом верховенстве закона является краеугольным камнем рассуждений правоведов. Достаточно распространённой является

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 41.

позиция, в соответствии с которой любой законодательный акт подлежит безусловному соблюдению независимо от последствий реализации юридических норм. «Применение норм права по точному их смыслу, невзирая на результаты применения в тех или иных конкретных случаях, есть тот принцип законности, который составляет необходимое условие правового порядка»¹, – подчеркивает Г. Ф. Шершеневич. Возможное несоответствие положений закона представлениям, которые сложились в общественном правосознании, не отменяет постулата о его верховенстве. «Окончательное решение этих противоречий, – замечает Н. К. Ренненкампф, – принадлежит только законодательной власти, и пока она не отменит разноречащего или вредного закона, он должен иметь такую же обязательную силу, как и закон мудрый и справедливый»².

Однако главный смысл данного императива правоведы связывают с обеспечением строгой иерархии нормативных актов, невозможной без подчинения правилам поведения, санкционируемым высшими органами государственной власти. Выстраивая систему нормативных актов, Н. К. Ренненкампф разделяет законы на «основные, или учредительные» и «обыкновенные, или простые», исходя из степени значимости общественных отношений, подлежащих правовой регламентации. Первые заключают в себе основы государственного устройства, принципы осуществления власти и взаимодействия с гражданами, а также меры, обеспечивающие правовую защиту установленных положений. «Обыкновенные» законы призваны детализировать нормы учредительного законодательства, «но они ни в коем случае не должны противоречить последним, и притом не только буквальному смыслу, но духу и последствиям, логически вытекающим из законов основных»³, – подчеркивает учёный.

Аналогично Н. К. Ренненкампфу, М. Н. Капустин, отмечая, что «некоторые законы стоят выше прочих», подразумевает под ними законы

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 705.

² Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1913. С. 73.

³ Там же. С. 99.

основные, или конституционные. По мнению мыслителя, прочность и устойчивость указанных нормативных актов, обеспечиваемая особой процедурой принятия, гарантирует единство законности на всей территории государства¹.

Авторы единогласно заявляют о всеобъемлющем действии законодательных актов, выражающемся в неукоснительном соблюдении установленных норм не только гражданами, но и органами государственной власти. Н. К. Ренненкампф, обращая внимание на распространенный субъективизм должностных лиц при реализации отдельных властных полномочий, подчеркивает: «Никому не дается права уклоняться от исполнения закона на том основании, что закон кажется ему несправедливым, противоречащим требованиям его совести; даже судья не может судить о справедливости закона»².

Мыслитель разрабатывает специальный порядок законотворческой деятельности, выступающий в качестве юридической гарантии её законности. «Так как соблюдение установленного порядка при издании законов составляет необходимое условие их обязательности, то в каждом государстве определяется более или менее точный порядок составления и введения в действие законов»³, – пишет Н. К. Ренненкампф. Стоит заметить, что стадийность законодательного процесса, при нарушении которой принятый нормативный акт не признается законом и не подлежит применению на территории государства, предпочтительна для большинства сторонников нормативизма⁴.

Г. Ф. Шершеневич, обращаясь к анализу чувственно-волевого аспекта в правовом регулировании, приходит к выводу о мощном воспитательном воздействии правомерной реализации властных полномочий. «Для воспитания

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 74.

² Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1913. С. 73-74.

³ Там же. С. 76.

⁴ Капустин М. Н. Теория права: (Юрид. Догматика) / Соч. Михаила Капустина, проф. междунар. права в Моск. ун-те. Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 141-147; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. М., 1912. С. 721 и др.

законности необходим пример сверху – сама власть должна считать для себя смертным грехом нарушать законы, ею же созданные»¹, – пишет мыслитель. Строгое соблюдение юридических норм должностными лицами при осуществлении возложенных обязанностей прививает гражданам чувство уважения к сложившемуся правопорядку, а также позволяет предотвратить деформацию личного и общественного правосознания. «Принцип законности в управлении играет громадную ... роль в деле воспитания граждан в чувстве законности»², – указывает ученый, имея в виду формирование у каждого индивида мыслительной привычки воздерживаться от нарушения правовых норм.

Правомерное поведение граждан Г. Ф. Шершеневич напрямую связывает с качеством принимаемых нормативных актов. Во-первых, законы должны быть направлены на достижение целей правового регулирования, соотносясь с теми условиями, которые диктует динамика развития общественных отношений, то есть быть целесообразными и своевременными³.

Во-вторых, автором предполагается достаточно высокий уровень юридической техники, позволяющий добиться ясности установленных норм и адекватного изложения их смысла. Согласно Г. Ф. Шершеневичу, «для этого законы должны быть по возможности немногочисленны и изложены общедоступным языком без специальной терминологии и без чрезмерных обобщений, доступных только получившему специальную подготовку. Каждый гражданин, не осиливая всего законодательства, должен иметь возможность, если пожелает, отыскать в законах то, что его ближайшим образом интересует»⁴.

В-третьих, нормативные акты должны быть применимы к максимальному числу жизненных ситуаций, что также достигается грамотным использованием

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 74.

² Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Казань, 1897. С. 21.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 22.

юридико-технических конструкций, предлагающих несколько возможных вариантов при принятии решения. Альтернативных формы поведения в установленных законом пределах, по мысли Г. Ф. Шершеневича, в равной степени позволят избежать как излишне казуистичных норм, так и чрезмерно обобщенных правил, открывающих возможность «притягивания» законодательных положений. «Правовой порядок не совместим с системой приспособления норм права к конкретным случаям их применения, — подчеркивает автор, — закон сам может придать некоторую эластичность норм, предоставляя суду возможность сообразоваться с различием условий применения»¹.

В-четвертых, законодателю не следует распространять действие законов на общественные отношения, которые не поддаются упорядочению с помощью правовых средств. «Недостаточно доказать, что то или другое содержание требуется нравственным сознанием или соответствует общественному идеалу. Нужно еще доказать, что это содержание можно и должно осуществить путём права»², — пишет Г. Ф. Шершеневич.

Данные требования дополняет замечание М. Н. Капустина относительно частоты изменений действующего законодательства. Мыслитель предлагает воздержаться от повышенного темпа законотворчества, усматривая в этом угрозу для авторитета принимаемых нормативных актов. «Прочность и устойчивость законов, — по мнению М. Н. Капустина, — внушает убеждение в необходимости и непреложности устанавливаемого ими порядка и содействует укреплению того чувства законности, на который опирается всякий порядок. Перемены в существующем законодательстве иногда необходимы: но они оправдываются только потребностями значительно изменившихся условий жизни»³.

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 709.

² Там же. С. 335.

³ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 73.

Принцип законности, выражающийся в неуклонном соблюдении юридических норм, согласно авторской позиции, имеет обеспечительный характер. Поскольку позитивное право отражает внешнюю сторону порядка, установленного под воздействием начал справедливости и формального равенства, оно требует принципиального отношения к своим регулятивным положениям. В противном случае общественные отношения будут лишены упорядоченности, так как правомерное поведение станет определяться исключительно сознательностью и дисциплинированностью участников правоотношений, у которых данные качества развиты далеко не в равной степени. «Так как право основывается на справедливости, требующей одинаковой меры для всех, то выражением его должны служить общие правила или нормы, с которыми каждый должен согласовывать свои действия и которые требуют повиновения»¹, – заключает мыслитель.

Юридические гарантии законности принимаемых нормативных актов детально разрабатывает Г. Ф. Шершеневич. Подчеркивая необходимость в организации специального контроля за качеством законов, автор формулирует основные задачи особой деятельности – «материальной юридической проверки», которая в современной юриспруденции получила статус правовой экспертизы². Г. Ф. Шершеневич обращает внимание на оценку содержательной части правовых предписаний, включая контроль за конституционностью закона – соответствием установленных юридических норм общеправовым принципам, закрепленным в основном законе государства³.

Отдельный акцент в трудах сторонников юридического позитивизма сделан на характеристике юридической природы принципа законности, понимаемой в качестве императива неотвратимости наказания за совершенное

¹ Там же. С. 38.

² Грязнова Т. Е. Идеи правотворческой экспертизы в Российской империи // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 95.

³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 718.

правонарушение¹. При этом, как отмечает М. Н. Капустин, «назначение наказания и его размер совершается в пределах права, на основании юридической нормы, без которой наказание немыслимо»².

Аппарат принуждения мыслитель отождествляет с юридическим инструментом, который предоставляет каждому человеку защищенную правом сферу для беспрепятственного удовлетворения своих потребностей и самореализации. «Равным образом свобода и неприкосновенность лица, его достоинство и честь требуют юридического охранения от воздействия других лиц»³, – указывает правовед. По убеждению М. Н. Капустина, правопорядок, при котором положение личности становится уязвимым в силу высокого риска противоправных посягательств, не может признаваться законным.

Похожую мысль высказывает Г. Ф. Шершеневич. Поскольку развитие российской системы права рассматривается правоведами в контексте приоритета личности, принудительная сила законодательных установлений в трудах учёного получает гуманистическое обоснование. «Государство и право построены на принуждении, которое многим кажется несимпатичным, ... но они необходимы для защиты интересов всех членов общества»⁴, – пишет Г. Ф. Шершеневич.

Таким образом, под принципом законности в юридическом позитивизме понимается неукоснительное соблюдение всеми субъектами права юридических норм, охраняемых силой государственного принуждения. Императивами данного принципа авторы называют: верховенство закона, его своевременность, целесообразность и всеобъемлющее действие, высокий уровень юридической техники, контроль за нормотворческим процессом, а также неотвратимость наказания за совершенное правонарушение. Наряду с общим упорядочением общественных отношений принцип законности

¹ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1913. С. 208; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 640-641.

² Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 211.

³ Там же. С. 153.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 366-367.

направлен на защиту каждой личности, ограждая её от противоправных посягательств.

М. Н. Капустин в качестве гарантии неприкосновенности личности рассматривает принцип формального равенства, устанавливающий чёткие пределы свободы действий всех участников правоотношений. Не мысля права в отсутствие данного принципа, автор видит в нём необходимое условие стабильного существования общества. «Внешний порядок как таковой отличается твердостью и определенностью, в нём устанавливаются точные границы для воли отдельных лиц или точная соразмерность; каждое отдельное лицо может быть принуждено не переступать этих границ, признавать их нерушимость; это требует принцип равенства»¹, – подчеркивает он.

В законодательстве принцип формального равенства находит реализацию в закреплении гражданских прав, которые отражают одинаковую для всех «область индивидуальной жизни, в которой лицо сознает свою отдельность и свободу». Каждый человек сам решает, насколько дозволительно другому лицу вмешиваться в его личное пространство, «но юридически ... лица равны; их требования основаны на признании индивидуальной жизни каждого и юридически вполне зависят от их воли»², – разъясняет М. Н. Капустин.

Согласно концепции правоведа, принцип формального равенства допускает разницу в правосубъектности отдельных лиц, не умаляя при этом их значения в обществе и государстве. Так, например, объем прав и обязанностей граждан может зависеть от пола, физического и психического здоровья, наличия фактов противоправного поведения, религии и национальности. «Таким образом, – заключает М. Н. Капустин, – в области права выступают со своими требованиями лица друг другу неравные; право обеспечивает каждому неодинаковый размер свободы, не уничтожая, однако, того равенства, которое признается за всеми людьми»³.

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 37.

² Там же. С. 130.

³ Там же. С. 140.

Несколько иначе принцип формального равенства раскрывается Н. К. Ренненкампом. В отличие от М. Н. Капустина, подчеркивающего взаимосвязь данного принципа с началом справедливости, мыслитель базирует трактовку формального равенства на императиве верховенства закона. По мнению Н. К. Ренненкампа, в том государстве, где неукоснительно соблюдаются законодательные акты, действие юридических норм в отношении всех субъектов правоотношений одинаково. «По отношению к лицам закон имеет власть равномерную; давая всем обывателям своего государства равную защиту, он имеет право требовать равного подчинения себе всех живущих в пределах страны, не давая различия между коренным жителем и иностранцем; в этом случае законам подчиняются ... как частные лица, так и государственные учреждения и власти, не исключая и той, которая участвовала в создании закона»¹, – пишет автор. Стоит заметить, что такое понимание принципа формального равенства является типичным для представителей отечественной нормативной теории. Не останавливаясь подробно на его характеристике, мыслители позиционируют данный принцип в качестве логического следствия принципа законности.

Меньшее внимание отечественные нормативисты уделяют принципу гуманизма, воспринимая его, скорее, как нравственную идею, лежащую в основе всех государственно-правовых процессов. Тем не менее авторы подчеркивают приоритетное значение личности, нацеливая законодателя и субъектов правоприменительной сферы на закрепление и обеспечение условий для реализации потенциала каждого гражданина. «Нравственность есть внутренний, личный закон человека, направляющий его к добру в его отношениях к себе, другим и ко всему миру, – пишет Н. К. Ренненкампф. – Из предложенного определения нравственности можно видеть, что нравственность и право возникают из одной общей мысли о человеке, стремятся к одной общей

¹ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1913. С. 85-86.

цели, – благу и совершенству человека, – и потому равно необходимы в общем организме человеческой жизни и служат для взаимного пополнения»¹.

Именно осмысление личности в качестве ключевой ценности государства стоит за стремлением правоведа к широкой позитивизации гражданских прав и свобод. По мнению Н. К. Ренненкампа, без государственной санкции начало гуманизма останется не более чем нравственным пожеланием, которым каждый в силу обладания свободой воли может пренебречь. «Права личные – основание всех прав, так как личность есть исходный пункт и цель государства ... Но, без всякого сомнения, права личные, как и всякие другие, могут быть основаны только на праве положительном, и абсолютны только в том смысле, что имеют силу по отношению ко всем другим лицам и могут преследуемы против каждого, кто нарушает их»², – заключает он.

Аналогична позиция М. Н. Капустина, который, признавая существование так называемых «прирожденных» прав человека, ставит под сомнение возможность их защиты в отсутствие специальных юридических норм. «Никто не родился лицом; значение субъекта прав дается человеку объективной нормой, установлением обязанностей относительно вновь появившегося субъекта, – разъясняет автор, – Если бы не существовало обязанности щадить жизнь новорожденных и заботиться о них, то не существовало бы и самого права жизни»³.

Как видим, принцип гуманизма рассматривается правоведами как нравственное начало государственного признания и защиты личности, находящее своё выражение в законодательном закреплении гражданских прав и свобод. Нравственная идея о бережном отношении к человеку пронизывает рассуждения всех мыслителей, находя отражение в иных общеправовых принципах.

¹ Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд. Киев, 1880. С. 35.

² Там же. С. 151.

³ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 176.

Так, анализируя правоприменительную практику, отечественные позитивисты принимают во внимание, что далеко не каждая юридическая норма несёт в себе благоприятные последствия для субъекта правоотношений и даже может нарушать законные интересы отдельной личности. Иными словами, юристы приходят к осмыслению принципа справедливости, призванного сгладить или устранить противоречия между нормами законодательства и фактическими правовыми отношениями.

Безусловно, правоведы не склонны возлагать устранение несовершенств в законодательных актах на правоприменительные органы и потому связывают принцип справедливости с индивидуализацией правового регулирования уже на стадии правотворческого процесса. Как указывает Н. К. Ренненкампф, «справедливость состоит в обсуждении и принятии во внимание особенностей в положениях лиц и их отношений в каждом случае»¹. Но поскольку право представлено преимущественно обобщёнными юридическими нормами, которые не всегда способны разрешить ситуацию сообразно всем сопутствующим обстоятельствам, автор в исключительных случаях допускает правоприменительное усмотрение и предписывает «прибегать к справедливости как к элементу смягчения и примирения общности и строгости определений закона с индивидуальностями явлений действительных»².

Более категоричны взгляды Г. Ф. Шершеневича. Автор считает недопустимым адаптацию правовых установлений к обстоятельствам конкретного дела посредством правоприменительного усмотрения. «Под чувством справедливости, вменяемым судье, мы должны понимать наклонность судьи давать закону такое применение в конкретном случае, чтобы, сохраняя букву закона, извратить его точный смысл, чтобы решение наименее противоречило нравственному чувству применяющего лица»³, – указывает он. Свое отрицательное отношение Г. Ф. Шершеневич объясняет превалированием

¹ Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд. Киев, 1880. С. 119.

² Там же.

³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. М., 1912. С. 701.

субъективного начала в подобных решениях, которое, по мнению автора, граничит со злоупотреблением должностным положением.

Г. Ф. Шершеневич также убежден, что расширение полномочий судебных и административных органов, которое применительно к принципу справедливости находит поддержку у представителей иных типов правопонимания, губительно сказывается на качестве законодательных актов. «При такой практике может казаться, – разъясняет автор, – что все идёт хорошо, и законодателю закрывают глаза на действительность. Недостатки законодательства вместо того, чтобы обнаружиться явно в отдельных случаях ... продолжают существовать и в тиши причинять несправедливые страдания»¹.

Истинное действие принципа справедливости, согласно Г. Ф. Шершеневичу, выражается в принятии справедливого закона, нормы которого допускают индивидуализацию с чётким указанием границ правоприменительного усмотрения. «Случаи столкновения справедливых законов с несправедливостью отдельных случаев их применения постепенно уменьшаются благодаря усовершенствованию законодательной техники. При составлении новейших законов стараются формулировать их положения так, чтобы доставить суду возможность, не выходя из пределов правила, принять в соображение индивидуальность случаев его применения»², – пишет он.

Кроме того, причина критического отношения Г. Ф. Шершеневича к дискреционным полномочиям властвующих субъектов кроется в его анализе чувственно-волевых аспектов правомерного поведения. Согласно убеждениям правоведа, существенное влияние на формирование уважительного отношения к сложившемуся правопорядку оказывает принцип формального равенства, под которым Г. Ф. Шершеневич понимает всеобщую обязанность подчиняться законам и нести ответственность перед судом независимо от фактического положения в обществе и государстве. Твердость и принципиальность

¹ Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Казань, 1897. С. 25-26.

² Там же. С. 21.

юридических норм в отношении каждого субъекта правоотношений, по мнению мыслителя, демонстрирует равную правовую защиту и потому представляется более справедливым, чем их преломление в соответствии с обстоятельствами юридического дела. «Гражданину тяжело, когда точка зрения целесообразности или чувство справедливости будут обращены против него, хотя за него и стоит точный смысл закона. Но ему будет не легче и тогда, если справедливость обратиться в его сторону, потому что у него нет уверенности, что наклон приспособления нормы не окажется еще большим в отношении других, и у него, по сравнению, всегда может создаваться мысль, что по отношению к нему поступлено несправедливо»¹, – пишет Г. Ф. Шершеневич.

Соответственно, справедливой, по мысли Г. Ф. Шершеневича, будет лишь та деятельность государственных органов и должностных лиц, которая беспрекословно основана на законе. «Справедливость должна лежать в основании законодательной, а не судебной и административной деятельности. Административные меры должны быть целесообразны, но всегда основаны на точном смысле закона, а не на применении его по целесообразности. О соответствии закона со справедливостью нужно думать тогда, когда закон изготавливается, а не тогда, когда он применяется»², – заключает правовед.

Таким образом, для Г. Ф. Шершеневича определяющую роль принцип справедливости играет на стадии правотворчества, направляя уполномоченные субъекты на разработку и принятие нормативного акта, гарантирующего юридическую защиту личности при всем многообразии общественных отношений. В рамках правоприменения реализация данного принципа заключается в беспристрастной, объективной, основанной на законе деятельности органов власти и должностных лиц.

Итак, выступая за справедливость правового регулирования, юристы по-разному подходят к трактовке одноименного принципа права. При имеющихся отличиях в авторских концепциях мыслителей объединяет идея о гибкости

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. М., 1912. С. 710.

² Там же. С. 714.

юридических норм, которая позволит достичь максимального регулятивного эффекта, несмотря на динамику социальных процессов.

В поисках средств оптимизации законотворческого процесса М. Н. Капустин приходит к осмыслению принципа демократизма, предполагающего вовлечение населения в решение государственно значимых вопросов. Выступая за народное представительство в законотворческом процессе, участие граждан в создании и принятии нормативных актов автор представляет в достаточно ограниченном формате. Как указывает М. Н. Капустин, «для того, чтобы согласовать единую волю законодателя с современными воззрениями и убеждениями, существуют различные стадии, которые проходит закон прежде своего окончательного формулирования»¹. Таковыми, по мнению учёного, являются «мотив, обсуждение и санкция», причем широкое вовлечение общественного элемента М. Н. Капустин допускает только в рамках первой стадии. Так называемым «мотивом» может служить как возникновение новых юридических фактов – сделок, правонарушений, так и выявление недостатков в действующем законодательстве. «На эти мотивы, – пишет он, – может указать каждый член общества, знакомый практически с жизнью и наблюдавший известный порядок её»².

Разъяснений о том, кем и как разрабатывается законопроект, М. Н. Капустин не дает, переходя к характеристике стадии его обсуждения, где предлагает несколько вариантов субъектного состава. «Органами законодательства, то есть лицами, решающими пригодность или непригодность проекта, служат или выборные представители народа, или пользующиеся этим правом на основании рождения, или лица, назначаемые верховной властью»³, – указывает автор. И если здесь мыслитель упоминает о возможной реализации представительной власти, то на стадии «санкции» исключительным участником является глава государства, так как «повелевать может только единая воля,

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 68.

² Там же.

³ Там же. С. 69.

которой предоставляется решить окончательное выражение юридической нормы»¹.

В отличие от М. Н. Капустина, Г. Ф. Шершеневич рассуждает о принципе демократизма уже после учреждения и функционирования в России Государственной Думы. Автор безусловно поддерживает идею создания народного представительства, обладающего законодательной инициативой и правом участия в рассмотрении всех законопроектов, подчеркивая, что демократизация законодательной власти обеспечит издание своевременных, целесообразных и, главное, справедливых нормативных актов. «Люди свежие, вышедшие сейчас только из общества ... часто ближе знают народные нужды, чем министры, погруженные в массу своих дел и привыкшие смотреть на жизнь из окна своей канцелярии»², – пишет Г. Ф. Шершеневич.

Поскольку народное представительство участвует в принятии законов, оно должно быть уполномочено осуществлять контроль за их исполнением, служа дополнительной инстанцией, призванной выявлять и пресекать незаконную деятельность органов государственной власти. «Дума вправе следить за всем ходом управления и, если найдет что-нибудь возбуждающее общее неудовольствие, вызывает министров к ответу, – указывает Г. Ф. Шершеневич, – министры обязаны давать в думе объяснения народным представителям и не вправе уклоняться от этой обязанности»³.

Анализируя способы формирования Государственной Думы Российской империи, мыслитель подвергает критике сословный, классовый и имущественно-цензовый принципы выборов, отдавая предпочтение началам всеобщего избирательного права. «Все граждане, к какому бы сословию они ни принадлежали, в какой бы общественный класс ни входили, богатые или бедные, образованные или совсем безграмотные – должны принимать участие в таком важном для всех деле, как избрание лиц, в руки которых совместно с

¹ Там же. С. 70.

² *Шершеневич Г. Ф. Народные представители* / Сост. Г. Ф. Шершеневич, доп. применит. позднейшим событиями А. Е. Пресняков. Пг., 1917. С. 8.

³ Там же.

государством отдается государственная власть»¹, – разъясняет Г. Ф. Шершеневич, полагая, что широкое вовлечение граждан в сферу политики не только обеспечит справедливость решений в правотворческой и правоприменительной деятельности, но и позволит существенно повысить уровень общественного правосознания.

Г. Ф. Шершеневич демонстрирует взаимодействие принципов справедливости и демократизма, которое позволяет согласовать работу государственного аппарата с интересами общества. Солидарное участие граждан и власти в установлении справедливого правового порядка мыслитель связывает с функционированием Государственной Думы – органа, состоящего из избранных на всеобщей основе представителей населения. «Только при нем народная жизнь получит правильное и справедливое устройство. Только оно обеспечит нам свободу... Всякий вздохнет свободно, потому что знает, что отвечает за свои поступки по закону и перед законным свободным судом»², – подытоживает Г. Ф. Шершеневич.

Поскольку в трудах других ученых-нормативистов принцип демократизма не нашел отражения, а во взглядах М. Н. Капустина и Г. Ф. Шершеневича наличествуют существенные разночтения, сформулировать определение данного принципа не представляется возможным. Можно предположить, что причина сложившейся ситуации кроется в сосредоточении учёных на разработке юридических проблем, решение которых виделось им более значимым в условиях политического режима России.

Таким образом, принципы права в интерпретации сторонников юридического позитивизма – это руководящие юридические нормы, разработанные теоретико-правовой наукой в целях учреждения императивов правового регулирования и закрепления приоритетов правовой политики государства. Осмысление фундаментальной правовой категории, обладающей учредительным характером, прямым регулирующим воздействием и

¹ Там же. С. 12.

² Там же. С. 16.

устойчивостью содержания, сопровождается широким употреблением термина «принцип» для её обозначения.

Приоритетным для сторонников юридического позитивизма является принцип законности, требующий неукоснительного соблюдения юридических норм и направленный на ограждение и охрану личной свободы человека. Гармоничное сочетание начал законности и гуманизма правоведы связывают с принципом справедливости, а принятие своевременных и целесообразных нормативных правовых актов – с утверждением принципа демократизма в законотворческой деятельности. В меньшей степени авторы сосредоточены на принципе формального равенства, понимая под ним проистекающую из законности всеобщую обязанность подчиняться законам и нести ответственность перед судом независимо от своего социального и правового статуса.

Целесообразно подчеркнуть особое значение воззрений М. Н. Капустина. Позиционируя принципы справедливости и формального равенства как сущностные начала права, а законность и гуманизм как принципы, разработанные и положенные наукой в основу применения и совершенствования позитивного законодательства, правовед привносит концептуально новый взгляд в понимание рассматриваемой юридической категории.

Очевидно, что юридический позитивизм в России второй половины XIX – начала XX вв. отличается от классических позитивистских теорий, не приемлющих социальный, психологический, морально-этический и философский аспекты в интерпретации права. Отечественные правоведы не только допускают их существование, но и аргументированно настаивают на их учёте при формировании законодательных конструкций, особенно – при разработке руководящих норм-принципов.

Изложенное в рамках данной главы позволяет заключить, что научный интерес отечественных либеральных правоведов второй половины XIX – начала XX вв. к «принципам права», обусловленный поиском легитимных

средств трансформации правовой системы Российской империи в условиях нарастания социально-политических противоречий, приводит к введению в научный оборот, осмыслению понятия и сущности данной категории. Во многом этому способствовало становление и развитие науки «общей теории права», призванной, в том числе, систематизировать накопленные отраслевыми юридическими науками знания, упорядочить юридический категориальный аппарат и скорректировать политико-правовые идеалы сообразно реалиям имперской России.

Сторонников различных подходов к пониманию права объединяет взгляд на принципы как на ценностно-целевые ориентиры правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности в государстве. Об этом свидетельствует общий для юридического позитивизма, юснатурализма и социологической юриспруденции перечень признаков принципов права, в числе которых правоведы называют учредительный характер, устойчивость содержания, прямое действие и регулятивность. Рефлексия авторов относительно содержания познаваемой юридической категории сопровождается использованием синонимичных терминов (подчеркнем, что П. И. Новгородцев, С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский, Ф. Ф. Кокошкин, С. В. Пахман, Г. Ф. Шершеневич, М. Н. Капустин оперируют самим термином «принцип»), позволяющих уже на этапе становления понятийного аппарата отграничить принципы права от других категорий юриспруденции. В рамках каждого из подходов к правопониманию самостоятельно складывается перечень принципов права, содержательно выражающих ключевые ценности либерализма – гуманизм, справедливость, законность, формальное равенство и демократизм; причём значительная часть правоведов (Б. Н. Чичерин, С. А. Муромцев, Ф. Ф. Кокошкин, Б. А. Кистяковский, Г. Ф. Шершеневич и другие) настаивает на их формальной определенности в основном законе российского государства – конституции, принося тем самым существенный вклад в становление и развитие отечественного конституционализма.

Общность понимания фундаментальной юридической категории не исключает проявления специфики избранной авторами концепции права при обосновании признаков, в характеристике отдельных принципов права и их иерархии.

Объясняя учредительный характер и устойчивость содержания принципов права, сторонники естественно-правового подхода, социологической юриспруденции и юридического позитивизма апеллируют к источнику их происхождения – требованиям естественного права, общественному правосознанию или юридической доктрине.

Связь естественного права с нравственным началом личности определяет основополагающее значение принципов гуманизма и справедливости в юснатурализме; отражение идеалов, интересов и потребностей социума в общественном правосознании обуславливает возвышение принципа справедливости в социологической юриспруденции, а позиционирование результатов научных исследований в качестве неотъемлемой составляющей эффективной регламентации общественных отношений приводит к господству принципа законности в юридическом позитивизме. О преобладании одних принципов права над другими свидетельствует разница в степени их разработанности, частоте упоминания, а также избранная авторами последовательность изложения материала.

Наряду с источниками принципов права специфика типа правопонимания юристов отражается во взглядах на роль юридической науки в процессе их выявления и осмысления. Если с позиций естественно-правового и социологического подходов роль юриспруденции сводится к научной интерпретации уже существующих ценностей права (обусловленных рациональной природой человека или сформированных сознанием социума в результате ретроспективного анализа государственно-правовых процессов), то для сторонников юридического позитивизма принципы права являются исключительно продуктом профессиональной деятельности учёных-юристов.

В признаке прямого действия правоведы усматривают возможность предвосхищения так называемого «правового вакуума», однако обращение к принципам права сторонники естественно-правового и социологического походов (В. М. Гессен, П. И. Новгородцев, С. А. Муромцев) предлагают использовать как способ преодоления пробелов в законодательстве, а позитивисты (Н. К. Ренненкампф, Г. Ф. Шершеневич, М. Н. Капустин) – как пределы правоприменительного усмотрения в реализации дискреционных полномочий должностных лиц.

Выделение признака регулятивности и, как следствие, осмысление практической значимости принципов права обуславливают общую интенцию авторов к формальной определенности их содержания в нормах действующего законодательства. При этом если сторонники естественно-правового и социологического подходов постулируют регулятивное воздействие принципов права независимо от их закрепления в нормативных правовых актах, то приверженцами юридического позитивизма формальная определенность принципов права расценивается как обязательное условие их реализации в правовом регулировании. Примечательно, что Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов и Г. Ф. Шершеневич обращают внимание на тесную связь принципов права с нравственными нормами, полагая, что данный вид социальных регуляторов оказывает наиболее сильное воздействие на поведение человека.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВА: ВЗГЛЯДЫ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРАВОВЕДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

§ 1. Назначение и соотношение принципов права в трудах отечественных правоведов второй половины XIX – начала XX вв.

Так как осмысление принципов права имперскими правоведами второй половины XIX – начала XX вв. происходит в контексте поиска легитимных способов коррекции политико-правового режима России в направлении идеалов конституционализма, данная юридическая категория раскрывается ими преимущественно в динамике – через указание задач и прогнозирование последствий реализации принципов в правовом регулировании. Избранный авторами подход позволяет проследить не только взаимосвязь принципов права, но и различные варианты их соотношения. Изучение последних видится необходимым для понимания отдельных процессов в правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности, а также позволяет по-новому взглянуть на свойственное современной юриспруденции стремление к систематизации принципов права¹.

Преобладающим в трудах правоведов дореволюционной России является взгляд на принципы как на взаимодополняющие юридические конструкторы. Анализ категории «принцип права», представленный в первой главе диссертационного исследования, позволил в рамках каждого подхода к пониманию права выделить системообразующие императивы. Напомним: представители естественно-правового подхода склонны отталкиваться от содержания начал гуманизма и справедливости, сторонники социологической юриспруденции особое внимание акцентируют на идее социальной

¹ *Карташов В. Н.* Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 161; *Печенкина А. М.* Принципы права: понятие, правовая природа, система // Право и глобальный социум. 2018. № 1. С. 52-62; *Лавдаренко Л. И., Рудых С. Н.* Принципы права и их система // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 196-203 и др.

справедливости, а последователи юридического позитивизма (за исключением М. Н. Капустина) отдают предпочтение принципу законности. Использование того или иного принципа в роли «краеугольного камня» при определении ценностно-целевых ориентиров правового регулирования зависит от того, что авторы позиционируют в качестве основы их возникновения – идеи, правоотношения или нормы. На фундаменте основополагающих начал формируются остальные принципы, которые, однако, не рассматриваются в значении второстепенных – только при их совокупном действии мыслители видят переход к наиболее совершенному правопорядку и повышению эффективности права в целом.

Более того, зачастую юристы действие одного принципа ставят в зависимость от степени реализации другого, предлагая разные вариации сочетания императивов правового регулирования. Так, например, В. М. Гессен в контексте проблемы политической активности граждан демонстрирует взаимосвязь принципов законности, гуманизма и демократизма. «Законность, – пишет он, – именно потому необходима, что без неё нет и не может быть обеспеченности и неприкосновенности прав; между тем такая обеспеченность и неприкосновенность прав является необходимым условием общественной и личной самостоятельности»¹. Напротив, сосредоточенный на решении того же вопроса Ф. Ф. Кокошкин вовлечение общественного элемента в управление делами государства рассматривает как гарантию законности², а сам принцип демократизма связывает с утверждением принципа формального равенства. «Верхние и нижние слои населения, столь удаленные друг от друга в частной жизни, должны сойтись на поприще общей государственной работы на равных условиях и здесь научиться взаимному пониманию и взаимным уступкам. Особенно важно это в России, где существует высокое отчуждение между просвещенными слоями общества и народной массой. Для того, чтобы уничтожить это отчуждение, образованные классы должны завоевать доверие

¹ Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 52.

² Кокошкин Ф. Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906. С. 52.

на почве равноправности, а не отгораживаться от него привилегиями»¹, — заключает он. Изложенное свидетельствует о том, что дореволюционные правоведы представляли основополагающие начала права в качестве единой системы, где отсутствие одного из элементов могло воспрепятствовать достижению целей её функционирования.

Особый интерес представляет базируемая на идее о взаимодополняемости принципов концепция М. Н. Капустина, где вектором развития права как «высоконравственного явления жизни» является переход к правовому режиму, при котором каждому человеку гарантируется возможность беспрепятственной реализации свободы и самосовершенствования. Согласно автору, право, преодолевая три уровня — «естественный», «строгий (формальный)» и «справедливости»², постепенно наполняется новыми принципами создания и реализации юридических норм, приближая общество к совершенному правопорядку³.

Первый уровень — «естественный» — не содержит юридических принципов, так как правила поведения формируются в сознании отдельной личности под влиянием «идеи и чувства справедливости». На данном этапе справедливость отражает совокупность нравственных требований человека к окружающим и самому себе, которые приобретают значение права в силу эмоциональных переживаний по поводу соблюдения или нарушения границ личной свободы. Тем самым автор привносит психологический аспект в трактовку естественного права, связывая возникновение общеправовых начал с эмоционально-волевой стороной деятельности человека. «Только идея и

¹ *Кокошкин Ф. Ф.* Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906. С. 58.

² *Капустин М. Н.* Теория права: (Юрид. Догматика) / Соч. Михаила Капустина, проф. междунар. права в Моск. ун-те. Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 91.

³ *Никитчик А. А.* Принципы права в интерпретации М. Н. Капустина // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2023. № 2. С. 49.

чувство справедливости, – пишет он, – может примирить людей, упорядочить жизненную борьбу между ними и дать твердую основу внешнему порядку»¹.

Но при отсутствии позитивного права – нормативной основы «внешнего порядка» – воплощение идеи справедливости при реализации свободы в фактических формах социального взаимодействия представляется М. Н. Капустину невозможным. Сближение нравственного и фактического, по мнению автора, происходит на втором, «строгом» уровне, где справедливость признается государством в качестве юридического принципа, определяющего сущность и назначение позитивного права. Наряду с принципом справедливости, как уже было указано, неотъемлемой частью права является принцип формального равенства. И поскольку первое, с чем правовед связывает возможность воплощения справедливости в процессе социального взаимодействия, – это формальная определенность установившегося порядка, данный этап в развитии права М. Н. Капустин не мыслит без реализации принципа законности.

Стоит заметить, что на уровне «строгого (формального)» права законность как принцип, гарантирующий устойчивость существующего правопорядка, в интерпретации правоведа приобретает легистский характер. «Никто и ни по каким причинам не может уклониться от подчинения закону; ни индивидуальное убеждение о противоречии закона нравственным правилам, ни кажущаяся суровость закона, ни предполагаемая бесполезность его не должны служить оправданием неповиновения закону»², – пишет М. Н. Капустин. Однако данные требования, по мнению автора, оправданы постольку, поскольку принцип законности защищает личную свободу каждого человека в соответствии с принципами справедливости и формального равенства³.

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 34.

² Там же. С. 71.

³ Капустин М. Н. Теория права: (Юрид. Догматика) / Соч. Михаила Капустина, проф. междунар. права в Моск. ун-те. Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 95.

Таким образом, уровень «строгого (формального)» права, переход к которому, по мысли М. Н. Капустина, связан с возникновением законодательства, базируется на взаимодополняемости принципов справедливости, формального равенства и законности, где последний носит обеспечительных характер. «Обобщая блага, право охраняет их одинаково для всех: равенство есть необходимое условие права и отсутствие равенства служит синонимом неправа... Но сумма охраняемых благ зависит от энергии и производительности сил каждого лица или от его действительного участия в движении жизни, поэтому право должно основываться на соразмерности и справедливости»¹, – подытоживает он.

Отметим, что ретроспективный взгляд на предлагаемую М. Н. Капустиным теоретическую модель «строгого (формального) права» позволяет выявить точки соприкосновения с либертарно-юридической концепцией В. С. Нерсисянца. Аналогично дореволюционному мыслителю В. С. Нерсисянц обеспечение свободы связывает с наличием в государстве общих законов, единых принципов юридической деятельности, системы правосудия и правоохранительных органов. При этом право не мыслится им в отсутствие формального равенства, выступающего сущностным признаком, критерием и правовым принципом². Вместе с тем автор подчеркивает, что формальное равенство недостижимо без принципа справедливости – внутреннего свойства и качества права. «Только право и справедливо, – утверждает В.С. Нерсисянц. – Ведь справедливость потому собственно и справедлива, что воплощает собой и выражает общезначимую правильность, а это в своем рационализированном виде означает всеобщую правомерность, то есть существо и начало права, смысл правового принципа всеобщего равенства и свободы»³.

Как видим, логика рассуждений обоих авторов приводит к позиционированию принципов справедливости и формального равенства в

¹ Там же. С. 57-58.

² *Нерсисянц В. С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 1997. С. 27.

³ Там же. С. 28.

качестве взаимодополняющих сущностных начал права, обеспечивающих реализацию его главной цели – создания условий для свободы и развития человека¹. Выявленное сходство позволяет использовать выводы М. Н. Капустина в последующей разработке предложенной В. С. Нерсисянцем либертарной теории.

В данном контексте заслуживает внимания замечание С. И. Архипова о том, что В. С. Нерсисянц, во многом руководствуясь трудами Г. В. Ф. Гегеля при создании либертарно-юридической концепции, достаточно фрагментарно освещает идею о разумности в праве². Однако подчеркнем, что в трудах последователей В. С. Нерсисянца разумность выступает одной из центральных категорий и в том числе приобретает значение самостоятельного правового принципа, вытекающего из общего смысла либертарной теории³.

М. Н. Капустин вопрос о разумности поднимает при разработке правового идеала – уровня «справедливости», при котором право находит «полное соприкосновение» с общественным правосознанием, совестью и нравственными убеждениями людей. На этом этапе происходит осмысление новых принципов, направленных на оптимизацию процессов создания и реализации позитивного права. Относительно начал справедливости и формального равенства данные принципы являются факультативными: их отсутствие не исключает существования правопорядка, но отдаляет его от наиболее совершенной формы, где каждому человеку предоставлены полноценная юридическая защита, возможность беспрепятственного удовлетворения своих потребностей и свобода самореализации.

Формирование принципов позитивного права на этапе «справедливости», согласно М. Н. Капустину, происходит посредством критического мышления

¹ Капустин М. Н. Теория права: (Юрид. Догматика) / Соч. Михаила Капустина, проф. междунар. права в Моск. ун-те. Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 56.

² Архипов С. И. Либертарная теория права В. С. Нерсисянца: достоинства и недостатки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/libertarnaya-teoriya-prava-v-s-nersesyantsa-dostoinstva-i-nedostatki> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Милкин-Скопец М. А. Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

человека. Поиск императивов, необходимых для наиболее справедливого упорядочения общественных отношений, автор возлагает на юристов-теоретиков, которые, изучая юридические явления через призму реализации основополагающих начал права, «обобщают их и выводят те общие нормы, которые получают в них свое выражение»¹.

Неразрывно связанным с рациональной природой человека М. Н. Капустин считает «принцип человеколюбия», или гуманизма. Воздействуя на область законотворческой деятельности, принцип гуманизма расширяет содержание принципа законности императивом гарантированности прав и свобод личности, обеспечение которых заключается в их нормативном закреплении и юридической защите. Рассуждения М. Н. Капустина базируются на критике концепции прирожденных прав, поскольку, по мнению мыслителя, стать носителем прав возможно лишь при установлении обязанностей для других лиц. «Равным образом свобода и неприкосновенность лица, его достоинство и честь требуют юридического охранения от воздействия других лиц»², – объясняет автор, поскольку жизнь, физическое и духовное развитие человека обеспечиваются только тогда, когда они взяты под защиту закона.

Осмысление «принципа человеколюбия» расширяет содержание формального равенства требованием закрепления дополнительных социальных гарантий и исключения ряда обязанностей в отношении слабозащищенных категорий населения. По мысли М. Н. Капустина, «справедливость» – это завершающий уровень развития права, на котором наряду с «правдой» оно приобретает значение «милости»: «Вопрос о праве здесь получает особое значение по отношению к бессильным и слабым, для которых оно служит

¹ Капустин М. Н. Теория права: (Юрид. Догматика) / Соч. Михаила Капустина, проф. междунар. права в Моск. ун-те. Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 5.

² Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 153.

защитой; право сдерживает произвол сильных, устанавливая для всех одно мерило»¹.

На этапе правоприменительной деятельности совокупное действие принципов справедливости и гуманизма правовед связывает с индивидуализацией правового регулирования и возможностью проявления снисхождения к личности, совершившей правонарушение. Иными словами, справедливое разрешение юридической ситуации предполагает минимизацию негативных последствий для лица, что требует не только исследования фактических обстоятельств дела, но и учёта субъективных причин противоправного поведения.

Как видим, утверждение прогрессивного правопорядка М. Н. Капустин связывает с дополнением чисто юридических принципов общесоциальными императивами правового регулирования, которые ориентируют практикующих юристов на принятие решений, максимально благоприятствующих интересам личности. Очевидно, нормы законодательных актов с присущим им обобщенным содержанием не всегда предоставляют такую возможность. Законодатель в силу объективных причин не способен предусмотреть всех форм социального взаимодействия². Таким образом, М. Н. Капустин поднимает вопрос о соотношении общесоциальных и специально-юридических принципов права, подчёркивая конкуренцию законности и справедливости.

Безусловно, М. Н. Капустин не единственный, кто актуализирует данную проблему. О соотношении начал законности и справедливости рассуждали Платон, Аристотель, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, Ч. Беккариа, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель и многие другие³. Уникальность подхода М. Н. Капустина заключается в разработке механизма взаимодействия судебной и

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 26.

² Там же. С. 119.

³ Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 333-334; Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 356-357; Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999. С. 222, 226, 292, 297; Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2011. С. 75-78; Кант И. Спор факультетов // Соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 36, 41, 66-67; Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 251-252, 260, 446 и др.

законодательной власти, который минимизирует конкуренцию принципов законности и справедливости.

Автор считает возможным предоставить судьям право разрешать юридическую ситуацию на основании принципа справедливости, если применение действующей нормы влечет необоснованное ущемление прав одной из сторон. Аналогичным образом М. Н. Капустин предлагает действовать в случае выявления пробелов в законодательстве, что свидетельствует об осмыслении правовосполнительной функции принципов права. «Принцип человеколюбия оказывает постоянное влияние на юридические нормы и входит в них как составной элемент... Но на всех ступенях развития право всегда будет оставаться позади нравственности, так как порядок не осуществим без принуждения, и основать его на взаимной любви и самоотречении невозможно. Это ведет к необходимости отступать иногда от приложений закона и признавать рядом с положительным правом другие нормы, выражающие начала справедливости и соразмерности»¹, – пишет он. Воззрения М. Н. Капустина приобретают особую актуальность, поскольку вопрос о правовосполнительной функции принципов права в современной юриспруденции остается открытым.

Так, С. Ю. Лаврусь, напрямую не называя преодоление пробелов в законодательстве самостоятельной функцией принципов права, рассуждает о значимости базовой юридической категории в ситуации «молчания права», когда правовое регулирование общественных отношений затрудняется в силу отсутствия необходимой юридической нормы либо при объективном устаревании последней². В интерпретации В. Н. Карташова правовосполнение представляет собой отдельный аспект в реализации регулятивной функции принципов права (подфункции) – обособленного направления действия, связанного не только с преодолением пробелов в законодательстве, но и с восстановлением прав и свобод граждан, нарушенных правоотношений,

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 117.

² Лаврусь С. Ю. Реализация принципов права в юридической практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 9.

законности и правопорядка¹. Вместе с тем правовосполнительная функция принципов права достаточно отчетливо демонстрируется в институте аналогии права, однако однозначной позиции относительно того, что составляет её основу (дух, смысл, требования законодательства или принципы права), по-прежнему не сформировалось². Ещё большую неопределенность мы видим в действующем законодательстве: возможность разрешения юридической ситуации посредством применения принципов права (причем заведомо определенных законодателем) закрепляется в статье 5 Семейного кодекса Российской Федерации; в посвященных аналогии права статьях 6 Гражданского кодекса Российской Федерации и 7 Жилищного кодекса Российской Федерации категория «принцип» заменяется категорией «требование»; вовсе лишенным какого-либо разъяснения оказывается институт аналогии в административно-процессуальном законодательстве, которому посвящена статья 13 Административно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Неоднозначность в позициях учёных-юристов относительно правовосполнительной функции принципов права наряду с противоречивостью посвященных аналогии права законодательных конструкций препятствует развитию правоприменительной практики в части преодоления пробельности законодательного материала³. Ситуация усугубляется тем, что разрешение судом юридического дела на основании принципов права ошибочно отождествляют с судебным правотворчеством, возможность которого в российской правовой системе исключена⁴.

Возвращаясь к рассуждениям М. Н. Капустина, заметим, что правовед не приемлет судебное правотворчество и рассматривает подобное отклонение от

¹ *Карташов В. Н.* Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 165.

² *Пиголкин А. С.* Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 67; *Комиссарова Е. Г., Комиссаров И. М.* Смысл законодательства как научная и нормативная категория // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 12. С. 109-114.

³ *Микрюков В. А.* О состоянии научных исследований по проблемам института аналогии в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 64.

⁴ *Межеккеей А. В.* Судебное правотворчество, реализуемое посредством применения аналогии закона и аналогии права // Образование и право. 2022. № 10. С. 228.

законности в пользу справедливости как вынужденную меру. Деятельность суда по установлению особого юридического факта и предложению наиболее оптимальных вариантов для его разрешения правовед называет понятием «*aequitas*», что означает установление справедливости как разумного состояния вещей, которое впоследствии должно найти отражение в праве. «Во всяком случае, она выступает в тех случаях, когда оказывается необходимым отклониться от приложений закона и когда следующей должна выступить деятельность законодателя, так как вопрос выходит за пределы приложения существующей нормы и стоит надобность в создании новой»¹, – подчёркивает он.

Рассуждая о возможности выхода за рамки законодательных конструкций, М. Н. Капустин апеллирует к разумности, предусматривающей постоянную оценку сложившейся ситуации, принимаемых решений и их последствий с точки зрения здравого смысла. «Кроме формулированных положений права, – пишет он, – существует сознание и убеждение о справедливости, как разум фактических и нравственных требований. Существуют бесспорно общие юридические истины, хотя не обличенные в форму строгого права, но служащие для него источником и дополняющие его... Такое рациональное право получает разнообразное приложение в жизни»². По мысли правоведа, «общие юридические истины» обладают всеобщим характером и «примирают» абстрактные нормы позитивного права с взглядами на окружающую действительность, выработанными и используемыми в обществе в повседневной практической деятельности. В этом смысле разумность в интерпретации М. Н. Капустина приобретает значение юридического принципа.

Именно осмысление принципа разумности объясняет убежденность автора в отсутствии угрозы законности при реализации органами правосудия дискреционных полномочий: данный принцип оказывает равное воздействие на

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 120.

² Капустин М. Н. Теория права: (Юрид. Догматика) / Соч. Михаила Капустина, проф. междунар. права в Моск. ун-те. Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 99.

субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности, а значит, вероятность коллизии в интерпретации юридических ситуаций и, соответственно, в принимаемых решениях является достаточно низкой. «Так, например, закон устанавливает наказание за воровство; но если кто-нибудь украдет хлеб для спасения своей семьи от голода, то было бы несправедливо карать нарушителя закона за подобное действие; точно также чистосердечное раскаяние, честное признание ошибки, невозможность противостоять чужому влиянию в данном случае... – все подобные обстоятельства вызывают сомнения в том, что законодатель мог иметь в виду представившийся на практике исключительный факт, и напротив, дают повод думать, что он дал бы другое определение данного факта»¹, – заключает М. Н. Капустин.

Наиболее эффективную реализацию принципа разумности правовед связывает с функционированием институтов присяжных заседателей и третейских судов как «органов общественной совести и юридического убеждения», осуществляющих свою деятельность наряду с органами правосудия². Связано это с тем, что, принимая решения, названные участники правоотношений руководствуются не столько положениями законодательных актов, сколько представлениями о добросовестности, соразмерности и целесообразности.

Выводы М. Н. Капустина существенно отличаются от логики рассуждений других сторонников юридического позитивизма. При этом стоит иметь в виду, что об использовании социально ориентированных юридических принципов в качестве способа преодоления пробелов и иных несовершенств в законодательстве правовед рассуждает в контексте решения проблемы стабилизации правовой системы Российской империи. Более взвешенным в данном случае представляется взгляд Г. Ф. Шершеневича, который в идее

¹ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 119.

² Капустин М. Н. Теория права: (Юрид. Догматика) / Соч. Михаила Капустина, проф. междунар. права в Моск. ун-те. Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 100.

свободного судейского усмотрения видит угрозу для и без того неустойчивого правопорядка в государстве рубежа XIX–XX вв.

По убеждению Г. Ф. Шершеневича, вектором имперской правовой политики должно стать ограничение произвола властвующих субъектов и возвышение благосостояния российских подданных. Обеспечить указанное, согласно автору, возможно лишь при условии беспрекословного соблюдения принципа законности. «Государство, – пишет он, – выступает не только как общественная организация, стоящая над гражданами и властвующая над ними, но и как субъект прав и обязанностей, наравне со всеми гражданами, относясь к ним как равный к равным»¹. Если представители судебной власти будут уполномочены принимать решения на основании внутреннего убеждения, обусловленного субъективной интерпретацией принципа справедливости, данная практика вскоре распространится на область административной деятельности, обесценивая закон в сознании общества. «Таков неизбежный логический вывод из возражений против принципа законности, но его не решаются делать защитники принципа справедливости, потому что осознают, что такой вывод стоит в самом резком противоречии с историческими тенденциями заменить усмотрение суда и администрации твердыми, неизменными правилами»², – заключает Г. Ф. Шершеневич.

Аналогичных взглядов придерживается И. А. Покровский, актуализирующий проблему конкуренции принципов законности и справедливости в контексте преодоления пробелов в гражданском законодательстве. Правовед признает, что деятельность законодателя даже в самом развитом обществе сопровождается законотворческими ошибками. «Всякое законодательство, даже самая пространная кодификация, нередко обнаруживает пробелы, – пишет И. А. Покровский, – часто просто потому, что в момент своего издания закон ещё не имел перед собой тех жизненных

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 540.

² Там же. С. 713.

явлений, которые развернулись в последствии. Как быть во всех случаях этого рода?»¹.

Отвечая на поставленный вопрос, автор решительно против вольной интерпретации юридических норм и тем более против судебного правотворчества, основанного на принципе справедливости. Аргументация И. А. Покровского базируется не только на возникающем риске злоупотребления и произвола со стороны органов правосудия. Мыслитель проводит всесторонний анализ доводов, приводимых сторонниками естественно-правового и социологического подходов, указывая, что в первом случае законодательство и суд потеряют авторитет из-за неизбежного несоответствия идеалам, с другой – лишатся легитимности в силу социально-политических конфликтов, спровоцированных ориентацией властных и управленческих структур на правосознание противоборствующих классов. «Если теория свободного судейского правотворения заключает в себе органическую и неустранимую опасность судебного произвола, если она самую неопределенность и неясность права возводит в принцип, она, очевидно, идёт вразрез с интересами развивающейся человеческой личности, – заключает И. А. Покровский, не упуская из виду и психологический аспект, – эта последняя может мириться со многими ограничениями своей свободы, если они установлены законом и если они ясны, но она не может мириться с зависимостью от чьего-либо произвола, хотя бы и самого доброжелательного»².

Как видно, Г. Ф. Шершеневич и И. А. Покровский в вопросе о соотношении законности и справедливости принимают сторону неукоснительного соблюдения юридических норм. Такой подход исключает для правоприменителей возможность преодолевать пробелы законодательства, основываясь на общесоциальных началах права. Законность и справедливость рассматриваются авторами как коллизионные, а не конкурирующие принципы права.

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1917. С. 90.

² Там же. С. 105.

Менее категоричен в этом вопросе Н. К. Ренненкампф. Автор подчеркивает, «что на основании справедливости судья не может ни пополнять пропуски закона, ни исключать приложение известного закона к известному случаю»¹, поэтому справедливый законодательный акт, помимо обобщающих норм, должен содержать положения, детализирующие их применение в особых ситуациях. Однако «законодательные нормы, устанавливаемые на основании справедливости, хотя бы и заключали в себе какие-либо исключения из общего правила, очевидно, имеют такой же общий характер, как и всякие определения законодательства»², – отмечает он. Подчеркивая сложность и многообразие общественных отношений, справедливое разрешение возможных противоречий мыслитель усматривает в создании специальной юридической конструкции, позволяющей законодателю делегировать конкретизацию правового регулирования правоприменителям. «Только тогда, когда сам закон уполномочивает судью решать известные дела по справедливости, он может действовать более самостоятельно; это бывает в отношениях, отличающихся особенной тонкостью и деликатностью, например, в некоторых отношениях родителей к детям, дарителей к получившим дар, в некоторых вопросах о вознаграждениях и т.п.»³, – пишет он. Подробных разъяснений по этому поводу Н. К. Ренненкампф не дает, ограничиваясь лишь ремаркой об осмысленном воздержании субъекта правотворчества от установления порядка реализации юридической нормы, последующее применение которой будет зависеть от особенностей складывающейся ситуации. Можно предположить, что таким образом мыслитель проводит идею о «квалифицированном молчании»

¹ Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд. Киев, 1880. С. 119.

² Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1913. С. 27.

³ Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд. Киев, 1880. С. 119-120.

законодателя, понятие и сущность которого является предметом дискуссий в современной юридической науке¹.

В противоположном ключе рассуждают представители естественно-правового и социологического подходов, в учениях которых правовосполнительная функция принципов права нередко является закономерным следствием их прямого действия. Убежденность авторов в приоритете общеправовых принципов над нормами определяет идея о противопоставлении позитивного права естественно-правовым идеалам или ценностям, сформированным в общественном правосознании. Говоря о свойственном сторонникам вышеназванных подходов общем взгляде на конкуренцию законности и справедливости, напомним, что последняя наделяется представителями данных теорий основообразующей ролью в системе принципов права; это объясняет доминирующее положение принципа справедливости в правовом регулировании, особенно – при выявлении несовершенств в специально-юридическом инструментарии.

Интересны в контексте рассматриваемой проблемы воззрения П. И. Новгородцева, который в абсолютизации законности видит угрозу её содержательного искажения. Контраргументы к безальтернативному следованию нормативным предписаниям правоведа базирует на концепции немецкого нормативиста Г. Еллинека, отстаивающего идею о законченности и самовосполняемости позитивного права.

По мысли Г. Еллинека, пробел в законодательстве существует до того момента, пока к сложившейся ситуации не будет привлечено государство, которое, как исключительный источник и творец права, каждое властное решение наделяет значением юридической нормы, облакая тем самым

¹ Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75-78; Васильев Ю. И. Квалифицированное молчание законодателя как общеправовой феномен (постановка проблемы) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1. С. 227-230; Лугинец Э. Ф. «Квалифицированное молчание законодателя» как одна из культурных предпосылок эффективности правоприменения в процессе судопроизводства // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 705-709 и др.

фактическое столкновение интересов в форму правоотношений. Согласно П. И. Новгородцеву, подобное стремление к законности посредством механического создания недостающих нормативных предписаний превращает право в примитивный набор правил общежития, лишенный нравственных ориентиров и преобразовательного потенциала. «Если мы не хотим в данном случае остаться на почве фактических отношений и, следовательно, совершенно произвольных определений силы, мы должны установить общие принципы, которые не только фактически, но и нравственно освещают перерывы в действии положительного права»¹, – заключает автор.

Продолжая полемику с Г. Еллинеком, П. И. Новгородцев предлагает использовать «общие принципы» не только как способ преодоления пробелов в законодательстве, но и как критерий оценки результатов последующего правотворческого процесса, направленного на их устранение. Иными словами, мыслитель не отрицает предложенный немецким нормативистом механизм обращения фактических отношений в защищенную государством юридическую конструкцию, но требует избирательности и опоры на справедливость. «Факты бывают разные, и, если некоторые из них действительно имеют тенденцию превратиться в норму, это значит только, что с самого начала они носят в себе известное соответствие той нормы, под санкцию которой они становятся. Но если факты, прерывающие правовой порядок, представляют собой не одно отрицание старых положений, а коренное извращение всех нравственных начал, они никогда не могут утвердиться в жизни»², – подчеркивает П. И. Новгородцев.

О ситуациях, в которых принцип справедливости может превалировать над принципом законности, рассуждает и Б. Н. Чичерин. Правовед, уделяя значительное внимание свободе личности, констатирует, что законодатель не способен в полной мере предусмотреть все правовые формы её реализации. Для того, чтобы применение абстрактной нормы к конкретным общественным

¹ Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74 (IV). С. 447.

² Там же. С. 448.

отношениям не повлекло ущемление интересов сторон, Б. Н. Чичерин допускает отступление от законодательства. «Если к разнообразию жизненных явлений прилагать одну строгую марку положительного права, то придется иногда отнять у человека то, что принадлежит ему по существу дела, хотя и не по букве закона... Тут на помощь приходит естественная справедливость, в отличие от строгого права. Она состоит в примирении противоборствующих притязаний и в стремлении оказать уважение обоим волям, добросовестно проявляющим свою деятельность во внешнем мире»¹, – пишет он.

Относительно пробелов в законодательстве Б. Н. Чичерин встает на сторону самостоятельности органов правосудия: «Судья восполняет закон в случае пробела... Восполнять закон он может или придерживаясь общего духа законодательства, или прибегая к началам естественной справедливости»². Под «началами естественной справедливости» мыслитель понимает основополагающие начала естественного права, позиционируемые им в качестве нравственных императивов правового регулирования – принципов права. Трактовку «общего духа законодательства» Б. Н. Чичерин не предлагает, но, что очевидно, и не отождествляет его с общеправовыми принципами.

Развернутое определение «духа закона» формулирует С. А. Муромцев. «Дух закона, – объясняет автор, – есть его историческое отношение к интересам прошедшего, настоящего и будущего; понимать закон – значит, понимать его как момент исторического развития; применять его – значит знать историческое соотношение принципов, преобразующих его содержание, и содействовать реализации прогрессивных начал, удерживая излишнее проявление начал отживающих»³.

Вопрос о соотношении законности и справедливости пронизывает политико-правовое учение С. А. Муромцева, в котором данные принципы конкурируют не только в правоприменительной, но и в правотворческой сфере. Уже сам процесс регламентации общественных отношений правовед называет

¹ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 101.

² Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. I. Кн. I. С. 340.

³ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. М., 1877. Т. 1. С. 197-198.

«борьбой противоположностей», в ходе которой право в форме законодательных установлений и судебных решений противопоставляется требованиям справедливости: «Право остается в согласии с основными требованиями данного государства и общественного строя – справедливость внимает человеческим слабостям и судит по-человечески; право подчас охраняет требования эгоистичные – справедливость проникнута тенденцией альтруизма...»¹. Соотнесение в общественном сознании существующего и желаемого права, по мнению С. А. Муромцева, подобно конкуренции законности и справедливости, в которой возобладание принципа справедливости прокладывает «в область законодательства и правосудия путь тем новым началам жизни, которые намечаются им как основы будущего...»².

Похожую мысль высказывает Б. А. Кистяковский, отмечая, что «после признания необходимости какой-нибудь нормы возникает вопрос о наиболее справедливой формулировке её»³. Иными словами, уже на стадии правообразования при решении вопроса о целесообразности будущего закона требуется соотнесение его положений с основами правового порядка, который, по мнению граждан, является справедливым. В противном случае нормы права могут быть лишены общественного признания, поскольку «для всякого нормального человека существует известное принуждение не только судить о справедливости и несправедливости того или другого социального явления, но и признавать, что идея справедливости осуществляется и должна осуществляться в социальном мире»⁴.

Можно заметить, что конкуренция принципов законности и справедливости в трудах представителей естественно-правового и социологического подходов не переходит во взаимоисключающее

¹ Муромцев С. А. Право и справедливость (Отрывок из публичной лекции) // Сборник правоведения и общественных знаний: труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. СПб., 1893. Т. 2. С. 9.

² Там же.

³ Кистяковский Б. А. Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений // Жизнь. 1900. Т. VI. С. 147.

⁴ Там же. С. 142.

противостояние, как это прослеживается в рассуждениях сторонников юридического позитивизма. Они находятся в постоянном взаимодействии, причем возвышение одного из принципов чревато препятствиями для эффективной реализации другого. «Мы не проповедуем сознательного уклонения судьи от почвы закона, – подчеркивает С. А. Муромцев, – напротив, по мере сил он должен держаться почвы, подготовленной законодательством, поскольку, разумеется, эта почва подготовлена»¹. Однако в случае пробела в законодательстве или в ситуации, когда применение нормы идёт вразрез с ключевым императивом законности – обеспечением и защитой прав человека, в действие вступает принцип справедливости, гарантирующий охрану законных интересов личности безотносительно к состоянию нормативно-правовой базы.

Таким образом, в трудах дореволюционных юристов прослеживается взгляд на принципы права как на систему взаимосвязанных основополагающих начал, совокупное действие которых обеспечивает максимальный регулятивный эффект в процессе упорядочения общественных отношений. Взаимосвязь принципов авторы выражают как в форме взаимодействия, когда результативность одного или нескольких императивов права сопряжена со степенью реализации другого, так и в форме конкуренции, при которой возникает необходимость выбора принципа, наиболее соответствующего целям правового регулирования.

Постановка проблемы конкуренции принципов права в трудах имперских правоведов происходит в рамках поиска легитимных способов преодоления пробелов в действующем законодательстве, что объясняет их сосредоточенность на соотношении принципов законности и справедливости. Об осмыслении правозоуполнительной функции принципов права свидетельствуют рассуждения сторонников естественно-правового и социологического подходов – Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, С. А. Муромцева и Б. А. Кистяковского: настаивая на превалировании

¹ Муромцев С. А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. Т. 1, № 9. С. 117.

принципа справедливости, авторы допускают возможность разрешения сложившейся юридической ситуации посредством применительного усмотрения, законность которого обеспечивается регулятивным воздействием иных принципов права. Позитивисты Г. Ф. Шершеневич и И. А. Покровский, напротив, рассматривают законность и справедливость как коллизионные принципы и выступают против подобного способа индивидуализации правового регулирования, настаивая на применении действующих юридических норм в том варианте, в котором предложено законодателем. Особую практическую значимость и прогрессивность несут рассуждения М. Н. Капустина, который допускает разрешение юридических дел по усмотрению правоприменительных органов с тем условием, что содержание судебного акта впоследствии будет обязательно обличено в форму юридической нормы, а также Н. К. Реннекампа, актуализирующего проблему «квалифицированного молчания» законодателя, до сих пор не решенную современными исследователями.

Взгляды отечественных правоведов второй половины XIX – начала XX вв. представляют особый интерес в свете нарастающей сегодня дискуссии относительно соотношения принципов права. Стоит согласиться с тезисом современного исследователя А.В. Демина о том, что «юридическая сила правовых принципов является релятивной: она может быть больше или меньше в зависимости от конкретных обстоятельств правоприменения, что не умаляет исходной легитимности этих принципов»¹. Проблема соотношения принципов законности и справедливости является наиболее яркой иллюстрацией того, что отдельные общеправовые принципы способны конкурировать между собой. Однако подобные столкновения не должны разрешаться бинарно – посредством определения «правильного» или обладающего большей юридической силой императива. Напротив, стоит сосредоточить внимание на предлагаемых дореволюционными мыслителями вариантах взаимодействия принципов права

¹ Демин А. В. Бинарный подход против относительной нормативности: к дискуссии о «мягком праве» // Закон. 2014. № 6. С. 98.

и основанных на их сочетаемости путей преодоления возникающего «правового вакуума» в юридической деятельности.

§ 2. Принципы права как основа развития системы права: интерпретация отечественных юристов конца XIX – начала XX вв.

Преобразовательный потенциал принципов права лежит в основе устремлений юристов – Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, В. М. Гессена, И. А. Покровского, С. А. Муромцева, С. В. Пахмана и Н. М. Коркунова – к качественным изменениям отечественной системы права. Благоприятные условия для научного поиска в данном направлении были созданы в результате учреждения Университетских уставов 1863 и 1884 гг., в которых закреплённый перечень кафедр юридического факультета («энциклопедия права и история философии права», «государственное право», «гражданское право», «уголовное право», «полицейское право», «финансовое право» и т.д.) свидетельствовал о понимании научной юриспруденции как совокупности знаний о праве, постигаемых как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровнях. Как подчеркивает В. А. Томсинов, не останавливаясь на одном лишь изучении действующих законов, юридическая наука конца XIX – начала XX вв. стремилась к изучению «закономерностей функционирования правопорядка как такового, сущности правовых институтов, юридической природы тех или иных общественных отношений»¹.

Отметим, что именно поиск теоретической основы обновлений и структурных изменений в отечественной системе права стал одной из причин актуализации вопроса о принципах права в минувшем столетии: советскими учёными Л. С. Явичем, С. С. Алексеевым, Б. В. Шейндлиным и Л. И. Дембо, С. Н. Братусем подготовлены работы, касающиеся определения общих начал права, под воздействием которых объединяются и развиваются отдельные

¹ Томсинов В. А. Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 2. С. 24.

группы общественных отношений¹. Однако основным предназначением принципов права оставалось отражение сущностных черт социалистической идеологии в обновлённом законодательстве, поэтому работы правоведов дореволюционного периода остались вне поля зрения советских юристов².

Сегодня востребованность интеллектуального наследия дореволюционной юридической науки продиктована интенцией научного сообщества к изучению направлений реализации принципов права. Признавая их многофункциональность, часть правоведов идёт по пути детализации учредительной и регулятивной составляющих содержания базовой юридической категории. Например, согласно Ж.-Л. Бержелю, принципы права в правовом регулировании выполняют лишь фундаментальную («соприкасаются с самим фундаментом юридической системы, имеют очень долгий срок жизни», «выступают фактором стабильности правовой системы») и техническую («направляющую или корректирующую») функции³. Перечень функций, предложенный В. В. Лазаревым, связывает принципы с выявлением закономерностей правовой регуляции, стабилизацией общественной жизни, воспрепятствованием чрезмерным импровизациям в правовом регулировании и прогнозированием поведения субъектов права⁴. Очевидно, что перечисленные направления воздействия принципов права раскрывают исследуемую юридическую категорию исключительно как социальный регулятор

¹ Явич Л. С. Система советского права и систематизация законодательства (тезисы сообщения) // Научная сессия, посвященная теоретическим вопросам систематизации советского законодательства: тезисы докладов и сообщений. М., 1961. С. 26-29; Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 21; Шейндлин Б. В. Развитие основных принципов советского права // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: тезисы докладов. Л., 1957. С. 10-13; Дембо Л. И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 89; Братусь С. Н. Предмет и система гражданского права. М., 1963. С. 120.

² Александров Н. Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 17; Шебанов А. Ф. Советское социалистическое общенародное право. М., 1963. С. 50-53; Шейндлин Б. В. Сущность советского права // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: тезисы докладов. Л., 1959. С. 67.

³ Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 178-186.

⁴ Лазарев В. В. Функциональная характеристика принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 207.

общественных отношений. К аналогичному выводу приходит и сам правовед: «Одни и те же принципы могут быть использованы разными субъектами в разных функциональных целях... Но главное – служить регулятором»¹, – заключает он.

Однако если учредительная и регулятивная функции принципов права в настоящий момент осмыслены и восприняты юридической наукой и практикой, то вопрос об их преобразовательном воздействии, особенно – в части формирования и трансформации отраслей права и законодательства, остается открытым.

Важное значение для исследования преобразовательной функции принципов права имеет работа Е. В. Уфимцевой, которая включает указанную юридическую категорию в число критериев отраслеобразования в отечественном праве². Автор убеждена, что принципы права способствуют и разграничению смежных отраслей, поскольку «являются надежным показателем качественного своеобразия конкретного нормативного образования в системе права, которое может свидетельствовать о специфичности предмета и метода правового регулирования определенных структурных подразделений системы права»³. Аналогичной позиции придерживается В. Н. Карташов, относящий созидующее воздействие принципов права к их интегративной функции, которая проявляется в том, что на их основе (совместно с предметом, методом, целями и т.п. правового регулирования) формируются те или иные институты, отрасли и другие компоненты системы права⁴. Не менее значимы рассуждения А. С. Сидоркина относительно трансформации общеправовых принципов в принципы

¹ Лазарев В. В. Функциональная характеристика принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 212.

² Уфимцева Е. В. Различные аспекты понимания категории «принцип права» в отечественной юриспруденции и роль принципов права как субсидиарного критерия разграничения отраслей в системе права // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 529-551.

³ Уфимцева Е. В. Отраслеобразование в современном российском праве (доктринальные основы и критерии): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 15.

⁴ Карташов В. Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 166.

межотраслевые, отраслевые и институциональные¹. Исследователь небезосновательно наделяет принципы преобразовательной функцией, способствующей не только структуризации всего нормативного материала, но и совершенствованию руководящих начал в рамках отдельных элементов системы права. Несмотря на проявленный интерес к функциональному назначению принципов права, взгляды правоведов конца XIX – начала XX вв. в работах названных авторов либо не упоминаются, либо представлены достаточно фрагментарно, в контексте истории вопроса о структуризации правового материала. Однако в работах либеральных юристов мы встречаем суждения, свидетельствующие о глубоком погружении авторов в интересующую нас проблематику.

Важнейшим результатом научного творчества российских правоведов рубежа XIX–XX вв. является классификация прав человека, в числе которых (помимо гражданских и политических) права социально-экономические: право на труд, отдых, социальное обеспечение в связи с неспособностью к труду по старости и болезни, право на определенный уровень жизни, здоровье, образование, участие в материальных и духовных благах². Динамика развития российского общества высвечивала новые грани социальных процессов, внутри которых положение преимущественной части населения по-прежнему оставалось уязвимым. Рассматривая социальную дифференциацию российского общества через призму принципа гуманизма, юристы активно настаивают на разработке специальных юридических норм, регламентирующих поддержку граждан, нуждающихся в государственной защите.

О том, что социально-экономическое благосостояние населения должно стать предметом правового регулирования, неоднократно высказывается П. И. Новгородцев. Значительным шагом к утверждению прав и свобод

¹ Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 8.

² Лапаева А. В. Идея социальных прав человека в трактовке представителей школы возрожденного естественного права России конца XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 425.

человека в качестве высшей ценности будет признание «принципа охраны личности» руководящим началом правотворческой и правоприменительной деятельности – указывает автор. В содержании «принципа охраны личности», который, в сущности, является прототипом принципа гуманизма, правовед включает требование о дополнении перечня личных прав правом на достойное человеческое существование, которому коррелирует обязанность государства по созданию социально-экономических условий для комфортной жизни каждого члена общества. Однако, по справедливому замечанию П. И. Новгородцева, «одного провозглашения общего принципа, конечно, недостаточно... необходимо, чтобы из него вытекали конкретные юридические следствия»¹, каковыми он считает дополнение трудового законодательства.

Отметим, что в Российской империи уже действовал ряд законодательных актов, регламентирующих отдельные аспекты трудовой деятельности рабочих². Однако правовед убежден, что государству надлежит взять под охрану те общественные отношения, которые связаны с положением нетрудоспособных или трудоспособных лиц, пострадавших в ходе профессиональной деятельности³.

Ещё одним «следствием», вытекающим из принципа гуманизма, является законодательное закрепление мер позитивной дискриминации, под которой П. И. Новгородцев понимает «обязательное общественное и государственное призрение лиц беспомощных и неспособных к труду»⁴. Очевидно, что мыслитель настаивает на провозглашении России социальным государством, возлагающим на себя обязательства по обеспечению достойного существования всех граждан. «Поскольку забота о бедных из добровольной

¹ *Новгородцев П. И. О праве на существование: Социально-филос. этюды* П. И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И. А. Покровского, проф. С.-Петерб. ун-та. СПб.; М., 1911. С. 6.

² В их числе: Законы 1882 и 1885 гг. (в основном касающиеся вопросов женского и детского труда), Закон 1886 г. (Правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих), Закон 1897 г. (об ограничении рабочего времени).

³ *Новгородцев П. И. О праве на существование: Социально-филос. этюды* П. И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И. А. Покровского, проф. С.-Петерб. ун-та. СПб.; М., 1911. С. 9.

⁴ Там же. С. 9.

благотворительности превращается в законную обязанность, она приобретает юридический характер и становится под санкцию права»¹, – подчеркивает мыслитель.

Обозначаемая П. И. Новгородцевым проблема социальной функции государства ранее поднималась Б. Н. Чичериным, обеспокоенным правовым положением личности в условиях фактического неравенства граждан². Однако, в отличие от Б. Н. Чичерина, рассматривающего государственную поддержку второстепенной (по отношению к частной благотворительности) мерой, П. И. Новгородцев представляет социальную помощь в качестве одного из главных направлений деятельности государства, значимость которого вытекает из провозглашенного в праве приоритета интересов личности. Рассматривая социальную функцию государства в контексте принципа гуманизма, П. И. Новгородцев уже в начале XX века закладывает основу для формирования отрасли права социального обеспечения, самостоятельность которой в российской системе права была признана лишь в советский период.

Разделяя гуманистические воззрения П. И. Новгородцева, И. А. Покровский вносит важные коррективы в предмет правового регулирования зарождающейся отрасли права. Правовед предлагает разграничивать трудовое право и право социального обеспечения, утверждая, что «область общественного призрения представляет собой, с юридической точки зрения, совершенно особенную юридическую фигуру»³.

Аналогичной позиции придерживается В. М. Гессен, сосредоточенный на идее о переходе России к модели социального государства или, согласно терминологии автора, к «государству социальных реформ»⁴. С позиции мыслителя, главная задача такого государства заключается «в примирении социальной розни», а её достижение требует включения вопросов, касающихся

¹ Там же.

² Чичерин Б. Н. Собственность и государство. 1882. Ч. I. С. 267; Курс государственной науки. 1894. Ч. I. Кн. I. С. 52.

³ Покровский И. А. Право на существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П. И. Новгородцева, И. А. Покровского. СПб.; М., 1911. С. 25.

⁴ Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 уч. г. в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902. С. 294.

социально-экономической поддержки граждан, в самостоятельный предмет правового регулирования.

Наряду с этим в рассуждениях В. М. Гессена четко прослеживается разграничение принципов на общеправовые, которые должны лежать в основе качественных изменений системы права (в данном случае – образование новой отрасли), и отраслевые, выступающие императивами правотворческой и правоприменительной деятельности в рамках регулирования конкретной группы общественных отношений. Так, развивая идею о регламентации социальной деятельности государства в поддержку уязвимых категорий населения, мыслитель останавливается на характеристике специальных принципов – «основных начал организации государственного призрения», в числе которых «индивидуализация помощи, децентрализация управления, непосредственность отношения между оказывающим помощь и получающим её»¹.

Начало «индивидуализации помощи», предлагаемое В. М. Гессеном, согласуется с принципом дифференциации условий, определяющих право на социальное обеспечение, который выделяется современными исследователями при характеристике данной отрасли права². Раскрывая указанный принцип, автор отражает сложность и многообразие системы общественных отношений, которые предстоит урегулировать с помощью специально разработанных юридических норм. «Изучение индивидуального факта – необходимое условие успешности призрения... Причины нужды бесконечно разнообразны: индивидуальный порок, внешние обстоятельства, болезнь, возраст и т.д. В зависимости от причины индивидуализируется помощь»³, – пишет он.

¹ Там же. С. 327.

² Истомина Е. А. К вопросу о реализации принципов права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3. С. 98; Филиппова Э. М. О принципах в праве социального обеспечения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 13, № 2. С. 69; Евстигнеева Л. А. Принципы права социального обеспечения: в преддверии кодификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2. С. 139 и др.

³ Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 уч. г. в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902. С. 342.

Коррелирующих с принципом «непосредственности помощи» идей в современной юриспруденции не встречается, однако В. М. Гессен рассматривает его как императив эффективности социальной поддержки, вытекающий из нравственной природы человека. Правовед считает важным отказ от обезличенности созидательной деятельности, независимо от того, кто выступает её адресантом – государственный служащий, член общественного объединения или гражданин, поскольку «при таких условиях помощь не будет иметь формального и безучастного характера, *ex officio*¹, административного акта»². «В деле призрения внесено будет сочувствие, вызываемое только непосредственным знакомством с нуждой; при таком знакомстве невозможна шаблонность призрения, являющаяся чаще всего причиной безрезультативности его»³, – заключает В. М. Гессен. Стоит предположить, что взывание автора к моральным качествам личности обусловлено поиском средств для привлечения к ответственности за ненадлежащее оказание мер социальной поддержки, поскольку данная деятельность в начале XX века признавалась преимущественно добровольной.

На сегодняшний день в числе базовых принципов отрасли права социального обеспечения отсутствуют положения о разграничении или перераспределении функций по реализации мер социальной поддержки между центральной властью и органами местного самоуправления. В. М. Гессен же считал данный аспект принципиально важным, подчеркивая: «Основной принцип организации призрения – доведенная до возможных пределов децентрализация его. Поэтому роль центральных органов в деле государственного призрения сводится, главным образом, к контролю над деятельностью органов местного самоуправления и к общему руководству этой

¹ «Осуществляющееся по должности, в силу обязанности» (лат.).

² Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 уч. г. в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902. С. 342.

³ Там же.

деятельности»¹. Наряду с этим мыслитель конкретизирует требование о согласованности работы внутри местных органов, уполномоченных на выполнение отдельных задач социальной политики. «Систематическое и действительное призрение требует единства осуществляющей его организации. При его отсутствии неизбежны противоречия и пробелы»², – объясняет он.

Таким образом, позиционируя гуманизм как принцип, заложенный в основу системы отечественного права, либеральные юристы видят в нём глубокий преобразовательный потенциал. Проецируя данный принцип на решение социально-экономических противоречий, сотрясающих российское общество в начале XX вв., правоведы считают необходимым расширить предмет правового регулирования за счет решения социально значимых проблем. В свете сегодняшней дискуссионности вопроса относительно кодификации социального права³ концепции П. И. Новгородцева, И. А. Покровского и В. М. Гессена справедливо расценивать не только как достижение дореволюционной юриспруденции, но и как ценный источник актуальной теоретической информации, способной повлиять на принятие окончательного решения.

Более того, принцип гуманизма воспринимается мыслителями не только как импульс к формированию новой отрасли права, но и как общеправовое начало, воздействующее на все существующие отрасли. В частности, внимание к правам и свободам личности повлекло смещение вектора юридической защиты в гражданском праве. Поскольку основной задачей данной отрасли является регламентация вопросов, касающихся преимущественно частной

¹ Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 уч. г. в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902. С. 337.

² Там же. С. 340.

³ Васильева Ю. В. Система права и система законодательства о социальном обеспечении (к вопросу о кодификации отраслевого законодательства) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 3. С. 171-178; Павленко Д. С. Проблемы кодификации права социального обеспечения в России // Молодой ученый. 2016. № 6.6. С. 95-96; Кобзева С. И. К вопросу о кодификации законодательства о социальном обеспечении // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 11. С. 117-122.

жизни людей, отечественные цивилисты в контексте либерализации правовой политики настаивали на расширении предмета правового регулирования.

Так, С. А. Муромцев отмечает, что в условиях возрастания роли принципа гуманизма разрешение юридического дела нельзя признать справедливым, если при восстановлении нарушенных гражданских прав будет учтена лишь имущественная сторона вопроса. «Уже римские юристы заметили, что нарушение чужого права и, в частности, неисполнение обязательства, по фактической связи с другими благами легко может затронуть эти последствия. Наша жизнь, здоровье, честь страдают от неправильного отношения к нашему имуществу и неисправного исполнения нашими должниками их обязательств»¹, – объясняет он. Если раньше гражданское право было сосредоточено на регламентации общественных отношений, возникающих по поводу благ, имеющих конкретную стоимостную оценку, то теперь предмет правового регулирования необходимо дополнить благами, ценность которых определяется их принадлежностью каждой личности как таковой. «С точки зрения культурных целей права гражданская защита неимущественных интересов обладает громадным значением. Её устранение равносильно игнорированию многих важных сторон общественной жизни»², – заключает С. А. Муромцев.

К аналогичным выводам приходит С. В. Пахман. Вслед за С. А. Муромцевым он отмечает, что влияние принципа гуманизма на отрасль российского гражданского права сместило центр тяжести с имущественных отношений в сторону интересов личности и привело к признанию за личными правами «самостоятельной формы гражданских прав»³. Очевидно, подобные изменения требуют качественной переработки действующего законодательства. Предлагаемая С. В. Пахманом ранее не свойственная для России пандектная система изложения правового материала предусматривала сосредоточение в общей части нормативного акта принципов, определяющих правовой статус личности. Определяя иерархию норм основного текста документа, на первый

¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 236-237.

² Там же. С. 238-239.

³ Пахман С. В. О значении личности в области гражданского права. СПб., 1883. С. 17.

план мыслитель выносит нормы, затрагивающие личные права граждан, подчеркивая тем самым приоритет их юридической защиты¹.

О кардинальной смене приоритетов правового регулирования свидетельствуют рассуждения И. А. Покровского, согласно которому возвышение прав и свобод личности является «несомненной и характерной тенденцией всякого прогрессивного гражданского права»². Аналогично своим предшественникам, мыслитель рассматривает принцип гуманизма в качестве основы преобразовательных процессов внутри отрасли гражданского права, так же, как и его предшественники, настаивая на расширении её предмета. «Пусть гражданско-правовая защита будет неполной и несовершенной, но, повторяем, лучше такая защита, чем ничто. Даже несовершенная защита содержит напоминание о необходимости бережного отношения к нематериальным интересам людей; даже такая защита будет иметь поэтому огромное воспитательное и предупредительное значение»³, – заключает он.

Интересно, что И. А. Покровский сквозь призму принципа гуманизма рассматривает вопрос о конкуренции принципов формального равенства и справедливости. Мыслитель указывает, что для правотворческой и правоприменительной деятельности наиболее удобен «прием», с помощью которого в правоотношения вводится так называемый «абстрактный человек» – «некоторая средняя фигура, представляющая эмпирическое суммирование потребностей и качеств, свойственных среднему в данной социальной среде и в данное время человеку»⁴. Безусловно, такой «приём» вполне соответствует принципу формального равенства в понимании позитивистов, поскольку он позволяет исключить предвзятое отношение к личности со стороны закона и суда. Однако, согласно И. А. Покровскому, специфика гражданского права

¹ Томсинов В. А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. Статья третья // Законодательство. 2015. № 3. С. 30-31.

² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. СПб., 1917. С. 130.

³ Там же. С. 143.

⁴ Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4. С. 32.

предполагает разрешение достаточно сложных жизненных ситуаций, где отказ от детального изучения субъективных и объективных обстоятельств может повлечь существенное нарушение законных интересов личности. Повышенная персонифицированность гражданских дел требует, по мнению мыслителя, индивидуализации правового регулирования, что является одним из важнейших императивов принципа справедливости. «XIX век выставил и с подчеркнутой силой развил иное понимание личности, именно то, которое берет человека во всем богатстве его своеобразных особенностей и творческих проявлений. Это новое понимание личности требует своего осуществления и в нашем гражданском праве. Не человек *inabstracto* должен быть конечной целью этого последнего, а живая, конкретная человеческая личность»¹, – подытоживает И. А. Покровский.

Как видим, принцип гуманизма в трудах ведущих представителей отечественной цивилистики приобретает значение мощного преобразующего начала, воздействие которого влечёт эволюцию гражданско-правовой отрасли. Подчеркнем прогрессивность воззрений С. А. Муромцева, И. А. Покровского и С. В. Пахмана: постулирование юридической защиты личных неимущественных прав и интересов в качестве приоритетного направления правового регулирования характеризует гражданское право современного периода.

Дореволюционные юристы четко проводят мысль о наличии принципов, вводимых в механизм правового регулирования для наиболее эффективной регламентации определенных групп общественных отношений. Данный вид принципов, в отличие от принципов общеправовых, обусловлен связью с конкретным разделом системы права и имеет прикладной характер. Примечательно, что рефлексия авторов относительно начал, в соответствии с которыми должен осуществляться выбор юридических приёмов и средств регламентации общественных отношений, предшествует постановке проблемы

¹ Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4. С. 49.

метода правового регулирования и происходит в рамках поиска дополнительного критерия дифференциации правового материала¹.

Взгляд на принципы как на критерий разграничения разделов системы права наиболее развернуто демонстрирует Б. Н. Чичерин. Согласно авторской концепции, право является выражением свободы, поскольку «только свободные существа могут иметь права и обязанности»². Однако правила реализации свободы должны соответствовать тем общественным отношениям, участником которых становится личность при совершении юридически значимых действий. «Это соответствие выражается и во внутреннем расчленении юридического порядка. Различным формам свободы соответствуют различные области права. Мы видели, что свобода разделяется на внутреннюю, внешнюю и общественную. Соответствующее этому деление мы находим и в праве»³, — поясняет Б. Н. Чичерин. Не станем останавливаться на характеристике внутренней свободы, так как она сосредотачивает в себе чувственно-волевые аспекты поведения человека и имеет значение, согласно мыслителю, только при совершении противоправных посягательств. Напротив, деление свободы на внешнюю и общественную коррелирует разграничению права на частное и публичное, где каждая из выделенных областей обладает собственным набором императивов правового регулирования.

Предлагаемые Б. Н. Чичериным принципы частного и публичного права образуют пары-противоположности, базирующиеся на различных основаниях. Так, исходя из целей правового регулирования мыслитель в отраслях частного права отмечает господство индивидуального начала, которое предполагает сосредоточение средств правовой охраны на удовлетворении личных потребностей и законных интересов конкретного человека. «Здесь человек представляется как свободное, самостоятельное лицо, которому присваивается известная область материальных отношений и которое состоит в определенных

¹ Уфимцева Е. В. Отраслеобразование в современном российском праве (доктринальные основы и критерии): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 32.

² Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1882. Т. 1. С. 88.

³ Там же.

отношениях к другим таковым же лицам»¹, – указывает мыслитель. Реализация данного императива в отраслях частного права должна выражаться в количественном преобладании субъективных прав над юридическими обязанностями в процессе регламентации общественных отношений.

Ведущим императивом в публичном праве Б. Н. Чичерин называет начало общественной пользы, которое требует повышенного внимания к границам допустимой личной свободы. «Публичное право дается гражданину, во-первых, для защиты своих интересов и, во-вторых, во имя общественной пользы, как члену и органу целого. Но частный интерес имеет здесь значение лишь настолько, насколько он сливается с интересом общественным; последнее начало является преобладающим»², – подчеркивает мыслитель.

Следующая пара императивов представлена принципами равенства и субординации. В основе их деления лежит источник прав личности в отраслях частного и публичного права. Предпосылкой правоспособности участников частноправовых отношений является естественное право, благодаря которому человек выступает обладателем совокупности неотъемлемых прав, принадлежащих ему «как личное его достояние, или как область его свободы»³, – отмечает автор. Поскольку юридические нормы частного права направлены на защиту интересов граждан в их взаимодействии друг с другом, различия в правовом положении отдельных лиц, по мнению Б. Н. Чичерина, недопустимы.

Иначе складывается ситуация в вопросе о приобретении прав в отраслях публичного права. «Как свободный член союза гражданин получает права, но непременно для этого условие заключается в способности понимать общественные интересы и действовать ввиду их. Признаки, которыми определяется способность, могут быть весьма разнообразны, смотря по местным и временным обстоятельствам; во всяком случае, их определение зависит от верховной власти, которая в установлении их руководствуется

¹ Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1882. Т. 1. С. 89.

² Там же. С. 91.

³ Там же.

началом общественной пользы»¹, – поясняет Б. Н. Чичерин. Принцип субординации здесь выражается в некой иерархии участников правоотношений, выстраиваемой властвующими субъектами посредством ограничения или расширения их правоспособности.

Указанный принцип определяет активную роль государственных органов и должностных лиц в разрешении возникающих противоречий. Так, руководствуясь началом общественной пользы, они вправе лишить граждан предоставленных публичных прав в случае выявления факта их нецелевого использования. Подобное вмешательство, согласно Б. Н. Чичерину, невозможно в рамках отраслей частного права, где «пользование правом предоставляется вполне частной воле лица, которое может извлекать из него всевозможные выгоды, никому не давая в том отчета...»². Тем самым правовед приходит к осмыслению важнейшего принципа частноправовых отраслей, который в современной юридической науке известен как принцип беспрепятственной реализации субъективных прав путём свободного волеизъявления³. «Это понятие, неприменимое к публичному праву, составляет коренное начало частного права, самый крепкий оплот личной свободы. Последняя имеет здесь неприкосновенное святилище, на которое общественная власть не может посягать, не нарушая правды – то есть того самого начала, во имя которого она сама существует»⁴, – подчеркивает Б. Н. Чичерин. Заметим, что сегодня указанный принцип реализован в статьях Гражданского и Семейного кодексов Российской Федерации, посвященных основным началам соответствующего отраслевого законодательства.

Напомним, что термин «начало» используется Б. Н. Чичериным и при характеристике ценностно-целевых ориентиров правотворческой,

¹ Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1882. Т. 1. С. 90-91.

² Там же. С. 91.

³ Кондрашова М. А. Соотношение принципов осуществления прав и исполнения обязанностей в гражданском и семейном законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4. С. 93-96; Ульянова М. В. Обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 392-402.

⁴ Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1882. Т. 1. С. 92.

правореализационной и правоприменительной деятельности в значении основополагающего принципа права. Однако при формулировании принципов публичного и частного права этот же термин употребляется мыслителем для обозначения правил, в соответствии с которыми необходимо осуществлять подбор способов, средств и приемов правового регулирования общественных отношений. Сделанный автором акцент на прикладном характере выделяемых принципов свидетельствует о рефлексии по поводу метода правового регулирования тех или иных отраслей права: начала индивидуализма, равенства и беспрепятственной реализации субъективных прав путём свободного волеизъявления определяют диспозитивность воздействия в частном праве, а начала общественной пользы и субординации – императивность в праве публичном¹.

Логическое завершение данная мысль получает в рассуждениях И. А. Покровского. «Юриспруденция инстинктивно чувствует, что в основе различия лежит нечто не случайно-историческое, а глубоко принципиальное... Право, как известно, имеет своей общей целью регулирование междучеловеческих отношений. Но если мы присмотримся ближе к способам или приемам этого регулирования, то мы заметим крупное различие»², – пишет он. Так, согласно автору, в отраслях публичного права действует принцип централизации правового регулирования, выражающийся во всеобщем подчинении одной руководящей воле – воле государственной власти, которая обладает исключительными полномочиями по регламентации правового статуса субъектов и непосредственному вмешательству в разрешение возникающих конфликтов. Общественные отношения, входящие в область частного права, напротив, подлежат упорядочению в соответствии с принципом децентрализации правового регулирования, где каждый из субъектов сам является «маленьким центром – самостоятельной социальной единицей», а

¹ Никитчик А. А. Принципы права как фактор развития системы права в трудах российских юристов конца XIX – начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 1. С. 69.

² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1917. С. 38.

государство выступает в роли органа, охраняющего реализацию индивидуальной воли¹.

Полагая, что в основе разделения отраслей частного и публичного права лежит выбор между принципами централизации и децентрализации юридического воздействия, И. А. Покровский одним из первых обозначает метод правового регулирования в качестве самостоятельного критерия отраслевой дифференциации. Принцип централизации коррелирует с императивным методом правового регулирования в публичном праве, а принцип децентрализации отражает диспозитивность регламентации общественных отношений в частноправовых отраслях. При этом мыслитель указывает на взаимодополняемость названных принципов, которая позволяет в требующих того ситуациях отдать приоритет отдельным, в сущности, противоположным приемам, способам и средствам юридического воздействия без изменения метода правового регулирования. «Прием властного регулирования отношений из единого центра – принцип публичного права, имеет то преимущество, что сильнее сплачивает общество, вносит легко обзримую определенность и планомерность во всю ту область жизни, к которой он применяется... В свою очередь, принцип юридической децентрализации, внося в соответствующую область общественной жизни известный элемент случайности и неопределенности, взамен вызывает наибольшее напряжение частной предприимчивости и энергии; если там эта последняя стимулируется принуждением, то здесь она стимулируется свободой и личным интересом»², – поясняет И. А. Покровский.

Внимание юристов сосредоточено и на принципах отдельных отраслей права. Назначение разрабатываемой юридической категории, в отличие от общеправовых принципов, заключается в систематизации нормативного материала и универсализации правоприменительной практики в рамках конкретной группы общественных отношений.

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1917. С. 39-40.

² Там же. С. 43-44.

Так, об утверждении руководящих начал для отрасли гражданского права пишет С. А. Муромцев. Заметим, что, используя термин «принцип» для обозначения как общеправовых, так и отраслевых принципов, автор различает названные категории. Если в первом случае мыслитель описывает этическое начало идеального правопорядка, источником которых выступает общественное правосознание, то отраслевые принципы он видит в качестве императивов, выведенных при совокупном анализе действующих юридических норм гражданского права и накопленной правоприменительной практики. «Формулирование принципов и установление понятий входит в цели догматического исследования права. Догматик, разрабатывая своё право ради вашего применения и развития его в жизни, нуждается в обобщениях, которые доставили бы ему полную возможность ориентироваться в массиве частных правоопределений и, сделав его господином, послужить исходным моментом их дальнейшего развития»¹, – разъясняет С. А. Муромцев. По мнению правоведа, введение отраслевых принципов способствует систематизации гражданского права и приближает к его выражению в более совершенной, а именно – в кодифицированной форме. «Юридический принцип есть формула, обозначающая так или иначе известную группу правоотношений и соответствующих правоопределений»², – заключает он.

При этом формально-догматический подход С. А. Муромцев находит удобным, но не единственным. Поскольку развитие позитивного права и юридической практики подвержено влиянию различных факторов (исторических, социально-экономических, политических и иных), нередко в числе устоявшихся правил регламентации конкретной группы общественных отношений оказываются положения, противоречащие основам идеального правопорядка. Напротив, принципы отраслевые, согласно мыслителю, должны продолжать и детализировать идеи, сформулированные в общеправовых принципах, сохраняя единую направленность правового регулирования.

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Ч. I. М., 1877. С. 80.

² Там же. С. 86.

«Несомненно, что в случаях противоречия понятий и принципов с чувством справедливости им грозит реакция со стороны последнего... Поэтому догматик поступит разумно, когда, формулируя их, будет смотреть более вперед, нежели назад, имея в виду не столько передачу существующего права, сколько удовлетворение потребностей ближайшего будущего»¹, – объясняет С. А. Муромцев. Таким образом, система отраслевых принципов или, следуя терминологии правоведа, «догматическая система», не только структурирует нормативный материал, но и задает вектор его усовершенствования².

Однако если С. А. Муромцев как приверженец социологической юриспруденции стремится к отражению в содержании отраслевых императивов идей, сформированных в общественном правосознании, то сторонники юридического позитивизма склонны придерживаться формально-догматического метода.

Так, например, М. Н. Капустин представляет отраслевые принципы в виде «юридических афоризмов» или «юридических положений», которые вводятся правоведами в целях правильного толкования и применения права в рамках отдельно взятой группы общественных отношений. «Эти правила не служат источником права, а отражают его в себе, а потому составление их предполагает всестороннее знакомство с положительным правом и с жизнью... Их авторитет основан на всеобщем признании того, что они верно и точно выражают юридические понятия и совмещают в себе смысл огромного числа законодательных распоряжений»³, – разъясняет мыслитель.

Близкое определение предлагает Г. Ф. Шершеневич: «Под именем юридического принципа понимается общая мысль, направление, возложенное законодателем сознательно или бессознательно в целый ряд созданных им норм. Такие принципы нередко устанавливаются самим законодателем, и преобладание их в законодательстве говорит в пользу совершенства

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Ч. I. М., 1877. С. 81.

² Там же.

³ Капустин М. Н. Теория права: (Юрид. Догматика) / Соч. Михаила Капустина, проф. Международ. Права в Моск. Ун-те. Т. I – Общая догматика. М., 1869. С. 179.

последнего»¹. Согласно правоведу, выведение общих правил, отражающих специфику регламентации гражданско-правовых отношений, необходимо в целях окончательного признания за гражданским правом статуса самостоятельной отрасли.

Несколько иначе рассуждает С. В. Пахман. Согласно мыслителю, столкновения взглядов российских цивилистов по поводу содержательной части одних и тех же гражданско-правовых институтов, для разрешения которых зачастую приходится обращаться к достижениям зарубежной юриспруденции, связаны с отсутствием общепризнанных отраслевых принципов, которые могли бы стать вектором не только научных изысканий, но и практической деятельности. «Между тем у нас далеко еще не установилась даже точная терминология; действующее законодательство, каким оно является в своде, страдает почти полным отсутствием общих начал и твердых точек опоры для правильного юридического анализа...»², – констатирует он.

Но, в отличие от своих коллег, С. В. Пахман в поиске императивов отраслевого правового регулирования отвергает формально-догматический подход. Источником отраслевых принципов мыслитель рассматривает общеправовой принцип гуманизма, связывая с его реализацией качественно новый уровень развития гражданско-правовых отношений.

Первый отраслевой принцип – принцип равенства участников гражданско-правовых отношений С. В. Пахман отражает посредством двух императивов: «Общие гражданские права лиц принадлежат каждому лицу независимо от прав и обязанностей, относящихся к порядку управления и суда; каждое лицо признается правоспособным к приобретению прав и пользованию ими в пределах, установленных законом»³. Настаивая на истинности указанных утверждений, правовед стремится подчеркнуть особенность статуса личности как в гражданском праве, так и в других отраслях частного права.

¹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Изд. 10. М., 1911. С. 10.

² Пахман С. В. О значении личности в области гражданского права. М., 1883. С. 4.

³ Там же. С. 22.

Логическим следствием принципа равенства является принцип беспрепятственной реализации гражданских прав. «Каждое лицо вправе определять свои отношения к другим лицам»¹, – пишет С. В. Пахман, включая в содержание данного принципа правило частной автономии, ограждающее собственность от стороннего вмешательства как граждан, так и властвующих субъектов.

Представление о незыблемости достоинства и свободы человека отражается мыслителем в принципе неприкосновенности личности и имущества. Имущественная неприкосновенность в понимании С. В. Пахмана тождественна принципу неприкосновенности собственности, который сегодня общепризнан и закреплён в гражданском законодательстве. Правовед настаивает на недопустимости такого исхода гражданско-правовых отношений, при котором один из участников теряет свою свободу. «Всякая личная зависимость... признаётся противозаконной; посему и всякие сделки, клонящиеся к лишению или ограничению личной свободы, почитаются недействительными. Это правило ... мы признаём необходимым, так как в законах не было прямых указаний о правах личной неприкосновенности, между тем как нарушения их, с определенными последствиями, подробно указаны в законах уголовных и гражданских»², – объясняет С. В. Пахман.

Отметим, что замечание дореволюционного цивилиста по сей день не утратило своей актуальности. Статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации в числе основных принципов гражданского законодательства не содержит императива о гарантиях неприкосновенности личности и защите её свободы, а закреплённый в пункте 3 статьи 179 данного нормативного акта юридический состав кабальной сделки нередко становится предметом для критики, поскольку затрудняет доказывание личной зависимости наличием сразу нескольких квалифицирующих признаков. Проведя анализ судебной практики, современный исследователь А. Я. Рыженков приходит к выводу об

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 24.

отсутствии положительных решений и невозможности признать оспариваемую сделку кабальной, что свидетельствует о сохранении ущемленного положения зависимых субъектов¹. Как видим, предложение С. В. Пахмана о введении отраслевого принципа неприкосновенности личности и её охраны от зависимости в гражданско-правовых отношениях вполне целесообразно. Понимая, что гражданское право предполагает широкую свободу взаимодействующих субъектов, правовед стремится подчеркнуть её пределы и защитить личность от недобросовестных намерений контрагентов.

Разрабатываемый перечень отраслевых принципов С. В. Пахман завершает судебной защитой и восстановлением нарушенных гражданских прав². Мыслитель позиционирует сформулированные императивы как особый вид юридических норм, определяющих развитие гражданско-правовых отношений: «Вот и все основные положения, которые, в значении “принципов”, следовало бы, по нашему мнению, поместить в начало первой книги гражданского уложения... мы считаем внесение их, в той или другой форме, необходимым, так как, в противном случае, все остальные начала уложения лишены были бы прочного фундамента»³.

Идею об учреждении базовых начал права, в соответствии с которыми должно развиваться правовое регулирование конкретной группы общественных отношений, разделяет В. М. Гессен. Современный исследователь С. И. Саенко констатирует, что правовед уже в начале XX столетия позиционирует административное право в качестве самостоятельной отрасли права, предметом которой является деятельность государства в сфере внутреннего управления⁴. Отметим, что сам В. М. Гессен не только рассматривает административное

¹ Рыженков А. Я. Юридический состав кабальной сделки: проблемы теории и практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 156.

² Пахман С. В. О значении личности в области гражданского права. М., 1883. С. 24-25.

³ Там же. С. 25.

⁴ Саенко С. И. Развитие понятийно-категориального аппарата теории нормы административного права в Российской империи // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 2. С. 243.

право как отдельную отрасль, но и обосновывает необходимость её реформирования в соответствии с идеалом правового государства.

Рассуждения автора основываются на критическом анализе отечественной административно-правовой политики XIX века, где доминировали меры узко-полицейского характера, самовольство и безразличие власти к положению подданных. «Деятельность государства в области народного благосостояния исчерпывается рядом отрывочных, случайных, несогласованных друг с другом мероприятий, не вытекающих из какого-либо общего принципа, существующих в силу практической необходимости, несмотря на теоретическую их недопустимость»¹, – констатирует он. Полагая, что истинно законным является правопорядок, при котором каждый человек обладает юридической защитой от правительственного произвола и имеет возможность для беспрепятственной реализации личных прав, В. М. Гессен настаивает на прогрессивном изменении административного права XX века.

По мнению В. М. Гессена, реалии жизни требуют солидарного участия власти и населения в решении вопросов государственного управления. Мыслитель формулирует принцип содействия в административном праве, с которым связывает переход от назидательной к созидательной деятельности правительства. «Современное государство отказывается от роли провидения, ведущего к благу слепой народ. Задача государства заключается в устранении неизбежных препятствий и в создании необходимых условий для саморазвития, для разумного и прогрессивного существования личности, – объясняет В. М. Гессен, заключая: – Содержание правительственной деятельности современного государства определяется принципом содействия деятельности отдельных индивидов и свободных союзов»². В предлагаемом отраслевом принципе, на наш взгляд, можно заметить детализацию принципа гуманизма,

¹ Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 уч. г. в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902. С. 12.

² Там же. С. 16-17.

который интерпретируется мыслителем как государственное обеспечение защиты каждого гражданина от посягательств на личную свободу¹.

В то же время пристальное внимание В. М. Гессена к развитию личности обусловлено той ролью, которую автор отводит принципу демократизма в процессе движения России к идеалу правового государства. Отождествляя правовое государство и государство конституционное², правовед позиционирует рубеж XIX–XX вв. в качестве отправной точки конституционных преобразований, которые должны привести к формированию гражданского общества и созданию народного представительства. Одним из главных препятствий в данном процессе В. М. Гессен считает низкую политическую культуру общества, проистекающую из отстранения основной массы населения от решения вопросов государственного значения³. Мыслитель выступает за свободу развития, образования и творчества подданных в целях формирования общества граждан, готовых к конструктивной критике решений государственных органов и рациональному «диалогу» с властью. Во введении к написанному в соавторстве с Б. Э. Нольде сборнику действующих конституционных актов стран Европы «Современные конституции» В. М. Гессен отмечает: «Россия стоит накануне конституционной реформы. Каковы бы ни были пути осуществления этой реформы, без деятельного участия общественных сил, без творческой их работы она не будет и не может быть осуществима»⁴.

Подчеркивая, что в правовом государстве функционирование системы административных органов должно происходить в строгом соответствии с законом, В. М. Гессен выделяет дополнительные императивы, обеспечивающие

¹ Гессен В. М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906. С. 52.

² Гессен В. М. Теория правового государства: статья из сборника «Политический строй современных государств». СПб., 1913. С. 19.

³ Медушевский А. Н. В. М. Гессен и теория перехода: от авторитаризма к демократии и от демократии к авторитаризму // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4. С. 180.

⁴ *Современные конституции: Сб. действующих конституц. актов / пер. под ред. и с вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде. Т. 1. Конституционные монархии.* СПб., 1905.

неукоснительное соблюдение данного принципа в рамках рассматриваемой отрасли.

Первый императив правовед выражает в виде принципа подзаконности административной деятельности: «Правовым называется не то государство, в котором правительственная власть ограничивается единственной функцией поддержания правопорядка, а то, в котором правительственная власть, осуществляемая самыми разнообразными функциями, остается подзаконной, подчиненной законодательной власти»¹. Смысл данного принципа, согласно В. М. Гессену, заключается в том, что члены правительства должны согласовывать свою деятельность с действующими юридическими нормами и нести ответственность за их нарушение.

Следующий императив, упоминаемый автором, – «принцип закономерного поведения» – предполагает подчинение подданных законным требованиям властвующих субъектов. Данный принцип, по мнению В. М. Гессена, предполагает вневедомственный контроль за действиями и решениями органов исполнительной власти на предмет нарушения прав и свобод личности. «Не следует ... забывать, что при наложении административных взысканий правительственный орган является судьей в собственном деле. Принцип закономерного повиновения, – то есть повиновения единственно законным требованиям власти – при таком порядке неосуществим; ибо сама администрация является судьей законности своих распоряжений»², – указывает он, настаивая на передаче данных полномочий специально созданным органам судебной власти – административной юстиции.

Итак, постулируя принципы законности, гуманизма и демократизма в качестве основы правового государства, В. М. Гессен проецирует их в первую очередь на отрасль административного права. Сформулированные автором

¹ *Современные конституции: Сб. действующих конституц. актов / пер. под ред. и с вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде. Т. 1. Конституционные монархии. СПб., 1905. С. 21.*

² *Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 уч. г. в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902. С. 43.*

принципы содействия личности, подзаконности деятельности субъектов исполнительной власти и закономерного поведения граждан призваны перестроить императивную модель отношений между населением и управленческим аппаратом, открывая путь либерализации государственной политики.

Особенно актуальным для правоведов на рубеже XIX–XX вв. становится вопрос о разграничении судебной и исполнительной власти, обусловленный широтой судебных полномочий административных органов¹. Поиск легитимных способов трансформации политико-правового режима России обуславливает особый интерес В. М. Гессена к административной юстиции – «своеобразной и обособленной организации судебной власти, призванной к защите субъективных прав путем отмены незаконных распоряжений административной власти»². Примечательно, что административную юстицию мыслитель рассматривает не просто как систему органов правосудия, осуществляющих контроль за соблюдением законности в деятельности властвующих субъектов. Процессуальный порядок разрешения юридического спора, где одной из сторон выступает орган государственной власти, по мнению В. М. Гессена, требует разработки особой группы юридических норм, что объясняет внимание правоведа к принципам административного судопроизводства.

Разрабатываемый концепт В. М. Гессен базирует на принципах законности и гуманизма, которые определяют ключевой императив административного процесса – принцип самостоятельности и независимости суда. В поисках гарантий защиты прав личности В. М. Гессен делает особый акцент на «теории распределения функций государственной власти»³, призванной обеспечивать взаимное сдерживание государственных органов от

¹ Грязнова Т. Е., Бучакова М. А. Принципы правосудия в российской юридической науке конца XIX – начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1. С. 62.

² Гессен В. М. Основы конституционного права. СПб., 1917. С. 61.

³ Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 уч. г. в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902. С. 20.

произвола в решениях и действиях. «Из природы судебной власти логически вытекает необходимость её отделения от законодательной. Если эти власти соединены, если судья – законодатель, или законодатель – судья, господство над жизнью и свободой граждан становится произвольным»¹, – заключает автор.

Н. М. Коркунов, который аналогично В. М. Гессену сосредоточен на проблеме законности и соблюдения личных прав, независимость судебного разбирательства связывает с демократизацией административной юстиции. «Для всеобъемлющего, полного контроля за законностью деятельности управления необходимо предоставить суду право разрешать вопросы не только о внешней, формальной законности действий администрации, но и о соблюдении в ее действиях должной меры. А для того, чтобы суд мог разрешать такие вопросы, в состав его должны входить не одни профессиональные юристы, а также люди, непосредственно знакомые с бытовыми условиями, среди которых приходится действовать органам управления. Другими словами, в составе административных судов необходимо присутствие представительного элемента»², – высказывается правовед. Становится очевидным, что Н. М. Коркунов рассматривает принцип демократизма в качестве условия соблюдения законности, привнося в административно-процессуальное право принцип гласности судебного разбирательства.

Подчеркивая специфику административного судопроизводства, где одной стороной выступает обычный гражданин, а другой – представитель власти, Н. М. Коркунов формулирует принцип, призванный нивелировать очевидное неравенство возможностей в реализации законных прав и интересов. Так, по мнению автора, «административный судья не может оставаться лишь беспристрастным свидетелем происходящей между сторонами борьбы. Он не может основывать свое решение исключительно на том, что будет доказано

¹ Гессен В. М. Основы конституционного права. СПб., 1917. С. 24.

² Коркунов Н. М. Русское государственное право. В 2 т. Т. 2: Часть особенная. Изд. 4-е (без существенных перемен). СПб., 1903. VI. С. 506.

сторонами»¹. Таким образом, Н. М. Коркунов выступает за принцип активной роли административного суда, с реализацией которого связывает установление следственно-состязательной формы административного процесса.

В соответствии с данным принципом роль судьи выходит за рамки непредубежденного арбитра, что оптимально при разрешении гражданско-правовых споров. Выступая гарантом реализации общеправового принципа законности, административный суд обязан «сам войти в самостоятельное рассмотрение дела, сам собрать доводы за и против и надлежащим образом оценить их»². При этом принцип активной роли суда, согласно Н. М. Коркунову, должен выражаться в инициативной проверке законности правоприменительного акта исполнительной власти и оценке действий (бездействия) через призму соблюдения прав и свобод человека – то есть быть реализованным в той мере, в которой это не противоречит принципам состязательности и равноправия сторон³.

Заметим, что идеи Н. М. Коркунова не утратили своей актуальности и могут быть интересны для современного административно-процессуального законодательства. Например, Е. А. Сапрыкина в числе злободневных проблем административного судопроизводства выделяет формализм законодателя, проявленный при нормативном закреплении принципа активной роли суда в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации. По мнению автора, отсутствие детализации содержания одного из главных принципов административно-процессуального права образует «правовой вакуум», лишая судью представления о предоставленных полномочиях⁴.

¹ Там же. С. 507.

² Там же.

³ *Зайнутдинов Д. Р.* Формирование имперской теории административной юстиции (конец XIX – начало XX века) // Вестник ННГУ. 2022. № 1. С. 78.

⁴ *Сапрыкина Е. А.* Принцип активной роли суда в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 3. С. 76.

А. С. Белик подчеркивает полемичность самого факта закрепления принципа активной роли суда, ставшего «камнем преткновения» учёных-современников¹.

Особый интерес наследие отечественных правоведов рубежа XIX–XX вв. приобретает в контексте современной дискуссии относительно признания за административно-процессуальным правом статуса самостоятельной отрасли². Не случайно В. Е. Севрюгин подчёркивает, что «в российской дореволюционной правовой науке во второй половине XIX в. ... высказывалась идея о необходимости формирования административной юстиции и административно-процессуального права как самостоятельной отрасли права». Однако «прогрессивные идеи и передовые научные разработки русских ученых по проблемам административной юстиции, административного процесса и административно-процессуального права не были востребованы и воплощены в практическую деятельность судебно-административных учреждений царской России. Не нашли они своего применения и в эпоху «развитого социализма»³, – сожалеет он. Исследователь отмечает весьма ограниченную востребованность идей дореволюционных юристов и в постсоветской России несмотря на то, что В. М. Гессен и Н. М. Коркунов внесли серьезный вклад в теорию административной юстиции. Рассмотрение административного процесса сквозь призму общеправовых принципов законности, гуманизма и демократизма имело следствием формирование отраслевых принципов – самостоятельности и независимости суда, гласности судебного разбирательства, активной роли суда при рассмотрении административного спора.

¹ Белик А. С. Принципы, отражающие роль суда в административном производстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-otrazhayuschie-rol-suda-v-administrativnom-proizvodstve> (дата обращения: 16.01.2023).

² Святохина Ю. В. Административно-процессуальное право Российской Федерации: к вопросу о формировании предметообразующих элементов и системы самостоятельной отрасли российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2-2. С. 190.

³ Севрюгин В. Е. Административно-процессуальное право России: состояние, проблемы и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19. № 1. С. 111-112.

Итак, российские юристы конца XIX – начала XX вв. позиционируют общеправовые принципы в качестве ценностного основания отечественной системы права, исследуя различные направления их реализации.

Во-первых, принципы права позволяют выявить области общественных отношений, требующие особой юридической защиты, тем самым воздействуя на формирование новых отраслей права. Рассматривая социальную дифференциацию сквозь принцип гуманизма, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский и В. М. Гессен считают необходимым вопросы материального положения слабозащищенных категорий граждан рассматривать в качестве предмета правового регулирования, заложив тем самым основы отрасли социального обеспечения. В. М. Гессен формулирует отраслевые принципы, оптимизирующие процесс регламентации данной группы правоотношений: индивидуализация помощи, непосредственность оказания помощи и децентрализация управления.

Ценными для развития процессуального права являются рассуждения В. М. Гессена и Н. М. Коркунова о совокупной реализации принципов законности, гуманизма и демократизма в административном судопроизводстве. Рассматривая административный процесс в качестве эффективного средства борьбы с произволом властей, авторы формулируют отраслевые принципы самостоятельности и независимости суда, гласности судебного разбирательства и активной роли суда в административном судопроизводстве.

Во-вторых, общеправовые принципы влекут качественные изменения существующих отраслей права в части расширения предмета и разработки принципов правового регулирования. Акцент на правах и свободах человека, продиктованный принципом гуманизма, наталкивает С. А. Муромцева, С. В. Пахмана и И. А. Покровского на мысль о расширении предмета правового регулирования гражданского права за счет юридической защиты личных неимущественных отношений. В данном контексте особое значение приобретают воззрения С. В. Пахмана: фокусируя внимание на проекте Гражданского уложения Российской империи, автор подчеркивает

целесообразность пандектной системы изложения правового материала, где общая часть должна содержать нормы, закрепляющие равенство участников гражданско-правовых отношений, беспрепятственную реализацию гражданских прав, неприкосновенность личности и собственности, судебную защиту и восстановление нарушенных прав в качестве специальных принципов гражданского права.

Об отраслевых принципах предметно рассуждает и В. М. Гессен в контексте вопроса о смене вектора административно-правового регулирования. Базируя свои идеи на общеправовых началах законности, гуманизма и демократизма, автор формулирует принципы содействия личности, подзаконности деятельности субъектов исполнительной власти и закономерного поведения граждан.

Особый взгляд на принципы как на критерии разграничения разделов права демонстрируют Б. Н. Чичерин и И. А. Покровский. Сделанный авторами акцент на прикладном характере этих принципов свидетельствует о рефлексии по поводу метода правового регулирования: индивидуализм, равенство, беспрепятственная реализация субъективных прав путём свободного волеизъявления и децентрализация определяют диспозитивность воздействия в частном праве, а общественная польза, субординация и централизация – императивность в праве публичном.

Справедливо предположить, что проведенный правоведами анализ функционального назначения принципов права существенно ускорил процесс структуризации системы права и развития её отдельных отраслей.

§ 3. Принципы права в законотворческой практике российских юристов начала XX в.

Как известно, многие правоведы, чьи труды проанализированы в предыдущих параграфах настоящего диссертационного исследования, проявили себя не только в науке, но и в общественной деятельности, выступая

за качественное преобразование политико-правового режима имперской России. Легализация идейного плюрализма, сопровождающаяся подписанием и обнародованием Высочайшего Манифеста от 17 (30) октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», послужила мощным толчком для активной законотворческой деятельности отечественных либералов. В очерчиваемых контурах желаемой правовой политики страны нашли отражение основные идеи второй половины XIX века, в том числе принципы права, представляемые ранее в качестве теоретических конструктов, облекаются в законопроектах в основополагающие юридические нормы.

Закрепление принципов права в актах проекционного законотворчества свидетельствует о том, что в отечественной юриспруденции начала XX в. сформировалось четкое представление о регулятивной функции исследуемой юридической категории. Сегодня реализацию данной функции связывают с осуществлением первоначального правового регулирования общественных отношений, с их восприятием в качестве пределов правового регулирования, закреплением ориентиров правотворчества и правореализации, а также с вовлечением отдельных принципов в мотивировочную часть решений в рамках правоприменительной деятельности¹. Исключительное значение для развития российской системы законодательства имеет выработанная в данной части позиция Конституционного Суда Российской Федерации, нашедшая свое отражение в Постановлении от 27 января 2004 г. № 1-П: «Общие принципы права, в том числе воплощенные в Конституции Российской Федерации, обладают высшим авторитетом и являются критерием и мерой оценки

¹ *Ершов В. В.* Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5; *Зайцева Е. С.* Значение принципов права при установлении пределов правового регулирования // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 143; *Клименко А. И.* Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 167-169; *Карташов В. Н.* Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 165.

правомерности всех нормативных актов»¹. Вместе с тем в современной юридической науке по-прежнему не сформировалось единой позиции относительно взаимосвязи регулятивной функции принципов права с их непосредственным отражением в законе².

Дореволюционные юристы, ставя перед собой задачу смены приоритетов правового регулирования в государстве, на первых порах парламентской деятельности проводят масштабную работу, направленную на качественное изменение правовой системы Российской империи, где позитивизация принципов права – лейтмотив планируемых преобразований – трактуется как условие их фактической реализации.

Наиболее референтными для исследования, на наш взгляд, являются законопроекты, делопроизводственная документация и иные материалы конституционно-демократической партии. Во-первых, привлекает внимание высказывание одного из партийных деятелей – практикующего адвоката Ф. И. Родичева, чьи слова стали своего рода рефреном партии кадетов: «Нас связывает не догма, а принцип – принцип права»³. Вместе с тем, согласно оценке современного учёного Д. В. Аронова, за весь период парламентской работы именно в данной партии преобладает тенденция к восприятию права как основы, на которой должно строиться реформирование общества⁴. Во-вторых, персональный состав преимущественно активной части партии совпадает с

¹ *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2004 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 5. Ст. 403.

² *Степаненко Р. А.* Основные функции принципов права (на примере земельного права) // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 181; *Баранов В. М.* Принципы законодательства в фокусе междисциплинарных исследований. Вступительное слово профессора В. М. Баранова при открытии XXI форума «Юртехнетика» // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 11.

³ *Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии.* В 6-х т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. М., 1994. С. 41.

⁴ *Аронов Д. В.* Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе, 1906-1917 гг. М., 2005. С. 170.

персоналиями, избранными для настоящего диссертационного исследования, в числе которых – П. И. Новгородцев, С. А. Котляревский, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Муромцев и Г. Ф. Шершеневич (И. А. Покровский оставался вне политики, посвятив свой путь научно-педагогической деятельности; С. В. Пахман совмещал академическую карьеру и государственную службу на посту сенатора, а Н. К. Ренненкампф, М. Н. Капустин и Б. Н. Чичерин к моменту начала открытого политического соперничества уже ушли из жизни).

Начавший свою деятельность в составе кадетов, М. М. Ковалевский к 1906 году с группой правых членов партии образовал партию демократических реформ, которая, как следует из политической программы, «резко отдаляясь от крайних левых партий отрицанием возможности внезапного переворота в общественном строе, от правых партий – решительным разрывом с остатками бюрократического режима и признанием необходимости коренных преобразований не только политических, но и социальных, ... образует как бы левый центр политической армии»¹. Однако, как указывает Н. Б. Хайлова, в отсутствие собственной обособленной фракции партия демократических реформ разделяла и поддерживала линию конституционно-демократической партии, о чём свидетельствуют стенографические отчёты работы Государственной Думы первого созыва². Изложенное подтверждают тезисы партийной программы, посвященные обоснованию Основного закона (пункт 1), созданию народного представительства (пункты 5-8), утверждению формального равенства (пункт 9), конституционному закреплению личных прав российских граждан (пункты 10-17) и справедливому правосудию (пункт 15)³. Более того, члены партии (и лично сам М. М. Ковалевский), наряду с кадетами, принимали активное участие в работе думских комиссий по составлению законопроектов «О гражданском равенстве» и «Об обеспечении

¹ *Партия демократических реформ: [программа]*. СПб., 1905-1906.

² *Хайлова Н. Б.* Партия демократических реформ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 25.

³ *Партия демократических реформ: [программа]*. СПб., 1905-1906.

действительной неприкосновенности личности» – важнейших актов проекционного законотворчества, целью которых являлась реализация принципов формального равенства и гуманизма в политико-правовом режиме пореформенной России.

Легальной работе предшествовало опубликование за пределами России проекта конституции, разработанного группой «Союза освобождения» – нелегального политического движения, ставшего ядром будущей конституционно-демократической партии. Данный документ, по справедливому замечанию Р. А. Циунчука, «оказал заметное влияние на последующие общественные и, отчасти, официальные конституционные программы и документы»¹, привнес тем самым серьезный вклад в развитие отечественного конституционализма.

Несмотря на то, что в тексте документа неоднократно встречается отсылка к началам западноевропейской демократии, используемым в качестве идейной опоры предлагаемой политико-правовой программы, авторы (в числе которых – В. М. Гессен, Ф. Ф. Кокошкин, П. И. Новгородцев, С. А. Котляревский и С. А. Муромцев) воздерживаются от прямого заимствования, делая акцент на самобытности развития отечественного государства. Так, согласно введению к «Основному государственному закону Российской империи», цель данного проекта состоит в том, «чтобы, сохранив коренные принципы демократической программы, вместе с тем принять во внимание конкретные условия и отношения русской жизни»². Проецируя принципы демократического политико-правового режима на имперский правопорядок, составители документа сопровождают предлагаемые формулировки развернутым теоретическим обоснованием.

¹ Циунчук Р. А. Идея народного представительства в России в 1904-1905 гг.: от совещательной к законодательной модели // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 6. С. 104.

² Основной государственный Закон Российской империи: проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения» / [предисл. ред. «Освобождения» П. Струве]. Париж, 1905. С. 1.

Масштаб реформаторской деятельности, результаты которой, по замыслу дореволюционных юристов, должны коснуться каждого человека в государстве, отражается в закрепляемом статьей 6 принципе формального равенства: «Все русские граждане равны перед законом. Различие происхождения и вероисповедания не может иметь своим последствием неравенства гражданских или политических прав и обязанностей»¹. Помещая данную норму в самое начало главы «Об основных правах граждан», авторы проекта определяют приоритетное направление новой правовой политики, заключающееся в устранении острых социально-политических конфликтов. «Настоящая статья, провозглашая принцип всеобщего равенства граждан перед законом, отмечает особо, как подлежащее упразднению, два главные вида существующего в России до настоящего времени неравенства прав, а именно: сословные различия (ограничение прав крестьян и, вообще, податных сословий сравнительно с сословиями привилегированными; особые преимущества личных и потомственных дворян) и ограничения прав, налагаемые на лиц, принадлежащих к известному вероисповеданию»², – указывается в приведенном ниже пояснении к статье. Стоит заметить, что утверждаемый принцип находит последующее отражение в других положениях предлагаемого проекта, в частности, в статье 21, касающейся юридической ответственности властвующих субъектов: «Должностные лица за нарушение прав граждан подлежат гражданской и уголовной ответственности на общем основании, причем для привлечения их к суду не требуется согласия их начальства»³.

Приведенная норма дополняет ряд положений, посвященных гарантиям реализации принципа законности. Желая распространить господство закона не только на правовую, но и на политическую сферу жизни общества, дореволюционные юристы включают в содержание проекта «русской конституции» положение о присяге «в соблюдение и охранении Основного Государственного Закона», которую обязан принести каждый император при

¹ Там же. С. 3.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 8.

вступлении на российский престол. «Присяга монарха на верность конституции представляет собой одну из дополнительных гарантий законности управления»¹, – отмечают составители документа в пояснениях к статье 25.

В целях реализации принципа законности авторы проекта настаивают на переустройстве судебной системы в соответствии с принципами формального равенства и демократизма. Согласно содержанию статей 71, 72 и 73, законность при отправлении правосудия гарантируется независимостью и несменяемостью судей, а также возможностью привлечения к участию присяжных заседателей, состав которых формируется без каких-либо цензов. «Установив в статьях 71-73 принципы разделения судебной и административной властей и несменяемости судей и признав обязательность суда присяжных для тех дел, в которых гарантия отсутствия давления от исполнительной власти особенно нужна, настоящий проект счел нужным предусмотреть классовый или сословный характер юстиции... По проекту в списки присяжных заседателей должны заноситься лица без различия их происхождения, имущественного и общественного положения. Таким образом, суд присяжных должен быть действительно судом народным»², – разъясняют авторы.

Содержание «Основного Государственного Закона Российской империи» красной нитью пронизывают принципы гуманизма и демократизма, реализуемые посредством закрепления гражданских и политических прав³. В объяснительной записке, прилагаемой к разработанному документу, авторы заявляют о необходимости смещения вектора правовой политики с интересов государства на охрану законных интересов личности. «Нигде отсутствие прав человека и гражданина не чувствовалось с такой болезненной остротой, нигде между общественным самосознанием и теми формами жизни, в которых общество принуждено жить, не создалось такого полного раздела, как именно в

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 27.

³ Грязнова Т. Е., Бучакова М. А. Проблемы и перспективы конституционализма в России: взгляд отечественных юристов рубежа XIX–XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 1. С. 60.

России. Поэтому декларация прав человека, признание принципов свободы совести, слова, собраний и союзов необходимо должны войти в состав русской конституции, являясь истинным выражением самых глубоких, наиболее выстраданных потребностей и нужд русского человека»¹, – констатируется в документе.

Достоинством предлагаемого конституционного проекта является прогнозирование проблем, которые могут быть вызваны введением института народного представительства в стране, где подавляющее число населения определенно не отличается высоким правосознанием и не имеет навыков цивилизованной парламентской работы. «Политические страсти могут ослеплять народных представителей, увлекать их на путь издания законов, противоречащих принципу личной неприкосновенности и ограничивающих свободу совести, слова и собраний»², – справедливо отмечается в объяснительной записке к проекту. Минимизацию законотворческих рисков юристы связывают с учреждением Верховного Суда, назначение которого заключается в проверке законности действий и решений высших государственных органов, в том числе органов законодательной власти.

Руководствуясь идеей о разделении властей, авторы проекта позиционируют Верховный Суд в качестве особой конституционной юстиции, функционирующей отдельно от Правительствующего Сената, которому отводилась роль высшей кассационной инстанции. Такой подход объясняется «традиционными отношениями формального подчинения» между Сенатом и исполнительной властью, создающими угрозу воспрепятствования реализации конституционных норм³.

Как видим, в проекте «Основного государственного Закона Российской империи» 1905 года находят воплощение основные результаты теоретических

¹ *Основной государственный Закон Российской империи: проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения»* / [предисл. ред. «Освобождения» П. Струве]. Париж, 1905. С. 47.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 29.

исследований либеральных правоведов, в том числе П. И. Новгородцева и Б. А. Кистяковского, принявших непосредственное участие в разработке данного документа. Примечательно, что категория «принцип права», имеющая целый ряд синонимов во второй половине XIX века, в первые годы XX столетия в рамках законотворческой работы становится общепризнанной. Рассматривая принципы формального равенства, законности, гуманизма и демократизма не только как доктринальную основу конституционных преобразований, но и как ключевые императивы практической деятельности, авторы документа настаивают на их обязательной позитивизации в высшем нормативном правовом акте государства. «Для того, чтобы возвести эти основные принципы гражданского общежития в высшие начала законодательной и административной жизни страны, полезно поставить их в качестве конституционных норм, перед которыми должна остановиться и воля законодательного собрания»¹, – подчеркивается в проекте.

Мысль о закреплении общеправовых принципов в виде юридических норм нашла свое отражение в конституционном проекте С. А. Муромцева, составленном при участии Ф. Ф. Кокошкина. Комментируя основные положения данного документа, современный исследователь А. Н. Медушевский констатирует его явно выраженную практико-ориентированность, что позволило современникам воспринять данный проект «Основного закона Российской империи» в качестве перспективной программы эволюции самодержавия в правовое государство². При этом важно, что С. А. Муромцев решительно отрицает необходимость даже частичного заимствования западных политико-правовых институтов, настаивая на самодостаточности отечественного либерализма, ценности и идеи которого отвечают реалиям России³.

¹ Там же. С. 48.

² Медушевский А. Н. Конституционный проект С. А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М., 1996. С. 173.

³ Там же. С. 175.

Привлекательность рассматриваемого конституционного проекта обуславливает и предостережение С. А. Муромцева от кардинальных изменений действующего законодательства, о необходимости которых заявлялось в предшествующей программе «Союза освобождения». В первую очередь необходимо обеспечить господство закона в жизни российского общества, и лишь потом приступить к последовательному согласованию содержания нормативных актов с принципами нового политико-правового режима – убежден автор.

Соответственно ведущее значение в содержании проекта получает принцип законности. «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, издаваемых в порядке, сим основным законом установленном»¹, – утверждает в первой статье. Этот принцип детализируется в каждом из положений раздела «О законах», а также в отдельных статьях последующих разделов, регламентирующих основания ограничения прав российских граждан, вопросы функционирования Государственной Думы и порядок привлечения должностных лиц к юридической ответственности. С. А. Муромцев, комментируя предлагаемые изменения, подчеркивает, что по сути «во главу проекта поставлен (лишь в новом его выражении) принцип верховенства закона в области государственного управления, то есть тот же самый принцип, который лежит в основании ныне действующих основных законов (статья 47-я); центр тяжести нового порядка сведен не к вопросу об ограничении власти императора, а к вопросу о правах Государственной Думы и об ответственности перед нею высших представителей бюрократии – министров»².

О стремлении укрепить законность государственного управления свидетельствует второй раздел конституционного проекта, посвященный правам российских граждан. В данной части документа реализуются сразу три

¹ *Основной Закон* // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. Приложение первое. М., 1911. С. 385.

² *Записка* С. А. Муромцева о первом и втором Общеземских съездах. ГАРФ. Ф. 575. Д. 8. Л. 3-5.

основополагающих принципа – гуманизм, демократизм и формальное равенство, на фундаменте которых С. А. Муромцев базирует концепцию личных и политических прав человека, не зависящих от национальной, социальной, конфессиональной или какой-либо иной принадлежности. «Все российские граждане, не взирая на различие их племенного происхождения, веры или сословного положения, в отношении их политических и гражданских прав равны перед законом»¹, – провозглашается в 16 статье проекта «Основного закона Российской империи».

Помимо конституционного закрепления политических прав, проект подробно регламентирует порядок учреждения и функционирования органа народного представительства – Государственной Думы, причем принцип демократизма носит умеренно-центристский характер. Объем раздела, посвященного вопросам политической активности населения, существенно превосходит остальные части документа. Однако содержание статей не предусматривает делегирования народу властных полномочий, а лишь предоставляет гражданам возможность участия в решении вопросов государственного значения наряду с монархом. «Государственная Дума образуется собраниями доверием народа облеченных, избранных от населения лиц, призываемых сим избранием к участию в осуществлении законодательной власти и в делах высшего государственного управления»², – указано в статье 36.

Тем не менее принцип демократизма позиционируется автором преобразовательной программы в качестве основы политико-правового развития России. Следствием его конституционного провозглашения, по мнению С. А. Муромцева, должен стать новый избирательный закон, детализирующий данный принцип. Так, основные положения соответствующего законопроекта, подготовленного одновременно с текстом «Основного закона Российской империи», закрепляют: модернизированную процедуру выборов, производимых по законодательно утвержденным

¹ *Основной Закон* // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. Приложение первое. М., 1911. С. 386.

² Там же. С. 388.

избирательным округам большинством голосов избирателей; обеспечение независимости выборов от администрации; общественный контроль над их проведением и определением результатов, публичность и гласность в работе избирательных комитетов и юридическое оформление их прав и обязанностей¹. Закономерным также представляется внесение в Государственную Думу законопроектов «О печати» (в числе авторов – П. И. Новгородцев, М. М. Ковалевский, С. А. Котляревский и Г. Ф. Шершеневич), «О собраниях» и «О союзах» (разработаны при участии Г. Ф. Шершеневича и П. И. Новгородцева), регламентирующих порядок внепарламентского воздействия российских граждан на органы верховной власти².

В целом общепартийные взгляды в рассматриваемой части программы преобразований российского государства отражает высказывание А. А. Корнилова: «Все для народа и через посредство самого народа». Будучи секретарем Центрального комитета конституционно-демократической партии, он провозглашает демократизм «общим руководящим и объединяющим принципом, имеющим перед собой общие высокие и, если не вечные, то далеко лежащие цели», сводящиеся к реализации демократических начал в политическом и социальном строе страны³.

Рассмотренные законопроекты – не единственные акты законотворческой инициативы, задачей которых является утверждение общеправовых принципов в качестве основы российской системы права. Закрепляя в тексте «Основного государственного закона Российской империи» положения, отражающие, наряду с демократическими началами, принципы законности, гуманизма и формального равенства, юристы ставят вопрос о разработке специальных нормативных актов, конкретизирующих их содержание в процессе правового регулирования.

¹ *Избирательный Закон* // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. Приложение первое. М., 1911. С. 402-406.

² *Законодательные проекты и предложения Партии народной свободы 1905–1907 гг.* / под ред. Н.И. Астрова [и др.]. СПб., 1907. С. 15-32.

³ *Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.* В 3-х т. Т. 1. М., 1905-1907 гг. С. 267.

В рамках первого созыва Государственной Думы кадетская партия представляет к обсуждению законопроект «Об обеспечении действительной неприкосновенности личности», требующий качественной переработки значительного объема правового материала. Для предварительной разработки документа была создана комиссия из 15 депутатов, в числе которых – М. М. Ковалевский, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский и П. И. Новгородцев. Уже название документа свидетельствует о стремлении его авторов преодолеть декларативный характер юридических норм, охраняющих человека от разного рода посягательств, и создать условия для фактической реализации принципов законности и гуманизма, прежде всего, в деятельности государственных органов и должностных лиц. «Если вы рассмотрите наш законопроект, вы увидите, что весь он исходит из одной общей мысли – мысли, которая состоит в том, чтобы создать неприкосновенность личности и, вместе с тем, обеспечить ответственность власти»¹, – акцентирует внимание П. И. Новгородцев. Символично, что именно ему поручается презентация данного законопроекта на пленарном заседании: в трудах П. И. Новгородцева вопросы правовой защиты личности и обеспечения её достойного существования являются центром научных изысканий.

Осознавая значимость документа, который должен был удовлетворить давно назревшую потребность юридической защиты подданных, авторы подчеркивают исключительную роль законопроекта уже в первых абзацах пояснительной записки: «Россия впервые вступает на путь развития начал правового государства в строгом смысле этого слова. Конституционной строй у нас ещё только устанавливается. При таких условиях основной задачей законодательной власти, призванной к обновлению русского государственного строя, является утверждение начал права в отношениях власти к отдельным лицам»².

¹ *Стенографические отчеты* / Гос. Дума. 1906 г. Сессия 1-я. Т. 1: Заседания 1–18 (с 27 апреля по 30 мая). СПб., 1906. С. 296.

² *Законодательные проекты и предложения Партии народной свободы 1905–1907 гг.* / под ред. Н.И. Астрова [и др.]. СПб., 1907. С. 34.

Значительная часть законопроекта посвящается усовершенствованию правоприменительной деятельности в процессе реализации мер административно-правового и уголовно-правового воздействия, ставящих человека в особенно уязвимое положение. В частности, уже в первой статье утверждается императив, запрещающий привлечение к юридической ответственности без соответствующего решения суда. Данное положение, по мысли авторов законопроекта, должно повлечь изменения в отраслевом законодательстве, долженствующем гарантировать реализацию принципов гласности, состязательности и законности судопроизводства, где последнее сопровождается закреплением права на обжалование судебных решений в вышестоящие инстанции¹.

Наряду с П. И. Новгородцевым, избранным основным докладчиком, на необходимости принятия законопроекта «Об обеспечении действительной неприкосновенности личности» настаивали и другие члены комиссии. М. М. Ковалевский, подчёркивая, что «этот законопроект отвечает действительным потребностям и вполне удовлетворяет назревшим нуждам общества»², утверждает, что для установления подлинно конституционного строя именно суд должен встать на защиту личности. «Я поддерживаю этот законопроект не только потому, что он подчиняет администрацию судебному контролю, – высказывается он, – но и потому, что им весьма ясно сознана та истина, что недостаточно провозгласить принцип неприкосновенности личности и сохранить право высшего начальства позволять или не позволять привлечение к суду подчиненных им органов»³. Речь М. М. Ковалевского свидетельствует о том, что внимание комиссии сосредоточено как на создании законопроекта, возводящего достоинство и неприкосновенность личности на уровень ключевой ценности государства, так и на разработке гарантий

¹ *Степина М. И.* Принцип неприкосновенности личности в законотворчестве Государственной Думы Российской империи // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 4. С. 268.

² *Стенографические отчеты* / Гос. Дума. 1906 г. Сессия 1-я. Т. 1: Заседания 1–18 (с 27 апреля по 30 мая). СПб., 1906. С. 361.

³ Там же.

реализации принципов гуманизма и законности в правоприменительной деятельности. С. А. Котляревский, во многом соглашаясь с М. М. Ковалевским, заключает: «Действительно, весь опыт политической и конституционной истории показывает нам, что обеспечение личности целиком покоится на системе гарантий, так сказать – на системе установления ответственности должностных лиц тогда, когда они нарушают неприкосновенность личности»¹.

П. И. Новгородцев в своём выступлении неоднократно высказывается в пользу масштабных изменений всего действующего законодательства в части, касающейся прав и свобод российских граждан, ссылаясь на принцип гуманизма как на идейную основу нормативных актов в государстве. «Мы прекрасно осознаем, что это не есть работа одного дня, мы прекрасно видим, что та неправда, которая накоплялась в России веками, не может быть вычеркнута одним почерком пера, – констатирует он, предвосхищая возражения оппозиционно настроенных депутатов. – Мы должны захватить всю область законодательства, которая противоречит нашим принципам, затронуть все законы, которые противоречат принципу неприкосновенности личности»².

О поддержке идей П. И. Новгородцева в партийной среде свидетельствует разработка и предложение законопроектов «Об отмене смертной казни» и «Об отмене военно-полевых судов», поскольку данный вид наказания, равно как и институт чрезвычайного судопроизводства, расценивается отечественными либералами в качестве главной угрозы гуманизации правовой политики в государстве³. Сосредоточение внимания депутатов на судопроизводстве обусловлено также тем, что потенциальная угроза личности, которую несли в себе организация и отправление правосудия на рубеже XIX–XX вв., противоречат принципу справедливости. Отметим, что по оценке И. А. Исаева, масштабы допускаемого со стороны государства

¹ Там же. С. 366.

² Там же. С. 317.

³ Законодательные проекты и предложения Партии народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н.И. Астрова [и др.]. СПб., 1907. С. 268, 280.

произвола выходили за рамки сложившихся в обществе представлений о законности и соразмерности назначения наказаний¹.

Согласно авторам документа, исключение смертной казни из перечня уголовных наказаний Российской империи продиктовано как устареванием и неэффективностью санкции, так и количеством судебных ошибок, допускаемых несмотря на неотвратимость последствий. «По идее своей являясь самой крайней формой наказания, применяемой в редких случаях, с соблюдением всех гарантий судебного производства, она фактически весьма легко вырождается в массовое убийство..., поражающее огромное количество жертв, виновность которых часто не установлена с надлежащей точностью»², — отмечается в объяснительной записке к законопроекту.

Проект закона «Об отмене военно-полевых судов» разрабатывается во исполнение провозглашенной в партийной программе недопустимости назначения и исполнения наказания «без вошедшего в законную силу приговора компетентного суда»³. Данные звенья судебной системы признаются депутатами «противоречащими народному правосознанию и началам гуманности и справедливости»⁴, представляются к упразднению также в силу отсутствия стадии предварительного следствия, юридического представительства сторон и возможности пересмотра решений⁵.

Еще более объемной и предметной является работа конституционно-демократической партии относительно нормативного закрепления принципа формального равенства, в которой главным спикером избирается Ф. Ф. Кокошкин. Правовед критически оценивает состояние действующего в имперской России законодательства, констатируя, что оно «насквозь пропитано

¹ *Исаев И. А.* Политико-правовая утопия в России (конец XIX — начало XX в.). М., 1991. С. 100.

² *Законодательные проекты и предложения Партии народной свободы 1905-1907 гг.* / под ред. Н.И. Астрова [и др.]. СПб., 1907. С. 269.

³ Там же. С. 270.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ Там же. С. 290.

принципом неравенства», препятствующего реализации гражданских и политических прав и свобод¹.

В целях преодоления сложившейся ситуации отечественные либералы разрабатывают проекты сразу нескольких нормативных актов, получивших общее название законов «О гражданском равенстве». «Гражданское неравноправие так глубоко проникло во все части нашего законодательства и охватило в такой мере все сферы жизни, что устранение его путём единого законодательного акта представляется невозможным»², — указывается в пояснительной записке к документу. Сложность и многоаспектность разрабатываемых законопроектов обусловила внушительный численный состав комиссии, в работе которой в той или иной мере приняли участие П. И. Новгородцев, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский, Г. Ф. Шершеневич и М. М. Ковалевский. За основу планируемой законодательной реформы взята ранее предложенная Ф. Ф. Кокошкиным концепция так называемой «отрицательной» правовой политики, которая предусматривает четыре составляющих: отмену ограничений в отношении крестьянского сословия, женщин, представителей различных национальностей и конфессий, а также ликвидацию привилегированного положения дворянства³.

Лейтмотивом преобразований становится тезис, сформулированный в пояснительной записке к проекту закона «Об отмене ограничений в политических и гражданских правах, связанных с вероисповеданием и национальностью»: «Одним из главных условий, гарантирующих гражданскую свободу на началах законности, является равенство в правах и обязанностях всех граждан перед законом... Действительная законность, устранение произвола исполнительных органов власти возможны только при проведении в

¹ Из думских отчетов. Речи Ф. Ф. Кокошкина (Партии народной свободы). СПб., 1907. С. 40.

² Законодательные проекты и предложения Партии народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н.И. Астрова [и др.]. СПб., 1907. С. 3.

³ Кокошкин Ф. Ф. Гражданская свобода как понятие государственного права // Сб. правоведения и обществен. знаний: труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. М., 1898. Т. 8. С. 228–230.

жизнь принципа равенства всех граждан»¹. Руководствуясь изложенным, авторы документа настаивают на отмене всех действующих законов, распоряжений и постановлений, которые устанавливают ограничения относительно личной неприкосновенности, свободы слова и печати, избрания места жительства или профессии либо препятствуют доступу к образованию, участию в государственном и местном управлении, вступлению в собрания и союзы.

Продолжением мер, направленных на реализацию принципа формального равенства, является проект закона «О свободе совести», в разработке которого приняли участие С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, М. М. Ковалевский и Ф. Ф. Кокошкин. Формулируя цель предлагаемого нормативного акта, авторы в очередной раз отмечают декларативность действующих положений, предусматривающих юридическую защиту личности от дискриминации по религиозному признаку: «Основным государственным законам Российской империи принцип свободы совести не чужд... однако этот великий принцип не нашел себе осуществления в законодательных нормах и, тем более, в практике государственного управления»². Несмотря на свою лаконичность, данный законопроект затрагивает широкую сферу общественных отношений, постулируя равенство представителей всех конфессий в области гражданских и политических прав. Наряду с указанным, документ предусматривает свободу в выборе религии и проведении религиозных обрядов, утверждает запрет на обусловленное вероисповеданием уклонение от исполнения гражданских и политических обязанностей, а также закрепляет требование о дополнительной правовой регламентации процедур ведения актов гражданского состояния и преподавания вероучений. «Эти узаконения не должны противоречить началам свободы и равенства вероисповеданий»³, – подчеркивается в заключительной статье проекта.

¹ Законодательные проекты и предложения Партии народной свободы 1905–1907 гг. / Под ред. Н.И. Астрова [и др.]. СПб., 1907. С. 5-6.

² Там же. С. 7-8.

³ Там же. С. 12.

Наряду с изложенным реализация принципа формального равенства предполагала внесение в отраслевое законодательство изменений, выражающихся, прежде всего, в упразднении суда судебной палаты с участием сословных представителей. «Не говоря о том, что эта мера соответствует выраженному уже Государственной Думой желанию ныне же упразднить все сословные привилегии и преимущества, она представляется крайне неотложной главным образом потому, что, по общему правилу, именно эта форма суда является наименее удовлетворительной с точки зрения начал независимости и беспристрастия»¹, – объясняется в заявлении проекта «Об изменении законов о судеустройстве и судопроизводстве».

Стоит заметить, что в оценке современных исследователей рассмотренные законопроекты квалифицируются не как законодательная инициатива, а скорее как декларация, провозглашающая в самом общем виде будущие направления законодательной работы². Подобные настроения прослеживаются и в высказываниях самого Ф. Ф. Кокошкина, который в столкновениях с оппозицией ссылается на пролонгированный характер вносимых предложений. «Мы должны, прежде всего, выставить принцип равноправия незыблемо, а потом вывести логические последствия с той быстротой, которые допускают технические условия»³, – объясняет правовед.

Безусловную ценность представляют данные Ф. Ф. Кокошкиным разъяснения относительно отдельных аспектов проецирования принципа формального равенства на правопорядок монархической России. Во-первых, правовед выступает решительно против предложений об отмене привилегий с сохранением сословной структуры общества, аргументируя это тем, что при их ликвидации необходимость в подобной социальной дифференциации отпадает

¹ Законодательные проекты и предложения Партии народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н.И. Астрова [и др.]. СПб., 1907. С. 244.

² Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе (1906-1917 гг.). М., 2005. С. 178; Неверова О. С. Гражданское равенство в государственно-правовой теории Ф. Ф. Кокошкина // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. № 38. С. 84.

³ Из думских отчетов. Речи Ф. Ф. Кокошкина (Партии народной свободы). СПб., 1907. С. 81.

сама собой. Во-вторых, говорить о равенстве прав личности, по мысли автора, допустимо лишь в контексте ее политико-правовой связи с государством, без вмешательства в «права языков и автономий», поскольку «это не права отдельных граждан как таковых, это – принадлежащие целой группе известной национальности, живущей компактно на определенной территории»¹. В-третьих, Ф. Ф. Кокошкин воздерживает от избирательности в вопросе о равенстве, демонстрируя закономерное искажение данного принципа в иллюстративном примере: «Если кто-нибудь скажет: “я крестьянин и хочу уравнивания в правах с другими гражданами, но я русский и не хочу отказываться от привилегий русского” – этот человек уничтожает принцип, во имя которого требует равенства для себя!»². Иными словами, в авторских комментариях формальное равенство приобретает значение не только общеправового принципа, но и самостоятельного правового института, выступающего неотъемлемой частью прогрессивного государства.

Как видим, каждый из законопроектов направлен на установление справедливого правового порядка, который, как подчеркивает Т. Е. Грязнова, в воззрениях правоведов либерального толка предполагает обеспечение государством формального равенства граждан, неприкосновенность личности, гарантию незыблемости её прав и свобод, а также доступ к независимому, беспристрастному, основанному на законе правосудию³.

В рамках законотворческой деятельности представители конституционно-демократической партии, независимо от избранного подхода к пониманию права, позиционируют принципы как руководящие юридические нормы, утверждающие императивы правового регулирования в государстве.

¹ Кокошкин Ф. Ф. Гражданская свобода как понятие государственного права / // Сб. правоведения и обществен. знаний: труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. М., 1898. Т. 8. С. 242.

² Клушин А. Г. Общественно-политическая деятельность Ф. Ф. Кокошкина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2000. С. 19.

³ Грязнова Т. Е. Принципы права в интерпретации российских либеральных юристов конца XIX – начала XX века // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 134.

Рассматривая в качестве источника норм-принципов Основной закон государства (конституцию), авторы как формулируют их в виде самостоятельных положений («Все русские граждане равны перед законом» – принцип формального равенства в конституционном проекте «Союза освобождения»; «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, издаваемых в порядке, сим основным законом установленном» – принцип законности в проекте Основного закона Российской империи С. А. Муромцева), так и наполняют ими содержание отдельных статей, регламентирующих вопросы государственного значения.

Наряду с этим общеправовые принципы детализируются в самостоятельных нормативных актах, направленных на качественное преобразование отечественной системы права. Так, в целях реализации принципа демократизма создается проект нового избирательного закона, а также разрабатывается ряд нормативных актов, касающихся отдельных политических прав – «О печати», «О собраниях» и «О союзах». Принцип гуманизма положен в основу законопроекта «О действительной неприкосновенности личности», а также реализуется в совокупности с принципом справедливости в проектах законов «Об отмене смертной казни» и «Об отмене военно-полевых судов», предусматривающих реорганизацию порядка отправления правосудия и усиление мер юридической ответственности должностных лиц за нарушение прав и свобод человека. Принцип формального равенства конкретизируется в законопроектах «Об отмене ограничений в политических и гражданских правах, связанных с вероисповеданием и национальностью», «О свободе совести», «Об изменении законов о судеустройстве и судопроизводстве», призванных исключить из политико-правовой сферы российского общества сословные привилегии и дискриминацию граждан.

Таким образом, ранее осмысленный в учениях правоведов регулятивный характер принципов права в законотворческой практике начала XX века находит воплощение в регулятивной функции юридических норм. Используя в

актах проекционного законотворчества как прямой, так и косвенный способы их изложения, юристы представляют принципы права в качестве императивов, устанавливающих критерии правомерности всех принимаемых нормативных актов в государстве и обладающих высшей юридической силой в правовом регулировании общественных отношений.

Подводя итоги главы в целом, отметим, что интерес к проблеме принципов права либеральных правоведов второй половины XIX – начала XX вв. имеет не только теоретический характер, но и ярко выраженную практическую направленность.

Авторы связывают эффективность правового регулирования с вариативностью сочетания принципов права. Взаимодействие принципов права представляет систему, где функционирование одного элемента тесно связано со степенью реализации другого. Данный подход предусматривает максимальное воплощение принципов законности, гуманизма, справедливости, формального равенства и демократизма в правовой системе Российской империи. В то же время он служит основой формулирования отраслевых принципов, представляющих собой детализацию общеправовых начал сообразно специфике определенной группы общественных отношений.

Конкуренция принципов права проистекает из их иерархии, что четко прослеживается при выявлении пробелов в законодательстве. В решении вопроса о доминанте законности и справедливости определяющую роль играет тип правопонимания авторов: сторонники естественно-правового и социологического подходов (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, С. А. Муромцев и Б. А. Кистяковский) отдают приоритет принципу справедливости, приверженцы юридического позитивизма (Г. Ф. Шершеневич и И. А. Покровский) настаивают на законности, исключая возможность правоприменительного усмотрения.

В данном контексте особого внимания заслуживают взгляды М. Н. Капустина: сущность и назначение позитивного права он раскрывает исходя из принципов справедливости и формального равенства, а его развитие

связывает с утверждением принципов законности, гуманизма и разумности, обеспечивающих безболезненный переход к наиболее совершенному правопорядку. Эффективность правового регулирования ставится автором в зависимость от степени реализации указанных императивов, – дополнение принципов гарантирует максимальную упорядоченность общественных отношений, а их конкуренция способствует устранению пробелов в законодательстве.

Позиционируя принципы права в качестве основы развития отечественной системы права, юристы наделяют их преобразовательной функцией, реализация которой может выражаться как в совершенствовании существующих, так и в возникновении новых отраслей.

Теоретические исследования авторов второй половины XIX – начала XX вв. являются также основой конституционных проектов преобразований политико-правового режима России в начале XX века: принципы законности, гуманизма, формального равенства и демократизма получили содержательное отражение в проекте Основного Закона государства. Представления авторов о системности принципов права подчеркиваются в проектах нормативных правовых актов, инициируемых депутатами конституционно-демократической партии в целях детализации конституционных принципов в различных сферах жизнедеятельности российского общества. Тот факт, что ранее разработанные правоведами принципы-идеи в рамках проекционного законотворчества закрепляются как принципы-нормы, свидетельствует о рассмотрении формальной определенности принципов права в качестве необходимого условия их практической реализации.

Осуществляя научный поиск решения проблем, стоящих перед российским обществом второй половины XIX – начала XX вв., сквозь призму принципов права, юристы разрабатывают не только их понятийную, содержательную, но и функциональную сторону. Проецируя преобразовательный потенциал принципов права на отдельные аспекты правотворчества, правореализации и правоприменения, либеральные правоведы

вносят серьезный вклад в развитие отечественной юридической науки в вопросах, связанных с отраслеобразованием, преодолением пробелов в законодательстве, реализацией правоприменительного усмотрения и повышением эффективности правового регулирования. Апеллируя к принципам права при обосновании масштабной правовой реформы начала XX в., мыслители подчёркивают их фундаментальное значение для политико-правового режима государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научный интерес к принципам права в российской юридической мысли второй половины XIX – начала XX вв. связан с поиском легитимных способов совершенствования правопорядка. Свойственный либерализму реформистский путь перехода к наиболее предпочтительному политико-правовому режиму обусловил взгляд на принципы права как лейтмотив желаемых преобразований.

Защиту личности от абсолютистского произвола и преодоление неравенства в правовом положении российских подданных юристы, независимо от избранного подхода к пониманию права, связывают с провозглашением принципов гуманизма, законности, формального равенства, справедливости и демократизма. В числе признаков названных принципов-идей мыслители выделяют учредительный характер, прямое действие, регулятивность и устойчивость содержания. Воплощаясь в принципы-нормы, они отражают, наряду с изложенным, и признак формальной определенности.

Стадия становления понятийного аппарата юридической науки, а также присущее сторонникам юснатурализма стремление подчеркнуть возвышенность естественного права (в противовес праву позитивному) объясняет многообразие и специфику употребляемых терминов – «общие начала права», «система общих юридических норм», «постоянные элементы права», «нравственные требования», «нормы правоубеждения» и других, в сущности, выступающих синонимами. Исключение составляет П. И. Новгородцев, который наряду с типичными для данного подхода формулировками использует термин «принцип», понимая под ним воспринятое законодателем и воспроизведенное в положениях нормативного акта нравственное требование естественного права.

Большая в сравнении с естественно-правовым подходом сосредоточенность на формальной стороне правопорядка, а также упор на творческий потенциал юридической науки отразились на понятийном аппарате представителей социологического и юридического позитивизма:

С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский, Ф. Ф. Кокошкин, Г. Ф. Шершеневич, С. В. Пахман и М. Н. Капустин в своих рассуждениях активно используют термин «принцип», прочно закрепляя его в научном обороте.

Специфика избранного подхода к пониманию права проявляется в трактовке источника принципов права, их интерпретации, характеристике отдельных принципов права и выстраивании координационных и субординационных связей.

Отождествление принципов с требованиями естественного права обуславливает господствующее положение начал свободы, гуманизма и справедливости в учениях Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, В. М. Гессена, С. А. Котляревского и Е. Н. Трубецкого, где принципы права – ценностные ориентиры такого правового регулирования, при котором функционирование государственных и общественных институтов направлено на обеспечение достойного существования личности. Связь принципов права с общественным правосознанием, демонстрируемая С. А. Муромцевым, Б. А. Кистяковским, Ф. Ф. Кокошкиным и Н. М. Коркуновым, позволяет определить их как базируемые на идее социальной справедливости и воплощенные в законодательстве основы идеального правопорядка. Рассмотрение политико-правовых процессов сквозь призму законности формирует в трудах Г. Ф. Шершеневича, Н. К. Ренненкампа и С. В. Пахмана взгляд на принципы права как на руководящие юридические нормы, разработанные теоретико-правовой наукой в целях учреждения императивов правового регулирования и закрепления приоритетов наиболее прогрессивной правовой политики в государстве.

В трактовке принципа гуманизма всех правоведов объединяет мысль о необходимости законодательного закрепления механизма правовой защиты личности, который гарантирует каждому человеку беспрепятственную реализацию прав и законных интересов. Данный подход обуславливает общность во взглядах при интерпретации принципа законности, выражающегося в неукоснительном соблюдении действующих юридических

норм всеми субъектами права, в том числе – представителями публичной власти.

Иначе складывается ситуация вокруг принципа справедливости, на интерпретацию которого значительное влияние оказывает не только избранный автором подход к пониманию права, но и область общественных отношений, на которую проецируется его действие.

В социологической юриспруденции справедливость трактуется как в широком, так и в узком смыслах. Так, С. А. Муромцев и Б. А. Кистяковский позиционируют справедливость в роли критерия нравственной оценки права, концентрирующем ключевые ценности общества – незыблемость прав и свобод личности, беспрепятственный доступ каждого гражданина к основанному на законе правосудию и социально-экономическим благам.

Наряду с этим мыслители рассматривают справедливость как общеправовой принцип. Б. А. Кистяковский, сосредотачиваясь на правотворчестве, связывает реализацию принципа справедливости с установлением равенства правовых возможностей, которое при общем расширении прав личности требует отдельного внимания к правосубъектности слабозащищенных категорий населения. С. А. Муромцев, анализируя правоприменительный процесс, пишет об индивидуализации права, которая способствует всеобъемлющему изучению обстоятельств юридического дела для принятия наиболее справедливого решения. Н. М. Коркунов, принимая во внимание препятствия, возникающие в ходе правореализации граждан, раскрывает справедливость как воздаяние, предполагающее восстановление нарушенных прав потерпевшего и ограничение личной свободы лица, допустившего противоправное посягательство.

Сторонники естественно-правового подхода принцип справедливости проецируют как на правотворческую, так и на правоприменительную деятельность, акцентируя внимание на его тесной связи с принципом гуманизма. Понимая под справедливостью требование о признании за каждым человеком равного достоинства и свободы, Б. Н. Чичерин выделяет ряд

императивов данного принципа, в числе которых: беспристрастность при разрешении юридических споров между гражданами; восстановление прав личности, нарушенных в результате противоправных действий; привлечение к ответственности виновного лица исключительно в результате всестороннего рассмотрения юридического дела при условии независимости, несменяемости и неприкосновенности судей. Названные императивы дополняет требование В. М. Гессена об установлении уголовной и административной ответственности для должностных лиц, соразмерной допущенному нарушению личных прав отдельного гражданина.

В отличие от сторонников естественно-правового и социологического подходов представители юридического позитивизма рассуждают о принципе справедливости лишь в контексте усовершенствования законотворческого процесса, связывая его реализацию с индивидуализацией правового регулирования.

Тип правопонимания авторов влияет на интерпретацию принципа формального равенства. Основой осмысления данного принципа адептами естественно-правового подхода является убеждение о непреложной ценности каждого человека. Принимая во внимание уязвимость подавляющей части населения в правовой и социально-экономической сферах, мыслители утверждают принцип формального равенства связывают с признанием за каждым равного достоинства, прав и свобод, обеспечивающих беспрепятственный доступ к благам и гарантирующих судебную защиту законных интересов личности независимо от её социально-экономического положения.

Похожую позицию среди юристов-социологов выражают Б. А. Кистяковский и М. М. Ковалевский, которые принцип формального равенства рассматривают в качестве условия формирования стабильного среднего класса. Несколько иначе мыслит Н. М. Коркунов: усматривая в данном принципе возможность удовлетворения внутренней потребности

человека быть уверенным в своей юридической защите, автор интерпретирует формальное равенство как гарантию правомерного поведения граждан.

Представители юридического позитивизма (за исключением М. Н. Капустина) рассматривают формальное равенство в качестве императива принципа законности и определяют данный принцип через всеобщую обязанность подчиняться законам и нести ответственность перед судом безотносительно к социальному статусу.

Разную степень теоретического обоснования в трудах юристов дореволюционного периода получает принцип демократизма. Рассматривая вовлеченность в политические процессы в числе неотъемлемых прав личности, сторонники естественно-правового подхода интерпретируют данный принцип как основополагающее начало права, гарантирующее каждому человеку возможность принимать участие в создании условий для своего достойного существования как непосредственно – через реализацию политических прав, так и опосредованно, с помощью органа народного представительства. Несмотря на то, что Б. Н. Чичерин идею о прирожденности политических прав не разделяет, он вместе с тем поддерживает коллег в вопросе о преобразовательном потенциале институтов демократии.

Стоит заметить, что сторонники естественно-правового подхода в меньшей степени склонны рассматривать народное представительство в качестве исключительного органа законодательства, позиционируя его как вспомогательный институт, направленный на взаимодействие между населением и субъектами верховной власти.

Иная ситуация складывается в социологической юриспруденции, где Б. А. Кистяковский и Ф. Ф. Кокошкин выступают за обязательную передачу законодательной власти органу народного представительства. Наряду с этим авторы настаивают на всеобъемлющем контроле населения за деятельностью исполнительной и судебной власти, интерпретируя принцип демократизма как основанное на политической свободе вовлечение каждого члена общества в управление делами государства в целях обеспечения и защиты личных прав.

Практически не затрагивается принцип демократизма в учениях представителей юридического позитивизма. Исключение составляют рассуждения Г. Ф. Шершеневича и М. Н. Капустина, в которых данный принцип выступает гарантией соблюдения принципов законности и справедливости.

В рамках теоретического обоснования юристы представляют принципы права как систему взаимодействующих элементов, совокупная реализация которых раскрывается посредством правовосполнительной, преобразовательной и регулятивной функций.

О взаимодополняемости принципов права свидетельствует проводимое авторами их разграничение в зависимости от сферы регулятивного воздействия. Так, общеправовые принципы (гуманизм, законность, формальное равенство, демократизм и справедливость) задают направление всей правотворческой, правореализационной и правоприменительной деятельности в государстве. Из их содержания В. М. Гессен, Н. М. Коркунов и С. В. Пахман выводят отраслевые принципы, конкретизирующие императивы правового регулирования в соответствии со спецификой той области общественных отношений, на которую проецируется их реализация. Вместе с тем взаимосвязь специальных принципов отдельных отраслей права позволяет сгруппировать их и отнести к определенному разделу, что было продемонстрировано в работах Б. Н. Чичерина и И. А. Покровского.

Конкуренция принципов права, тесно связанная с вопросом об их иерархии, актуализируется юристами в контексте проблемы преодоления пробелов в законодательстве, что объясняет сосредоточенность внимания авторов на соотношении законности и справедливости. Характерное для представителей естественно-правового и социологического подходов рассмотрение справедливости в роли преобладающего принципа права определяет ее доминирование над законностью в трудах Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, С. А. Муромцева и Б. А. Кистяковского: авторы допускают отступление от законодательства при выявлении его несовершенств, объясняя

возможность реализации дискреционных полномочий регулятивным воздействием справедливости и других принципов права. Сторонники юридического позитивизма – Г. Ф. Шершеневич и И. А. Покровский – позиционируют законность и справедливость коллизионными принципами, выступая против правоприменительного усмотрения, а М. Н. Капустин и Н. К. Ренненкампф, напротив, настаивают на поиске компромисса, предлагая механизмы взаимодействия между правотворческими и правоприменительными органами.

Отдельным поводом для рефлексии юристов становится преобразовательный потенциал принципов права в контексте развития отечественной системы права. Из рассуждений П. И. Новгородцева, И. А. Покровского, В. М. Гессена следует, что принципы как носители ценностей конкретного общества позволяют выделять отдельные группы общественных отношений, нуждающиеся в защите со стороны государства, способствуя становлению новых отраслей права. В данном случае речь идёт о становлении отрасли права социального обеспечения как закономерном следствии реализации принципа гуманизма и отрасли административно-процессуального права, возникающей в результате совокупного действия принципа законности, гуманизма и демократизма.

В трудах С. А. Муромцева, И. А. Покровского, С. В. Пахмана, Н. М. Коркунова и В. М. Гессена проводится идея об использовании общеправовых принципов как при совершенствовании существующих, так и при детальной разработке зарождающихся отраслей права. В частности, С. А. Муромцев, И. А. Покровский и С. В. Пахман констатируют расширение в отрасли гражданского права предмета правового регулирования, который под воздействием принципа гуманизма дополняется юридической защитой личных неимущественных отношений. С. В. Пахман, проецируя указанный принцип на область гражданских правоотношений, выводит из его содержания ряд отраслевых норм-принципов, закрепляющих равенство участников, беспрепятственную реализацию гражданских прав, неприкосновенность

личности и собственности, судебную защиту и восстановление нарушенных прав. В похожем направлении рассуждают Н. М. Коркунов и В. М. Гессен, детализируя содержание законности, гуманизма и демократизма в принципах отрасли административного судопроизводства — самостоятельности и независимости суда, гласности судебного разбирательства и активной роли суда в административном судопроизводстве.

В работах И. А. Покровского и Б. Н. Чичерина через формулирование принципов, позволяющих соотносить отрасли права с частным и публичным разделами, происходит осмысление метода правового регулирования в качестве дополнительного (по отношению к предмету правового регулирования) критерия структуризации правового материала.

Разработанные идеи находят реализацию в законотворческих проектах юристов, вошедших в состав Государственной Думы I созыва — П. И. Новгородцева, С. А. Котляревского, В. М. Гессена, Б. А. Кистяковского, Ф. Ф. Кокошкина, С. А. Муромцева, Г. Ф. Шершеневича и М. М. Ковалевского. Используя результаты теоретических исследований как основу конституционной программы преобразований, отечественные либералы отражают законность, гуманизм, справедливость, формальное равенство и демократизм в качестве норм-принципов в проекте Основных законов Российской империи. Настаивая на качественных изменениях всей системы законодательства, участники законотворческих комиссий детализируют указанные принципы в каждом вносимом законопроекте.

Таким образом, парламентская деятельность начала XX века, объединившая сторонников различных подходов к пониманию права, позволила сформировать общий взгляд на принципы права как на руководящие юридические нормы, утверждающие императивы правового регулирования.

Полагаем, что выводы, сформулированные в результате проделанной работы, позволяют констатировать актуальность либеральной политико-правовой мысли Российской империи второй половины XIX — начала XX вв. как неиссякаемого источника теоретического и эмпирического материала для

прогрессивного и вместе с тем самобытного развития российского права и государства.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при решении как общетеоретических проблем (отраслеобразования, реализации дискреционных полномочий, судебного правотворчества, оптимизации законотворчества), так и вопросов отдельных отраслевых наук. В качестве перспектив дальнейшего исследования мы видим построение классификации принципов права в отечественной юридической науке второй половины XIX – начала XX вв., а также более подробное изучение взглядов юристов дореволюционного периода на проблемы соотношения принципов международного и национального права, применения принципов права как способа преодоления пробелов в праве и законодательстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Источники

1. *Гессен, В. М.* Возрождение естественного права / В. М. Гессен. – Санкт-Петербург : Типография СПб. общ. Е. Евдокимов, 1902. – 43 с.
2. *Гессен, В. М.* Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 уч. г. в Александровской военно-юридической академии / В. М. Гессен. Санкт-Петербург : Типо-лит. М. Гинсбурга, 1902. – 354 с.
3. *Гессен, В. М.* На рубеже: сборник статей / В. М. Гессен. – Санкт-Петербург : Изд. юрид. кн. склада «Право», 1906. – 352 с.
4. *Гессен, В. М.* О правовом государстве / В. М. Гессен // К реформе государственного строя России. Вып. II. Правовое государство и народное голосование. – Санкт-Петербург : Н. Глаголев, 1906. – 352 с.
5. *Гессен, В. М.* Основы конституционного права / В. М. Гессен. – Санкт-Петербург : Изд. юрид. кн. склада. «Право», 1917. – 439 с.
6. *Гессен, В. М.* Теория правового государства / В. М. Гессен. // Вестник права. – 1905. – Т. 35, кн. 4. – С. 226-272.
7. *Гессен, В. М.* Теория правового государства: статья из сборника «Политический строй современных государств» / В. М. Гессен. – Санкт-Петербург : Касса взаимопомощи студентов Санкт-Петербур. политехн. ин-та императора Петра Великого, 1913. – 68 с.
8. *Гессен, В. М.* Теория конституционного государства: лекции, читанные студентам Эконом. отд. СПб. политехн. института императора Петра Великого / В. М. Гессен. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Типо-лит. И. Трофимова, 1914. – 299 с.
9. *Законодательные проекты и предложения Партии народной свободы 1905-1907 гг.* / под ред. Н. И. Астрова [и др.]. – Санкт-Петербург : тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. – 386 с.
10. *Записка С. А. Муромцева о первом и втором Общеземских съездах* // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 575. – Д. 8. – Л. 3-5.

11. *Из думских отчетов. Речи Ф. Ф. Кокошкина* (Партии народной свободы). – Санкт-Петербург : тип. Буссея, 1907. – 115 с.
12. *Избирательный Закон* // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. Приложение первое. – Москва : М. и С. Сабашниковы, 1911. – 419 с.
13. *Капустин, М. Н.* Теория права: (Юрид. догматика) / [Соч.] Михаила Капустина, [проф. междунар. права в Моск. ун-те]. Т. 1 / М. Н. Капустин. – Москва : Унив. тип. (Катков и К°), 1868. – 352 с.
14. *Капустин, М. Н.* Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина / М. Н. Капустин. – Уч-ще правоведения. – Санкт-Петербург : тип. С.-Петерб. одиноч. тюрьмы, 1893. – 342 с.
15. *Кистяковский, Б. А.* Государственное право (общее и русское) / Б. А. Кистяковский // Философия и социология права. – 1998. – Т. 576. – 798 с.
16. *Кистяковский, Б. А.* Государство правовое и социалистическое / Б. А. Кистяковский // Вопросы философии. – 1906. – Кн. V (85). – С. 469-507.
17. *Кистяковский, Б. А.* Идея равенства с социологической точки зрения / Б. А. Кистяковский // Мир Божий. – 1900. – № 4. – С. 160-169.
18. *Кистяковский, Б. А.* Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений / Б. А. Кистяковский // Жизнь. – 1900. – Т. VI. – С. 127-148.
19. *Кистяковский, Б. А.* Лекции по государственному праву: (Общее и особенное): Прочитаны в Моск. кооп. ин-те в 1908/1909 гг. / Б. А. Кистяковский. – Москва : [б. и.], 1909.
20. *Кистяковский, Б. А.* Наши задачи / Б. А. Кистяковский // Юридический вестник. – 1913. – Кн. I. – С. 3-17.
21. *Кистяковский, Б. А.* Непрерывность правового порядка / Б. А. Кистяковский // Юридический вестник. – 1917. – № 17. – С. 7-11.
22. *Кистяковский, Б. А.* Право как социальное явление / Б. А. Кистяковский // Вопросы права: журнал научной юриспруденции. – 1911. – Т. 2, кн. 8 (4). – С. 104-119.

23. *Кистяковский, Б. А.* Реальность объективного права / Б. А. Кистяковский // Логос : международный ежегодник по философии культуры. – Москва : Мусажет, 1910. – Кн. 2. – С. 197-244.

24. *Кистяковский, Б. А.* Реальность объективного права: критико-методологический этюд Б. Кистяковского / Б. А. Кистяковский. – Санкт-Петербург ; Москва : [б. и.], [19--]. – 47 с.

25. *Ковалевский, М. М.* Политическая программа нового Союза народного благоденствия (речь на собрании членов Клуба независимых). Москва, 14 февраля 1906 г. / М. М. Ковалевский // Политическая программа нового Союза народного благоденствия. Очерк проф. М. Ковалевского. – Санкт-Петербург : Типография акционерного общества «Слово», 1906. – 23 с.

26. *Кокошкин, Ф. Ф.* Гражданская свобода как понятие государственного права / Ф. Ф. Кокошкин // Сборник правоведения и общественных знаний : труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1898. – Т. 8. – С. 228-246.

27. *Кокошкин, Ф. Ф.* Об основаниях желательной организации народного представительства в России / Ф. Ф. Кокошкин. – Москва : Народное право, 1906. – 103 с.

28. *Кокошкин, Ф. Ф.* Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права: конспект лекций, сост. слушателем Н. Невзоровым, под ред. лектора. Вып. 2. / Ф. Ф. Кокошкин. – Москва : О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908. – 155 с.

29. *Кокошкин, Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2004. – 260 с.

30. *Коркунов, Н. М.* Лекции по общей теории права. 9-е изд. (без изм.) / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург : магазин Н. К. Мартынова, 1897. – 354 с.

31. *Коркунов, Н. М.* Русское государственное право. В 2 т. Т. 2: Часть особенная. Изд. 4-е (без существенных перемен) / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – 739 с.

32. *Коркунов, Н. М.* Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. Изд. 6 / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – 617 с.

33. *Котляревский, С. А.* Власть и право: проблема правового государства / С. А. Котляревский. – Москва : Изд. Г. А. Лемана, С. И. Сахарова, Тип. «Мысль» Н. П. Меснянкин и Ко, 1915. – 417 с.

34. *Котляревский, С. А.* Совещательное представительство / С. А. Котляревский. – Ростов-на-Дону : Изд. Н. Парамонова «Донская речь», 1905. – 16 с.

35. *Котляревский, С. А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов [Текст] / С. А. Котляревский ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – Москва : Зерцало-М, 2014. – 340 с.

36. *Муромцев, С. А.* Основы гражданского права / С. А. Муромцев. – Москва : Библиотечный фонд, 1908. – 102 с.

37. *Муромцев, С. А.* Очерки общей теории гражданского права / [Соч.] Сергея Муромцева. Ч. 1 / С. А. Муромцев. – Москва : тип. А.И. Мамонтова и К°, 1877. – 21 с.

38. *Муромцев, С. А.* Право и справедливость (Отрывок из публичной лекции) / С. А. Муромцев // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического Общества, состоящего при Императорском Московском Университете, и его Статистического отделения. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – Т. 2. – С. 1-12.

39. *Муромцев, С. А.* Статьи и речи: вып. 1-5 / Сергей Муромцев. Вып. 4 : В Московской городской думе / С. А. Муромцев. – Москва : тип. О-ва распростр. полезн. кн. преемник В. И. Воронов, 1910. – 96 с.

40. *Муромцев, С. А.* Определение и основное разделение права / С. А. Муромцев. – Москва : Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1879. – 240 с.

41. *Муромцев, С. А.* Творческая сила юриспруденции / С. А. Муромцев // Юридический вестник. – 1887. – Т. 1, № 9. – С. 112-117.
42. *Новгородцев, П. И.* Об общественном идеале. Вып. 1. 2-е изд. / П. И. Новгородцев. – Киев : Летопись, 1919. – 243 с.
43. *Новгородцев, П. И.* Борис Николаевич Чичерин: ум. 3 февр. / П. И. Новгородцев. – Москва : Унив. тип., 1905. – 10 с.
44. *Новгородцев, П. И.* Государство и право / П. И. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. – 1904. – Кн. 75 (V). – С. 507-538.
45. *Новгородцев, П. И.* Кризис современного правосознания / [соч.] П. Новгородцева (Введение в философию права). Вып. 2 / П. И. Новгородцев. – Москва : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909. – 393 с.
46. *Новгородцев, П. И.* О праве на существование: Социально-филос. этюды П. И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И. А. Покровского, проф. С.-Петерб. ун-та / П. И. Новгородцев. – Санкт-Петербург ; Москва : т-во М.О. Вольф, 1911. – 48 с.
47. *Новгородцев, П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – Москва : Наука, 1996. – 269 с.
48. *Новгородцев, П. И.* Государство и право / П. И. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. – 1904. – Кн. 74 (IV). – С. 397-450.
49. *Основной* государственный закон Российской империи: проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения» / [предисл. ред. «Освобождения» П. Струве]. – Париж : издание ред. «Освобождения», 1905. – 76 с.
50. *Основной Закон* // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. Приложение первое. – Москва : М. и С. Сабашниковы, 1911. – 419 с.
51. *Партия демократических реформ*: [программа]. – Санкт-Петербург : типография С. М. Проппера, [1905-1906]. – 7 с.
52. *Пахман, С. В.* Обычное гражданское право в России / С.В. Пахман; Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – Москва : Зерцало : Система Гарант, 2003 (ППП Тип. Наука). – 700 с.

53. *Пахман, С. В.* О значении личности в области гражданского права / [Соч.] С. В. Пахмана. – Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего Сената, 1883. – 32 с.

54. *Пахман, С. В.* О современном движении в науке права: Речь, произнес. в годовом собр. Юрид. о-ва, состоящего при С.-Петерб. ун-те, 14 февр. 1882 г. С. В. Пахманом, заслуж. проф. и почет. чл. ун-тов: С.-Петерб., Казан. и Харьков / С. В. Пахман. – Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего Сената, 1882. – 68 с.

55. *По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2004 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 5. – Ст. 403.*

56. *Покровский, И. А.* Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права / И.А. Покровский // Вестник гражданского права. – 1913. – № 4. – С. 30-50.

57. *Покровский, И. А.* Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Петроград : изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. – 328 с.

58. *Протоколы* Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-х т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. – Москва : Прогресс-академия, 1994. – 526 с.

59. *Ренненкамф, Н. К.* Очерки юридической энциклопедии / [Соч.] Проф. Ун-та св. Владимира Н. Ренненкамфа. – 2-е изд. / Н. К. Ренненкамф // Киев : изд. печ. магазина Н. Я. Оглоблина, 1880. – 282 с.

60. *Ренненкамф, Н. К.* Юридическая энциклопедия. 4-е изд. / Н. К. Ренненкамф. – Санкт-Петербург ; Киев : изд. печ. магазина Н. Я. Оглоблина, 1913. – 293 с.

61. *Современные конституции: Сб. действующих конституц. актов / пер., под ред. и с вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде. Т. 1. Конституционные монархии. – Санкт-Петербург : изд. юр. кн. склада «Право», 1905. – 596 с.*

62. *Стенографические отчеты / Гос. Дума. 1906 г. Сессия 1-я. Т. 1: Заседания 1–18 (с 27 апреля по 30 мая). – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1906. – 866 с.*

63. *Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3 т. Т. 1. 1905-1907 гг. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 742 с.*

64. *Трубецкой, Е. Н. Труды по философии права / Е. Н. Трубецкой; [сост. И. И. Евлампиев]. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2001. – 540 с.*

65. *Трубецкой, Е. Н. Энциклопедия права / [Соч.] Проф. Моск. ун-та кн. Е. Н. Трубецкого. – Москва : т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1908. – 224 с.*

66. *Трубецкой, Е. Н. Борис Николаевич Чичерин как поборник правды в праве / Е. Н. Трубецкой // Вестник права. – 1904. – № 3. – С. 1-16.*

67. *Трубецкой, Е. Н. Учение Б. Н. Чичерина о сущности и смысле права / Е. Н. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. – 1905. – Кн. V (80). – С. 353-381.*

68. *Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки / Б. Н. Чичерин. – Москва : типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1894. – Ч. I. – Кн. I. – 482 с.*

69. *Чичерин, Б. Н. О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. – Москва : тип. Грачева и К°, 1866. – 552 с.*

70. *Чичерин, Б. Н. Общее государственное право : Б. Н. Чичерин Б. Н. ; под ред. В. А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2006 (М. : Типография «Наука»). – 505 с.*

71. *Чичерин, Б. Н. Положительная философия и единство науки / Б. Н. Чичерин. – Москва : типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1892. – 423 с.*

72. *Чичерин, Б. Н. Собственность и государство / Б. Н. Чичерин – Москва : Тип. Мартынова, 1882. – Ч. I. – 468 с.*

73. *Чичерин, Б. Н.* Философия права / Б. Н. Чичерин. – Москва : типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. – 336 с.

74. *Шершеневич, Г. Ф.* Общая теория права. 2-е изд. / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : изд. бр. Башмаковых, 1912. – 814 с.

75. *Шершеневич, Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве: Лекции Г. Ф. Шершеневича / Моск. о-во нар. ун-тов. – Москва : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. – 163 с.

76. *Шершеневич, Г. Ф.* Определение понятия о праве / [Соч.] Проф. Казан. ун-та Г. Ф. Шершеневича. Казань // Ученые записки Казанского университета. – 1896. – Т. 4. – 83 с.

77. *Шершеневич, Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. Изд. 10 / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : изд. бр. Башмаковых, 1911. – 951 с.

78. *Шершеневич, Г. Ф.* Философия права. Т. 1: Часть теоретическая: Общая теория права: Вып. 4 / Г. Ф. Шершеневич – Москва : изд. бр. Башмаковых, 1912. – 805 с.

79. *Шершеневич, Г. Ф.* Народные представители // Сост. Г. Ф. Шершеневич, доп. применит. позднейшим событиями А.Е. Пресняков / Г. Ф. Шершеневич. – Петроград : Я. Башмаков и К°, 1917. – 16 с.

80. *Шершеневич, Г. Ф.* О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / Г. Ф. Шершеневич. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1897. – 28 с.

Научная и учебная литература

81. *Алексеев, С. С.* Структура советского права / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 264 с.

82. *Аронов, Д. В.* Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе, 1906-1917 гг. : монография / Д. В. Аронов. – Москва : Юрист, 2005. – 413 с.

83. *Баландин, В. Н.* Принципы юридического процесса / В.Н. Баландин, А.А. Павлушина. – Тольятти : Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2001. – 150 с.
84. *Беккариа, Ч.* О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа ; сост., предисл. В. С. Овчинский ; пер. с итал. М. М. Исаева. – Москва : Инфра-М, 2011. – 182 с.
85. *Бержель, Ж.-Л.* Общая теория права / Жан-Луи Бержель ; под общ. ред. В. И. Даниленко. – Москва : Nota Bene, 2000. – 574 с.
86. *Братусь, С. Н.* Предмет и система гражданского права / С. Н. Братусь. – Москва : Госюриздат, 1963. – 197 с.
87. *Гегель, Г. В. Ф.* Философия права / Георг Вильгельм Фридрих Гегель ; пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц; авт. вступ. статьи и примеч. В. С. Нерсисянц. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.
88. *Гоббс, Т.* Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс ; предисл. и ред. А. Ческиса. – Москва : Соцэкгиз, 1936. – 502 с.
89. *Графский, В. Г.* История политических и правовых учений : учебник / В. Г. Графский. – 3-е изд., доп. – Москва : Норма, 2009. – 735 с.
90. *Гревцов, Ю. И.* Закон. Ответственность. Порядок: курс лекций, прочитанных на юридическом факультете СПбГУ / Ю. И. Гревцов. – Санкт-Петербург : Наука, 2017. – 485 с.
91. *Грязнова, Т. Е.* Идея демократии в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX – первой половины XX века: монография / Т. Е. Грязнова. – Омск : Омская академия МВД России, 2010. – 283 с.
92. *Еллинек, Г.* Общее учение о государстве / Георг Еллинек. – 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гессеном. – Санкт-Петербург : изд. Н. К. Мартынов, 1908. – 599 с.
93. *Зайончковский, П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. / П. А. Зайончковский. – Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Издательский Дом (Типография), 1964. – 511 с.

94. *Зорькин, В. Д.* Муромцев (Из истории политической и правовой мысли) / В. Д. Зорькин ; отв. ред. В. С. Нерсисянц. – Москва : Юридическая литература, 1979. – 127 с.
95. *Зорькин, В. Д.* Позитивистская теория права в России / В. Д. Зорькин. – Москва : МГУ, 1978. – 269 с.
96. *Зорькин, В. Д.* Чичерин (Из истории политической и правовой мысли) / В. Д. Зорькин ; отв. ред. П. С. Грацианский. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 109 с.
97. *Иеринг, Р.* Юридическая техника / Рудольф Иеринг ; пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – Санкт-Петербург : Типо-лит. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1905. – 106 с.
98. *Ильин, И. А.* Теория права и государства. 2-е изд., дополненное / И. А. Ильин ; под ред. и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2008. – 550 с.
99. *Исаев, И. А.* Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.) / И. А. Исаев. – Москва : Наука, 1991. – 266 с.
100. *Кант, И.* Спор факультетов. Соч. В 8 т. : юбилейное издание 1794–1994 / Иммануил Кант ; пер. с нем. ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – Москва : ЧОРО, 1994. – Т. 7. – 496 с.
101. *Китаев, В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века / В. А. Китаев. – Москва : Мысль, 1972. – 288 с.
102. *Коновалов, А. В.* Принципы права : монография / А. В. Коновалов. – Москва : Норма, 2022. – 790 с.
103. *Куприц, Н. Я.* Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.) / Н. Я. Куприц. – Москва : МГУ, 1980. – 168 с.
104. *Локк, Дж.* Два трактата о правлении / Соч. В 3 т. / Джон Локк ; ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. – Москва : Мысль, 1988. – 480 с.
105. *Мальцев, В. В.* Принципы уголовного права : монография / В. В. Мальцев. – Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2001. – 264 с.

106. *Матузов, Н. И.* Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты // Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2010. – 701 с.

107. *Медушевский, А. Н.* Диалог со временем: Российские конституционалисты конца XIX – начала XX вв. / А. Н. Медушевский. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 486 с.

108. *Монтескье, Ш. Л.* О духе законов / Шарль Луи Монтескье ; сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук. – Москва : Мысль, 1999. – 672 с.

109. *Морозова, Л. А.* Теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Л. А. Морозова. – Москва : Эксмо, 2007. – 510 с.

110. *Нерсисянц, В. С.* История идей правовой государственности / В. С. Нерсисянц. – Москва : [б. и.], 1993. – 15 с.

111. *Нерсисянц, В. С.* Философия права : учебник / В. С. Нерсисянц – Москва : ИНФРА-М, Норма, 1997. – 835 с.

112. *Платон.* Законы. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. / Платон ; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – Москва : Мысль, 1994. – 830 с.

113. *Проблемы общей теории права и государства : учебник* / Н. В. Варламова и др. ; под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – Москва : Норма ; ИНФРА-М, 2010. – 815 с.

114. *Проблемы теории государства и права : учебное пособие* / под ред. М. Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2001. – 755 с.

115. *Радько, Т. Н.* Теория государства и права : учебник / Т. Н. Радько. – Москва : Проспект, 2018. – 495 с.

116. *Руссо, Ж.-Ж.* Об общественном договоре или Принципы политического права / Жан-Жак Руссо. – Москва : Соцэкгиз, 1938. – 124 с.

117. *Сорокин, В. В.* Дух права и буква закона: вопросы понимания, толкования и действия : монография / В. В. Сорокин. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 560 с.

118. *Сырых, В. М.* Теория государства и права: учебник / В. М. Сырых. – Москва : Былина, 1998. – 512 с.

119. *Теория государства и права: учебник* / В. В. Лазарев, С. В. Липень ; 4-е изд. перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2013. – 634 с.
120. *Теория государства и права : Классический учебник* / А. М. Гонов, А. И. Клименко, Г. М. Лановая [и др.]. – Четвертое изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 400 с.
121. *Томсинов, В. А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века* / В. А. Томсинов. – Москва : Зерцало, 2013. – 308 с.
122. *Томсинов, В. А. Российские правоведы XVIII—XX веков. Т. 3: очерки жизни и творчества* / В. А. Томсинов. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Зерцало-М, 2015. – 457 с.
123. *Фролова, Е. А. П. И. Новгородцев о праве и государстве* / Е. А. Фролова. – Москва : МАКС Пресс, 2001. – 138 с.
124. *Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права : учебное пособие* / И. Л. Честнов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2004. – 64 с.
125. *Шебанов, А. Ф. Советское социалистическое общенародное право: учебное пособие* / А. Ф. Шебанов. – Москва : [б. и.], 1963. – 98 с.
126. *Шейндлин, Б. В. Сущность советского права* / Б. В. Шейндлин. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 140 с.
127. *Шкуринов, П. С. Позитивизм в России XIX века* / П. С. Шкуринов. – Москва : МГУ, 1980. – 416 с.
128. *Явич, Л. В. Право развитого социалистического общества: сущность и принципы* / Л. В. Явич. – Москва : Юридическая литература, 1978. – 224 с.

Научные статьи и публикации

129. *Александров, Н. Г. Социалистические принципы советского права* / Н. Г. Александров // Советское государство и право. – 1957. – № 11. – С. 16-30.

130. *Алешкова, И. А.* Принципы и нормы права: функциональная значимость и диалектическая взаимосвязь / И. А. Алешкова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 9-14.

131. *Аникушин, С. В.* Исследование принципов права в контексте разных типов правопонимания / С. В. Аникушин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 3-10.

132. *Архипов, В. В.* Роль принципов права при восполнении пробелов в законодательстве / В. В. Архипов, Д. И. Луковская, М. И. Юдина, М. С. Куликова // Мониторинг правоприменения 2020-2021 : Труды экспертов СПбГУ. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. – С. 684-701.

133. *Баранов, В. М.* «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) / В. М. Баранов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 75-78.

134. *Баранов, В. М.* Принципы законодательства в фокусе междисциплинарных исследований. Вступительное слово профессора В. М. Баранова при открытии XXI форума «Юртехнетика» / В. М. Баранов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 8-16.

135. *Бирюков, С. В.* Значение дополнения, конкуренции, коллизии принципов права для правоприменительных и иных видов юридической деятельности / С. В. Бирюков // Правоприменение. – 2021. – № 4. – С. 20-29.

136. *Биюшкина, Н. И.* Организационно-правовые предпосылки формирования чрезвычайного законодательства 80-90-х годов XIX века / Н. И. Биюшкина // Юридическая техника – 2012. – № 6. – С. 93-100.

137. *Васильев, Ю. И.* Квалифицированное молчание законодателя как общеправовой феномен (постановка проблемы) / Ю. И. Васильев //

Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России – 2015. – № 1. – С. 227-230.

138. *Васильева, Ю. В.* Система права и система законодательства о социальном обеспечении (к вопросу о кодификации отраслевого законодательства) / Ю. В. Васильева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 3. – С. 171-178.

139. *Грязнова, Т. Е.* Принципы правосудия в российской юридической науке конца XIX – начала XX вв. / Т. Е. Грязнова, М. А. Бучакова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 60-63.

140. *Грязнова, Т. Е.* Идеи правотворческой экспертизы в Российской империи / Т. Е. Грязнова // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 94-97.

141. *Грязнова, Т. Е.* Принципы права в интерпретации российских либеральных юристов конца XIX – начала XX века / Т. Е. Грязнова // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 132-134.

142. *Грязнова, Т. Е.* Проблемы и перспективы конституционализма в России: взгляд отечественных юристов рубежа XIX-XX вв. / Т. Е. Грязнова, М. А. Бучакова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022. – Т. 28, № 1. – С. 58-62.

143. *Грязнова, Т. Е.* Учение о солидарности власти и народа Кистяковского Б. А. / Т. Е. Грязнова, Г. Е. Москаленко // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 1 – С. 7-10.

144. *Дембо, Л. И.* О принципах построения системы права / Л. И. Дембо // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 88-98.

145. *Демин, А. В.* Бинарный подход против относительной нормативности: к дискуссии о «мягком праве» / А. В. Демин // Закон. – 2014. – № 6. – С. 96-105.

146. *Евстигнеева, Л. А.* Принципы права социального обеспечения: в преддверии кодификации / Л. А. Евстигнеева // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 2. – С. 138-144.

147. *Ершов, В. В.* Принципы права: сущность и функции / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2019. – № 2. – С. 5-16.
148. *Зайнутдинов, Д. Р.* Формирование имперской теории административной юстиции (конец XIX – начало XX века) / Д. Р. Зайнутдинов // Вестник ННГУ. – 2022. – № 1. – С. 72-80.
149. *Зайцева, Е. С.* Значение принципов права при установлении пределов правового регулирования / Е. С. Зайцева // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 143-145.
150. *Зайцева, Е. С.* Установление пределов правового регулирования в правоприменении / Е. С. Зайцева // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 59-70.
151. *Захаров, А. В.* Государственная власть в трактовке русских либеральных мыслителей XIX-начала XX века (на примере Б. Н. Чичерина) / А. В. Захаров // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 2. – С. 3-8.
152. *Илюхина, В. А.* Принципы гражданского процессуального права России: позитивистский подход / В. А. Илюхина // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – Т. 4, № 16. – С. 515-522.
153. *Иоффе, О. С.* Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) / О. С. Иоффе // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1968. – № 14. – С. 45-60.
154. *Истомина, Е. А.* К вопросу о реализации принципов права социального обеспечения / Е. А. Истомина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 96-101.
155. *Карташов, В. Н.* Принципы права: понятие, структуры, функции / В. Н. Карташов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 158-166.
156. *Клименко, А. И.* Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства / А. И. Клименко // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 167-169.

157. *Кобзева, С. И.* К вопросу о кодификации законодательства о социальном обеспечении / С. И. Кобзева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 11. – С. 117-122.

158. *Комиссарова, Е. Г.* Смысл законодательства как научная и нормативная категория / Е. Г. Комиссарова, И. М. Комиссаров // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 12. – С. 109-114.

159. *Кондрашова, М. А.* Соотношение принципов осуществления прав и исполнения обязанностей в гражданском и семейном законодательстве / М. А. Кондрашова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 4. – С. 93-96.

160. *Корнев, А. В.* Конкуренция методологических подходов в истории политических и правовых учений / А. В. Корнев // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 9(190). – С. 130-140.

161. *Лавдаренко, Л. И.* Принципы права и их система / Л. И. Лавдаренко, С.Н. Рудых // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10. – С. 196-203.

162. *Лазарев, В. В.* Функциональная характеристика принципов права / В. В. Лазарев // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 207-212.

163. *Лапаева, А. В.* Идея социальных прав человека в трактовке представителей возрожденного естественного права России конца XIX – начала XX в. / А. В. Лапаева // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – № 16. – С. 417-425.

164. *Лапаева, В. В.* Российская юриспруденция в поисках нового типа правопонимания / В. В. Лапаева // Наш трудный путь к праву : материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. – Москва : Норма, 2006. – С. 40-46.

165. *Ларионова, М. А.* Конституционно-правовые гарантии прав человека как элемент конституционализма в России / М. А. Ларионова // Право и практика. – 2018. – № 3. – С. 43-47.

166. *Лебедев, С. Н.* Теория ценности и ценности права: история и методология / С. Н. Лебедев // История государства и права. – 2011. – № 21. – С. 6-10.

167. *Лицук, А. А.* Философия права Б. А. Кистяковского / А. А. Лицук // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 3-6.

168. *Лугинец, Э. Ф.* «Квалифицированное молчание законодателя» как одна из культурных предпосылок эффективности правоприменения в процессе судопроизводства / Э. Ф. Лугинец // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 705-709.

169. *Лукашева, Е. А.* Принципы социалистического права / Е. А. Лукашева // Советское государство и право. – 1970. – № 6. – С. 21-26.

170. *Медушевский, А. Н.* Н. М. Коркунов как теоретик права и политический мыслитель / А. Н. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 2. – С. 173-189.

171. *Медушевский, А. Н.* В. М. Гессен и теория перехода: от авторитаризма к демократии и от демократии к авторитаризму / А. Н. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 4. – С. 176-188.

172. *Медушевский, А. Н.* Конституционный проект С. А. Муромцева / А. Н. Медушевский // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. – Москва : Институт российской истории, 1996. – С. 173-196.

173. *Межеккей, А. В.* Судебное правотворчество, реализуемое посредством применения аналогии закона и аналогии права / А. В. Межеккей // Образование и право. – 2022. – № 10. – С. 223-228.

174. *Микрюков, В. А.* О состоянии научных исследований по проблемам института аналогии в гражданском праве / В. А. Микрюков // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1. – С. 60-68.

175. *Михайленко, Н. М.* Принципы гражданского права как основные начала правового регулирования имущественных отношений в концепции

интегративного типа правопонимания / Н. М. Михайленко // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 237-242.

176. *Неверова, О. С.* Гражданское равенство в государственно-правовой теории Ф. Ф. Кокошкина / О. С. Неверова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2012. – № 38. – С. 80-85.

177. *Никитчик, А. А.* Принципы права в естественно-правовой теории России второй половины XIX – начала XX века / А. А. Никитчик // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27, № 4. – С. 344-349.

178. *Никитчик, А. А.* Принципы права в интерпретации М.Н. Капустина / А. А. Никитчик // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 2. – С. 49-58.

179. *Никитчик, А. А.* Принципы права как фактор развития системы права в трудах российских юристов конца XIX – начала XX вв. / А. А. Никитчик // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 67-70.

180. *Новикова, А. Е.* Учение А. С. Котляревского о правовом государстве / А. Е. Новикова // История государства и права. – 2007. – № 4. – С. 31-32.

181. *Овчинников, А. И.* Антиномия понимания и объяснения в юридической науке / А. И. Овчинников // Философия права. – 2003. – № 1. – С. 41-46.

182. *Павленко, Д. С.* Проблемы кодификации права социального обеспечения в России / Д. С. Павленко // Молодой ученый. – 2016. – № 6.6. – С. 95-96.

183. *Печенкина, А. М.* Принципы права: понятие, правовая природа, система / А.М. Печенкина // Право и глобальный социум. – 2018. – № 1. – С. 52-62.

184. *Пиголкин, А. С.* Обнаружение и преодоление пробелов права / А. С. Пиголкин // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 49-57.

185. *Поляков, А. В.* Либеральный консерватизм Б. Н. Чичерина / А. В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 79-87.

186. *Поляков, А.В.* Признание права и принцип формального равенства / А. В. Поляков // Правоведение – 2015. – № 6. – С. 57-77.

187. *Пяткина, С. А.* Школа «возрожденного естественного права» в России / С. А. Пяткина // Правоведение. – 1969. – № 6. – С. 101-105.

188. *Репьев, А. Г.* «Предельность» как принцип законодательного установления правовых преимуществ / А. Г. Репьев // Юридическая техника. – 2020. – №. 14. – С. 499-502.

189. *Рыженков, А. Я.* Юридический состав кабальной сделки: проблемы теории и практики / А. Я. Рыженков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2 – С. 151-159.

190. *Саенко, С. И.* Развитие понятийно-категориального аппарата теории нормы административного права в Российской империи / С. И. Саенко // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 2. – С. 240-244.

191. *Сапрыкина, Е. А.* Принцип активной роли суда в административном судопроизводстве / Е. А. Сапрыкина // Журнал административного судопроизводства. – 2017. – № 3. – С. 74-77.

192. *Севрюгин, В. Е.* Административно-процессуальное право России: состояние, проблемы и перспективы / В. Е. Севрюгин // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 109-123.

193. *Семенов, В. М.* Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права / В. М. Семенов // Сборник ученых трудов СЮИ. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1964. – № 2. – С. 189-193.

194. *Серегин, В.* Социальная свобода и социальная справедливость / В. Серегин // Самоуправление. – 2011. – № 2. – С. 22-23.

195. *Сидоркин, А. С.* Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании / А. С. Сидоркин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 4. – С. 5-12.

196. *Степаненко, Р. А.* Основные функции принципов права (на примере земельного права) / Р. А. Степаненко // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 4. – С. 181-184.

197. *Степина, М. И.* Принцип неприкосновенности личности в законотворчестве Государственной Думы Российской империи / М. И. Степина // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2021. – № 4. – С. 266-273.

198. *Толмачева, Н. Н.* К вопросу о соблюдении принципа верховенства закона и других принципов законности в законодательстве субъектов Российской Федерации / Н. Н. Толмачева // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 35-47.

199. *Томсинов, В. А.* Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. Статья третья / В. А. Томсинов // Законодательство. – 2015. – № 3. – С. 1-47.

200. *Томсинов, В. А.* Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения / В. А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2015. – № 2. – С. 22-40.

201. *Третьякова, Е. С.* Воспроизведение (дублирование) в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации норм Конституции РФ и федеральных законов / Е. С. Третьякова // Современное право. – 2009. – № 11. – С. 30-33.

202. *Ульянова, М. В.* Обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав / М. В. Ульянова // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 392-402.

203. *Упоров, И. В.* Дублирование нормативного текста в правовых актах: теоретические основы и юридическое значение / И. В. Упоров // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 8. – С. 66-71.

204. *Уфимцева, Е. В.* Различные аспекты понимания категории «принцип права» в отечественной юриспруденции и роль принципов права как субсидиарного критерия разграничения отраслей в системе права / Е. В. Уфимцева // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 529-551.

205. *Филиппова Э. М.* О принципах в праве социального обеспечения / Э. М. Филиппова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – Т. 13, № 2. – С. 66-69.

206. *Циунчук, Р. А.* Идея народного представительства в России в 1904–1905 гг.: от совещательной к законодательной модели / Р. А. Циунчук // Вестник экономики, права и социологии. – 2008. – № 6. – С. 100-110.

207. *Шафиров, В. М.* Принцип права и типы правопонимания / В. М. Шафиров // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 355-359.

208. *Шейндлин, Б. В.* Развитие основных принципов советского права / Б. В. Шейндлин // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: тезисы докладов. – Ленинград : ЛГУ, 1957. – С. 10-14.

209. *Явич, Л. С.* Система советского права и систематизация законодательства / Л. С. Явич // Научная сессия, посвященная теоретическим вопросам систематизации советского законодательства: тезисы докладов и сообщений. – Москва : Всесоюзный институт юридических наук, 1961. – С. 26-29.

Диссертации и авторефераты диссертаций

210. *Багоян, Е. Г.* Идея правового государства в либеральной мысли (конец XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Багоян Елена Гриневна. – Москва, 2005. – 208 с.

211. *Березко, В. Э.* Конституционно-правовые взгляды Б. Н. Чичерина : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Березко Владимир Эдуардович. – Москва, 2003. – 134 с.

212. *Винницкий, И. Е.* Функции справедливости и законности как принципов права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Винницкий Иван Евгеньевич. – Москва, 2011. – 25 с.

213. *Глушаченко, С. Б.* Русские юристы второй половины XIX – начала XX вв. о правах личности и правовом государстве: историко-правовое

исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Глушаченко Сергей Борисович. – Санкт-Петербург, 2000. – 349 с.

214. *Глушкова, С. И.* Проблема правового идеала в русском либерализме : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Глушкова Светлана Игоревна. – Екатеринбург, 2002. – 448 с.

215. *Желдыбина, Т. А.* Государственно-правовые взгляды Г. Ф. Шершеневича : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Желдыбина Татьяна Анатольевна. – Саратов, 2007. – 181 с.

216. *Жуков, В. Н.* Социальная философия П. И. Новгородцева: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Жуков Вячеслав Николаевич. – Москва, 1993. – 183 с.

217. *Жуков, В. Н.* Философия естественного права в русской мысли первой половины XX в. : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / Жуков Вячеслав Николаевич. – Москва, 2001. – 361 с.

218. *Жуков, В. Н.* Социология права в России: вторая половина XIX - первая треть XX в. : теоретико-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Жуков Вячеслав Николаевич. – Москва, 2015. – 367 с.

219. *Золотухина, Е. К.* Права и свободы человека в партийно-политической деятельности российских либералов в 1905–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Золотухина Екатерина Керимовна. – Орел, 2010. – 266 с.

220. *Зорькин, В. Д.* Воззрения Б. Н. Чичерина на государство и право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / Зорькин Валерий Дмитриевич – Москва, 1967. – 16 с.

221. *Иванова, В. Н.* Учение Н. М. Коркунова о государстве и праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Иванова Виолетта Николаевна. – Москва, 1976. – 16 с.

222. *Клушин, А. Г.* Общественно-политическая деятельность Ф. Ф. Кокошкина : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. / Клушин Алексей Геннадьевич. – Орел, 2000. – 25 с.

223. *Ключников, М. И.* Учения о наказании в политико-правовой мысли России второй половины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ключников Михаил Иванович. – Владимир, 2010. – 163 с.

224. *Кривенцова, А. В.* Концепция конституционного государства С. А. Котляревского : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кривенцова Ангелина Вячеславовна. – Владимир, 2008. – 218 с.

225. *Кроткова, Н. В.* Государственно-правовые взгляды С. А. Котляревского : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кроткова Наталья Викторовна. – Москва, 2007. – 178 с.

226. *Крохин, И. Н.* Общественно-политические взгляды и научная деятельность П. И. Новгородцева конца XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Крохин Игорь Николаевич. – Москва, 2006. – 156 с.

227. *Курбенков, В. А.* Концептуальные основания политического учения Б. А. Кистяковского : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Курбенков, Валерий Анатольевич. – Владивосток, 2004. – 162 с.

228. *Лаврусь, С. Ю.* Реализация принципов права в юридической практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лаврусь Светлана Юрьевна. – Казань, 2005. – 30 с.

229. *Лиска, О. М.* Учения о применении права в России во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лиска Олеся Михайловна. – Москва, 2015. – 197 с.

230. *Малькова, Е. Г.* Политико-правовая теория Б. А. Кистяковского: историко- и теоретико-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Малькова Елена Геннадьевна. – Санкт-Петербург, 2010. – 227 с.

231. *Матросова, А. Е.* Концепция нравственной личности в философском наследии П. И. Новгородцева : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Матросова Елена Юрьевна. – Мурманск, 2010. – 172 с.

232. *Мезенцева, Я. В.* Проблемы формирования российского правосознания в трактовке русских юристов второй половины XIX – начала XX

веков: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид наук : 12.00.01 / Мезенцева Ярослава Владимировна. – Санкт-Петербург, 2004. – 162 с.

233. *Милкин-Скопец, М. А.* Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Милкин-Скопец Михаил Анатольевич. – Москва, 2010. – 170 с.

234. *Москаленко, Г. Е.* Идея солидарности в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX - начала XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Москаленко Глеб Евгеньевич. – Омск, 2019. – 195 с.

235. *Овчинников, А. И.* Правовое мышление: аксиологический и герменевтический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 09.00.10 / Овчинников Алексей Игоревич. – Ростов-на-Дону, 2000. – 169 с.

236. *Овчинникова, Н. А.* Правовые и политические взгляды Е. Н. Трубецкого : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Овчинникова Надежда Альбертовна. – Санкт-Петербург, 2009. – 209 с.

237. *Окатова, А. С.* Учение В. М. Гессена о государстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Окатова Анастасия Сергеевна. – Тамбов, 2009. – 231 с.

238. *Савицкая, А. Е.* Политико-правовая теория С. А. Котляревского : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Савицкая Анна Евгеньевна. – Санкт-Петербург, 2005. – 188 с.

239. *Сальников, С. П.* Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века: историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Сальников Сергей Павлович. – Санкт-Петербург, 2006. – 378 с.

240. *Сидоркин, А. С.* Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сидоркин Александр Сергеевич. – Москва, 2010. – 25 с.

241. *Скворцов, В. П.* Либерально-демократические идеи о государстве и праве Б. А. Кистяковского : дис. ... канд. юрид наук : 12.00.01 / Скворцов Валерий Петрович. – Тамбов, 2002. – 166 с.

242. *Токарева, Д. В.* Конституционные проекты и концепции в русской либеральной мысли второй половины XIX – первой четверти XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Токарева Диана Валерьевна. – Орел, 2010. – 212 с.

243. *Уфимцева, Е. В.* Отраслеобразование в современном российском праве (доктринальные основы и критерии): дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Уфимцева Екатерина Владимировна. – Екатеринбург, 2017. – 240 с.

244. *Хайлова, Н. Б.* Партия демократических реформ : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Хайлова Нина Борисовна. – Москва, 1994. – 30 с.

245. *Цветкова, О. В.* Эволюция взглядов В. М. Гессена и С. А. Котляревского на становление парламентаризма в России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Цветкова Ольга Викторовна. – Ульяновск, 2010. – 149 с.

246. *Шаповал, О. В.* Учение Н. М. Коркунова о праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шаповал Ольга Вячеславовна. – Краснодар, 2005. – 180 с.

247. *Шигабутдинов, Р. Р.* Политико-правовые воззрения, общественная и научно-педагогическая деятельность Г. Ф. Шершеневича : дис. ... канд. ист. наук : 23.00.01 / Шигабутдинов Рафаэль Рустамович. – Казань, 2009. – 193 с.

248. *Юркина, М. И.* Понимание права: интеграция подходов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Юркина Марина Игоревна. – Москва, 2005. – 152 с.

249. *Ющенко, Н. В.* Государственно-правовые взгляды С. А. Муромцева : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ющенко Наталья Валерьевна. – Санкт-Петербург, 2002. – 204 с.

250. *Яковлев, А. В.* Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Яковлев Алексей Витальевич. – Москва, 2014. – 163 с.

251. *Яхина, А. Р.* Учение П. И. Новгородцева о праве и государстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Яхина Айсылу Равилевна. – Уфа, 2007. – 194 с.

Электронные источники информации

252. *Архипов, С. И.* Либертарная теория права В. С. Нерсисянца: достоинства и недостатки / С. И. Архипов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2015. – № 5. – С. 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/libertarnaya-teoriya-prava-v-s-nersesyantsa-dostoinstva-i-nedostatki>

253. *Белик А. С.* Принципы, отражающие роль суда в административном производстве / А. С. Белик. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-otrazhayuschie-rol-suda-v-administrativnom-proizvodstve>

254. *Зорькин В. Д.* Судебная власть перед вызовами времени / В. Д. Зорькин. – URL: <https://rg.ru/2022/11/29/valerij-zorkin-vazhnoe-usloviye-doveriia-obshchestva-k-sudebnoj-vlasti-ispolnenie-sudebnyh-reshenij.html>